

Синодальный отдел по монастырям и монашеству
Русской Православной Церкви

МОНАСТЫРИ И МОНАШЕСТВО: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Первая международная
богословская
научно-практическая
конференция

23–24 сентября 2013 года
Свято-Троицкая Сергиева лавра

РЕКОМЕНДОВАНО К ПУБЛИКАЦИИ
ИЗДАТЕЛЬСКИМ СОВЕТОМ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ.

ИС 14-323-2873.

Монастыри и монашество: традиции и современность. Международная богословская научно-практическая конференция в Свято-Троицкой Сергиевой лавре. – М.: Синодальный отдел по монастырям и монашеству Русской Православной Церкви, 2013. – 224 с. + 1,0 п. л. цветная вкладка

Сборник содержит материалы первой международной богословской научно-практической конференции «Монастыри и монашество: традиции и современность», прошедшей в сентябре 2013 г. в Свято-Троицкой Сергиевой лавре.

ISBN 978-5-905331-29-9

© Синодальный отдел по монастырям и монашеству Русской Православной Церкви, составление, оформление, верстка, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

- [От издателей](#)
- [Митрополит Волоколамский Иларион \(Алфеев\), председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата](#)
[МОНАШЕСТВО КАК ТАИНСТВО ЦЕРКВИ](#)
 - [Доклад](#)
 - [Обсуждение доклада](#)
- [Митрополит лимассольский Афанасий \(Кипрская Православная Церковь\)](#)
[МОНАШЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ МОНАСТЫРЯХ](#)
 - [Доклад](#)
 - [Обсуждение доклада](#)
- [Монахиня Феоксения, настоятельница монастыря в честь иконы «Живоносный источник» – Хрисопиги \(о. Крит, Греция\)](#)
[ИГУМЕН КАК ДУХОВНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ МОНАСТЫРЯ: КАНОНИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И ЗНАЧЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ](#)
 - [Доклад](#)
 - [Обсуждение доклада](#)

- **Иеромонах Хризостом, монастырь Кутлумуш (Святая Гора Афон)**
ЛИТУРГИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В МОНАСТЫРЯХ И СМЫСЛ МОНАСТЫРСКИХ ПОСЛУШАНИЙ. БОГОСЛОВСКОЕ И КАНОНИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ МОНАШЕСКИХ ОБЕТОВ
 - Доклад
 - Обсуждение доклада
- **Игумен Антипа, настоятель кельи св. прав. Анны (Святая Гора Афон)**
ОСОБЕННОСТИ ДУХОВНОГО ОКОРМЛЕНИЯ В ЖЕНСКИХ МОНАСТЫРЯХ
 - Доклад
 - Обсуждение доклада
- **Игумен Дионисий (Шлёнов), доцент Московской Духовной академии**
ТРИ МОНАШЕСКИХ ОБЕТА: КАНОНИЧЕСКОЕ И БОГОСЛОВСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ
 - Доклад
 - Обсуждение доклада
- **Иеромонах Валериан (Кузьменко), главный референт Синодального отдела по монастырям и монашеству**
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРОЕКТА «ПОЛОЖЕНИЕ О МОНАСТЫРЯХ И МОНАШЕСТВЕ»
- **Вместо послесловия**
- **Итоговый документ Международной богословской научно-практической конференции «Монастыри и монашество: традиции и современность»**
- **УЧАСТНИКИ О КОНФЕРЕНЦИИ**
 - **Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев), председатель Отдела внешних церковных связей Русской Православной Церкви**
Монашество остается авангардом Церкви
 - **Архимандрит Алексей (Поликарпов), наместник Данилова ставропигиального мужского монастыря г. Москвы**
От России ждут духовной защиты
 - **Игумен Антипа, настоятель кельи св. прав. Анны (Святая Гора Афон)**
Святость – это долг и обязанность всех нас
 - **Игуменья Викторина (Перминова), настоятельница Богородице-Рождественского ставропигиального женского монастыря**
Жизнь по любви, или еще раз о монашеских правилах

- [Игуменья Домника \(Коробейникова\), настоятельница Александро-Невского Ново-Тихвинского женского монастыря, г. Екатеринбург](#)
[Золотой век русского монашества: прошлое или будущее?](#)

- [Участники конференции](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)

Синодальный отдел по монастырям и монашеству
Русской Православной Церкви

МОНАСТЫРИ И МОНАШЕСТВО: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Первая международная
богословская
научно-практическая
конференция

23-24 сентября 2013 года
Свято-Троицкая Сергиева лавра

23–24 сентября 2013 года в Троице-Сергиевой лавре состоялась первая международная богословская научно-практическая конференция «Монастыри и монашество: традиции и современность». Круг вопросов, предлагавшихся для рассмотрения ее участникам, был определен в ходе предшествующей трехлетней работы над проектом «Положения о монастырях и монашествующих». Документ неоднократно обсуждался в комиссии Межсоборного присутствия, в Синодальном отделе по монастырям и монашеству, на совещаниях игуменов и игумений ставропигиальных монастырей. После опубликования проекта «Положения», в 2012–2013 гг. в интернете была развернута широкая дискуссия, выявившая наиболее важные и острые проблемы современной монашеской жизни в России. Обо всем этом, открывая конференцию, кратко напомнил Председатель Синодального отдела по монастырям и монашеству, наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры архиепископ Сергиево-Посадский Феогност. Передавая участникам конференции благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, Высокопреосвященный владыка Феогност выразил надежду, что результатом выступлений докладчиков и последующего обмена мнениями станет внесение существенных предложений и поправок в подготовленный текст документа. Он будет затем разослан для обсуждения в епархиях, направлен в Президиум Межсоборного Присутствия и только после этого, для принятия окончательного решения, вынесен на Архиерейский собор Русской Православной Церкви. Его Высокопреосвященство подчеркнул, что в данный момент это именно *проект документа*, и все заинтересованы в том, чтобы он как можно более точно и полно отразил жизнь современного русского монашества, послужил подспорьем в разрешении имеющихся трудностей. Владыка Феогност также отметил, что на конференцию приглашены – в том числе и в качестве докладчиков – представители братских Православных Церквей из Греции, Сербии, Польши, среди присутствующих находятся те, кто непосредственно воспитан на святоотеческом предании Святой Горы Афон. Приветствуя гостей, Владыка высказал уверенность, что их знания и опыт окажутся чрезвычайно интересными и полезными.

Организаторы конференции надеются, что, собранная впервые, она будет иметь продолжение, станет доброй традицией, но, как было сказано во вступительном слове, все будет зависеть от того, насколько правильно определится цель этого собрания. Если есть готовность поделиться опытом, поделиться своими переживаниями для того, чтобы совместно выработать способы преодоления проблем, которые сегодня осложняют жизнь монастырей и монашества, то смысл и необходимость в таких встречах есть. Именно поэтому в программу конференции было включено сравнительно небольшое число докладов и отведено значительное время на их обсуждение, на дискуссию. Перед началом работы председательствующий Высокопреосвященный владыка Феогност особо подчеркнул: необходимо помнить о том, что

главными вопросами, которые должны волновать монашествующих, являются вопросы духовной жизни, именно они должны лежать в основе принципов внутримонастырской организации и отношений монастыря с внешним миром, должны стать определяющими для современного этапа развития отечественного монашества.

МОНАШЕСТВО КАК ТАИНСТВО ЦЕРКВИ

Последние двадцать пять лет в жизни нашей Церкви ознаменовались беспрецедентным увеличением числа монашеских обителей. Если четверть века назад на всю многомиллионную Русскую Церковь их было около двадцати, то сегодня их более восьмисот, причем ни одна из них не пустует. Не менее десяти тысяч человек – мужчин и женщин – за эти годы приняли монашеский постриг. Само по себе это явление, особенно на фоне рассуждений о наступлении «постхристианской эпохи» и оскудении монашеских призваний в странах Запада, заслуживало бы отдельного исследования.

Что влечет людей в монастырь? Почему юноши и девушки в расцвете сил оставляют этот мир, лишают себя радостей семейной жизни и встают на тесный и тернистый путь иноческого жития? Для меня эти вопросы не являются отвлеченными. Я стал монахом в далеком уже 1987 году, а впервые пришел в монастырь в начале 80-х, когда о каком-либо религиозном возрождении в нашей стране никто не мог и помыслить. Монашеское возрождение, свидетелем и участником которого я стал, не имеет никаких объяснений, кроме того, что великое чудо Божие свершилось над нашим народом: приклонил Господь милость Свою к нам и Сам призвал тысячи людей на монашеский путь. И что удивительно – люди откликнулись на этот призыв и своими руками стали воссоздавать монастыри там, где они когда-то стояли, и строить новые там, где их никогда не было.

Когда, начиная с 1988 года, монастыри стали с молниеносной быстротой возникать на нашей земле, в них не могло быть того преемства традиции, которое было характерно для дореволюционного русского монашества. В большинстве монастырей жизнь начиналась с нуля. Отсутствие духовного опыта у иноков и инокинь восполнялось пламенной верой и надеждой на божественную благодать, «всегда немощная врачующую и оскудевающая восполняющую».

Особые условия, в которых происходит возрождение монастырей в Русской Церкви, требуют особой вдумчивости при обсуждении различных аспектов монашеской жизни и особого внимания Священноначалия к этой проблематике. В данном контексте безусловно важным событием стала подготовка «Положения о монастырях и монашестве», ныне вынесенного на всенародное обсуждение. Считаю очень своевременным обсуждение этого документа.

В своем докладе я остановлюсь на некоторых аспектах монашеской традиции, которые, как

мне кажется, заслуживают внимания в свете дискуссии, развернувшейся вокруг проекта «Положения» в монашеской среде и в среде епископата.

1. Подготовка к монашескому постригу.

Скажу сначала несколько слов о том, что предшествует принятию пострига.

В современной монастырской практике, отраженной в «Положении», различаются следующие степени подготовки к монашескому постригу: трудничество, послушничество и иночество (рясофор). Эта классификация наводит на ряд вопросов.

Прежде всего, кто такой «трудник» и каково его положение в монастыре? Понятие «трудник» не встречается ни в одном классическом монашеском тексте – ни византийском, ни русском. Сам этот термин появился уже в новое время и применяется к мирянам, которые на добровольной основе трудятся в монастырях. Многие из этих мирян – люди семейные: они приезжают на послушание в монастырь на два-три месяца, а затем возвращаются к своим семьям. Некоторые благочестивые миряне таким образом проводят свой отпуск, приезжая в монастырь иной раз целыми семьями. Совсем не все монастырские трудники имеют целью в дальнейшем принять монашество.

В связи с этим мне представляется не вполне оправданным представление о трудничестве как необходимом этапе на пути к монашеству. В проекте «Положения» это представлено именно так: сначала человек поступает в число трудников, затем, не ранее чем через год, «по завершении испытательного срока игумен может принять решение о принятии трудника в число братии монастыря в качестве послушника». Но разве пребывание человека в монастыре в качестве послушника само по себе не является испытательным сроком?

Трудники и послушники нередко несут в монастыре одни и те же послушания, работают вместе. И тем не менее между этими двумя служениями есть существенная разница. Трудник – это гость, который приехал для того, чтобы помочь монастырю; кто-то из трудников может в дальнейшем стать и послушником, и монахом, но до тех пор, пока он является простым трудником, он не член общины. Послушник же является полноправным членом монашеской общины, хотя и находящимся на испытании.

В свете сказанного мне представляется, что трудничество не должно быть обязательным этапом на пути к монашеству. Таким обязательным этапом должно быть только послушничество.

Такое у нас сегодня существует в двух формах – без права ношения монашеской одежды и с правом ее ношения. Вторая форма именуется рясофором или иночеством. Существует весьма древний чин пострижения в рясофор с возможным наречением нового имени.

Является ли рясофорный послушник, или инок, монахом? По моему глубокому убеждению, не является. Почему? Потому что он не давал монашеских обетов. Именно произнесение монашеских обетов дает право человеку называться монахом, а не облечение в монашеские одежды и не пострижение волос.

В этом смысле мне не вполне понятно, почему рясофорные иноки, принимающие сан священника, у нас называются иеромонахами. Более правильно было бы называть их «священноиноками».

Думается, права и обязанности рясофорных иноков должны быть более ясно прописаны в «Положении». Этому типу послушничества в документе уделено наименьшее внимание и сущность его не раскрыта. При этом отмечается, что «оставление монастыря рясофорными иноками является каноническим преступлением», тогда как об оставлении монастыря монахами

мантийными сказано, что оно является «тяжким преступлением перед Богом, Которому даются монашеские обеты». Кажется, было бы справедливым более четко дифференцировать различие между иноками, не дававшими обеты, и монахами, дававшими обеты. Уход из монастыря мантийных монахов действительно является каноническим преступлением, тогда как в отношении ухода из монастыря рясофорного инока можно было бы, мне думается, найти иную, более милосердную, формулировку.

2. Монашеский постриг как Таинство Церкви.

Монашеский постриг в современной Русской Православной Церкви существует в трех видах: рясофор, малая схема (или мантия) и великая схема. О рясофоре сказано было выше. Собственно монашеским постригом с произнесением обетов является малая и великая схема.

Даже беглый взгляд на чинопоследования пострижения в малую и великую схему показывает, что речь по сути идет об одном и том же священнодействии. В последовании великой схимы на 80 процентов повторяются не только молитвы из последования малой схимы, но даже и произносимые постригаемым обеты. Великосхимник фактически вторично произносит те же обеты, которые он уже давал при пострижении в малую схему.

Вопрос о том, как сложились эти два чинопоследования, мы оставляем за рамками настоящего доклада^[1]. Скажу лишь о том, что деление на малую и великую схему не было изначальным и до сего дня не является общепринятым в православной традиции. Преподобный Феодор Студит считал такое деление необоснованным: «Не давай так называемой малой схимы, а потом как бы великой, ибо одна схема, подобно Крещению, как это было в обычае у святых отцов»^[2]. Современное афонское монашество не знает малой схимы: послушника постригают сразу в великую схему. У нас же великая схема – явление весьма редкое: в нее, как правило, постригают лишь престарелых или тяжело больных монахов, которые не несут обычных монастырских послушаний.

Необходимо ли сложившуюся у нас систему менять, приближая ее к афонской? Полагаю, что нет. И не столько потому, что постриг в великую схему, на мой взгляд, не прибавляет ничего принципиально нового к ранее совершённом постригу в малую схему, сколько потому, что малая схема (мантия) является полноценным монашеским постригом, обладающим всеми характеристиками церковного Таинства.

Я не оговорился: монашеский постриг, будь то в малую или великую схему, нельзя считать простым обрядом. Глубоко убежден в том, что постриг является одним из Таинств Церкви. Именно так он именуется в самих текстах последований пострижения в великую и малую схимы, а также Ареопагитском корпусе^[3] и в трудах святителя Григория Паламы^[4].

Хорошо известно, что ограничение количества церковных Таинств – числом семь – следствие влияния католической схоластики на православное богословие. Останавливаться на этом сейчас не вижу никакой надобности, так же, как и не вижу необходимости в том, чтобы это официальное число расширять до восьми или более. Хотел бы лишь подчеркнуть особый, таинственный характер монашеского пострижения, не позволяющий отнести его к числу простых обрядов, таких, например, как освящение автомобиля или даже поставление в чтеца.

В чем отличие Таинства от обряда? Думаю, прежде всего в том, что в Таинстве происходит изменение чего-то одного во что-то другое, обретение лицом или предметом нового бытия. Это изменение в восточно-христианской литургической и богословской традиции обозначается термином «преложение» (в латинской традиции употребляется сходный по значению, хотя и не вполне идентичный, термин «пресуществление»). В Таинстве Крещения, например, вода

обычная прелагается в воду святую, носительницу благодати Божией, а принимающий Крещение прелагается из ветхого человека в нового. В Таинстве Евхаристии хлеб и вино прелагаются в Тело и Кровь Христа, а причащающиеся их соединяются с Богом не только духовно, но и телесно, и их человеческое естество изменяется, прелагается.

В чине монашеского пострига мы видим элементы, которые сближают его с этими Таинствами, прежде всего с Крещением. Это и монашеский искуc, напоминающий нам о практике оглашения, и перемена имени, и облачение в новые одежды, и даже пение «Елицы во Христа крестистесь». О монашестве как о втором крещении, в котором прощаются все прежние грехи человека и он начинает новую жизнь, говорится неоднократно в аскетической литературе. «Тот, кто еще не стал монахом, пусть станет им при кончине своей: ибо это – величайший дар, царская печать, второе крещение, – от грехов очищает, подает дары и благодати, вооружает и знаменует, спасает от врагов, Царю представляет и делает Его другом», – говорит святитель Симеон Солунский^[5]. В «Эвергетиносе» мы читаем историю о прозорливом старце, сказавшем: «Силу, которую я видел сходящей на крещаемого, я видел также и под монашеским облачением в момент пострига»^[6].

Для того чтобы понять богословский смысл того или иного чинопоследования, лучше всего обратиться к его тексту. В чине пострижения в малую схиму как слово «таинство», так и слово «крещение» используются применительно к монашескому постригу. «Ты приступил к этому великому таинству», – говорит постригающий, обращаясь к постригаемому. В чине же пострижения в великую схиму читаем: «Дал еси нам еже мощи обновити благодать крещения: исповеданием, жития чистотою, слез покаянием». И далее: «О нового звания! О дара тайны! Второе крещение приемлещи днешь, брате, богатством Человеколюбца даров и от грехов твоих очищаешься»^[7].

Приведенные выше свидетельства подкрепляются еще и тем фактом, что монашеский постриг, как и Таинства Крещения, Священства и Брака, уже в V–VI веках был соединен с Евхаристией, что убедительно показывает нам, насколько большое значение ему тогда придавалось.

Еще одну параллель между монашеским постригом и Крещением нам демонстрируют каноны нашей Церкви, из которых следует мысль о неповторяемости пострига. Эта же мысль нашла свое отражение и в трудах преподобного Феодора Студита^[8].

Стоит отметить, что ни о каком буквальном «втором крещении» речи не идет, ибо Церковь ясно исповедует «едино Крещение во оставление грехов». Если Крещение делает человека новой тварью во Христе (2 Кор. 5, 17–21), то монашество вводит члена Церкви в новое состояние: причисляет его к ангельскому образу, жизни в девстве ради Царствия Небесного (Мф. 19, 12).

Приведенные выше свидетельства церковного Предания убедительно показывают веру Церкви в то, что в Таинстве монашеского пострига, в меру благого и свободного произволения постриженника отложить ветхого человека и облечься в нового, ему прощаются содеянные грехи и сообщаются дары благодати Духа Святого для укрепления его на избранном пути.

Перемена имени при постриге имеет особый смысл, подобный наречению имени в Таинстве Крещения. Мы знаем еще из Ветхого Завета, что, когда Господь избирал человека на то или иное служение, Он нередко давал ему новое имя. Иисус Христос тоже давал Своим ученикам новые имена. Перемена имени означает вступление человека в новые отношения с тем, кто дает ему новое имя: эти отношения наиболее точно описываются традиционным монашеским термином «послушание». Принятие нового имени становится первым актом послушания со стороны постригаемого, совпадающим по времени с принятием монашеских обетов.

В свете сказанного глубоко убежден в том, что выбор имени является исключительной прерогативой постригающего: не может то или иное имя быть дано монаху по его просьбе. В последнем случае наречение имени как символ власти постригающего над постригаемым в значительной степени теряет свой смысл.

Сейчас существуют разные традиции выбора имени при постриге. Некоторые игумены или архиереи дают постригаемым имена святых, в день которых совершается постриг, или святых, особо почитаемых в той или иной обители. Существует обычай (не основанный, насколько мне известно, ни на каких письменных источниках) давать монаху имя, начинающееся на ту же букву, что и его прежнее мирское имя. Один архиерей говорил мне, что выбирает имя постригаемому по жребию: кладет бумажки с несколькими именами в чашу, а потом вынимает одну из них. Все эти способы, на мой взгляд, вполне легитимны, коль скоро не нарушается основной принцип: выбор имени зависит исключительно от постригающего, а не постригаемого.

Хотел бы обратить внимание на распространенную ныне практику коллективных постригов. Эта практика, конечно, вполне допустима, как и практика коллективных крещений, которая у нас по необходимости была распространена в 1990-х годах, когда иной раз пастырю приходилось крестить по 200–300 человек за один раз. Но чинопоследования крещения и пострига не предполагают совершение этих Таинств над несколькими людьми одновременно. Полагаю, что там, где это возможно, следует возвращаться к практике индивидуального пострига. Не случайно ведь в Православной Церкви (в отличие от католической) существует правило, согласно которому за одной Литургией нельзя рукоположить более чем одного диакона, священника и епископа. Такие важные события в жизни человека, как крещение, постриг и хиротония заслуживают того, чтобы не быть совмещенными с аналогичными событиями в жизни других людей.

Сама форма монашеского пострижения должна символически отражать тот путь, на который становится человек, оставляя родных и друзей. Ибо даже войдя в монашеское братство, он должен оставаться странником, по мысли аввы Агафона^[9]. Монашеское братство окружает постригаемого в момент совершения над ним пострига, но для него самого решение стать монахом является личным и индивидуальным. Текст чинопоследования пострига требует от постригаемого максимального осознания совершающегося и предельной индивидуальной ответственности за принесенные обеты перед Христом, от руки Которого он и принимает пострижение. Это важное педагогическое значение последования несколько умалется коллективным произнесением обетов с неминуемо возникающей при этом суетой.

Хотел бы коснуться важной проблемы, затронутой в «Положении о монастырях и монашестве», – пострига по принуждению. Правило 40-е Трулльского собора ясно говорит, что постригаемому надлежит принимать твердый обет жизни по Богу, исходящий из ведения и рассуждения^[10]. Очевидно, что постриг, совершившийся вопреки этому важнейшему правилу, можно признать недействительным.

Однако для того, чтобы вопрос о действительности пострига решался на основе определенных, четко выраженных критериев, необходимо установить их. В частности, мне представляется справедливым, чтобы в «Положении» был указан конкретный возраст «монашеского совершеннолетия», поскольку в разных странах совершеннолетие трактуется по-разному. Полагаю, что не следует постригать лиц моложе 20 лет, в виде исключения возраст может быть снижен до 18 лет.

Кроме того, следует четко оговорить, в каком случае постриг может считаться совершённым по принуждению. Ведь в конце концов постригаемый сам дает обеты, сам их произносит – и, как правило, не под дулом пистолета, не под пытками и не под угрозой физической расправы. Можно ли, например, считать принуждением настойчивую рекомендацию или даже требование

духовника, архиерея или игумена? Думаю, что нет. Мы должны сделать все возможное, чтобы исключить случаи оказания психологического давления с целью принуждению к постригу, разъясняя смысл пострига как самим постригаемым, так и тем, в чьих руках находится власть облакать в монашескую схиму. Виновного в принуждении к постригу, если факт принуждения будет установлен церковным судом, должно ждать суровое наказание вплоть до извержения из сана. Для кандидата же свободное решение должно быть непременным условием пострига, и я полагаю вполне справедливым требовать от всех без исключения кандидатов на монашество письменное прошение, которое свидетельствовало бы об их свободном и добровольном желании вступить в число иночествующих^[11].

Вопрос о действительности пострига, совершённого с нарушениями указанных выше условий, как мне кажется, не может решаться без учета мнения самого постриженного. Если рассмотреть примеры насильственного пострижения, имевшие место в истории, то мы увидим, насколько важным было личное отношение постриженника к совершившемуся. Известен случай насильственного пострижения Василия Шуйского с целью устранения в нем претендента на монарший престол. Тогда Патриарх Ермоген признал его постриг недействительным, а монахом объявил Михаила Салтыкова, произносившего обеты за постригаемого. Впрочем, в случае, если не сам постригаемый произносит обеты, подобное решение вполне логично: монахом должен считаться тот, кто произносил обеты.

Иной пример мы видим в жизни преподобной Софии Суздальской, которая была насильственно пострижена по воле ее супруга царя Василия III и выказывала свой протест по этому поводу самым откровенным образом. Однако позже приняла свою участь как действие Промысла Божия, вела подлинно благочестивую монашескую жизнь, за что и была причислена к лику святых.

В случае, если сам постриженный в монашество с нарушением вышеуказанных условий обращается к священноначалию с просьбой считать его постриг недействительным, должны быть исследованы все сопутствующие обстоятельства. Думаю, что несовершеннолетие постригаемого, нахождение его не в здравом уме, произнесение монашеских обетов не им, а кем-либо от его имени, принятие пострига под угрозой физической расправы или под какой-либо иной подобной угрозой являются достаточными основаниями для признания пострига недействительным. Если же постригаемый был совершеннолетним и находился в здравом уме, но при этом не вполне свободно принимал решение о постриге, а, например, под влиянием духовника и архиерея, решение должно приниматься священноначалием с учетом рекомендаций церковного суда.

Следует также четко оговорить, какие права имеет в Церкви человек, чей постриг признан недействительным. Может ли он венчаться? Может ли он после венчания принять диаконский и священнический сан? Полагаю, что эти моменты должны быть оговорены в «Положении».

3. Монастырь как община.

Перейду теперь к тому, что следует за постригом. Приняв монашество, человек вступил на путь иноческой жизни и стал членом духовного братства оставивших все и последовавших за Христом. Предполагается, что именно эта духовная община станет той школой служения Господу (преп. Венедикт Нурсийский)^[12], в которой человек, познавая себя и свои немощи, будет обнаруживать в себе пространство для внутреннего делания, будет возрастать в том духовном совершенстве, ради которого и пришел в монастырь.

История монашества знает два основных типа устройства монашеской жизни – общежитие и

отшельничество^[13], причем второе не может не следовать за первым. Так, новонаначальному монаху не рекомендовалось уходить в отшельничество или затвор, пока он не пройдет определенный срок искуса в общежительном монастыре или скиту под руководством духовника^[14]. Строгий распорядок дня, чередование общей молитвы, труда и назидательных чтений призваны были сообщить монаху способность не только к сосредоточенности и личной дисциплине, но и к ответственности и чуткости в отношениях с каждым членом монашеской общины. Таким образом, общежительные монастыри реализуют основной принцип христианской любви, выраженный святым апостолом и евангелистом Иоанном Богословом: кто любит Бога, тот должен любить и своего брата (см.: 1 Ин. 4, 21). «Ведь кто не любит своего брата, которого видит, тот не может любить Бога, Которого не видит» (1 Ин. 4, 20).

Главой монашеской общины как духовной семьи является игумен. Согласно уставу святителя Василия Великого^[15], он несет ответственность перед Богом за врученную ему обитель в целом и за каждого брата в отдельности. В монашеском братстве начальствующий должен быть первым для всех примером любви, руководствуясь заповедью Спасителя: «Кто из вас больше, будь как меньший и начальствующий – как служащий» (Лк. 22, 26).

Разумеется, благочинно устроенная жизнь невозможна в монастыре без послушания игумену, распространяющегося как на духовную жизнь инока, так и на внешнюю дисциплину, частью которой являются различные, в том числе трудовые, обязанности. Последние должны занимать столько места в жизни монаха, сколько необходимо, чтобы он мог участвовать в суточном круге монастырского богослужения, читать духовную литературу и иметь время и силы для келейной молитвы. Ибо ни внешняя дисциплина, ни многопопечительность трудовых послушаний не должны подменять собой главного, ради чего человек поступил в монастырь: внутреннего делания, очищения и хранения сердца. Именно к этой цели направлен весь уклад монастырской жизни с суточным богослужением, которое составлено монахами и для монахов, келейной молитвой, духовным чтением, общением с опытными наставниками.

В настоящее время, в том числе и в связи с публикацией проекта «Положения», возобновилась полемика относительно того, должен ли игумен назначаться священноначалием или избираться братией. Единого мнения по этому вопросу нет ни в монашеской среде, ни среди епископата.

Не могу не согласиться с теми авторами отзывов на «Положение», которые вполне справедливо указывают, что «монашеская жизнь в России на большей своей территории только возрождается после страшных репрессий, гонений и испытаний советского периода». Однако мне кажется слишком радикальным делаемый ими вывод: «Если позволить братии или сестрам выбирать игумена (игумению) обители, в которой нет преемственности и отсутствуют монашеские традиции, то выборы могут осуществляться по принципу личной симпатии и панибратства, потворствуя человеческим слабостям и греховным склонностям. В таких условиях выборы могли бы только закрепить существующие искажения монашеской жизни, сделать невозможным их исправление».

Читатель отзывов может предположить, что основной целью поступления иноков в монастырь является потворство слабостям и греховным склонностям, и только жесткий контроль священноначалия способен предотвратить самоуправство и панибратство монахов. Но как тогда объяснить, например, выборность игуменов на Святой Афонской Горе? Неужели мы можем сказать, что на Афон иноки отправляются с целью потворства слабостям? И неужели отношение афонских иноков к своему игумену-авве можно описать термином «панибратство»?

Стоит отметить, что, согласно древним иноческим уставам, традиции Святой Горы и практике, существовавшей в России до революции 1917 года^[16], игумен избирался на должность

из братии обители ее же насельниками (а игумения, соответственно, насельницами женской обители). Через это избрание братия входит с игуменом в особое духовное родство, признавая его безусловный авторитет, видя в нем носителя традиции монастыря и поэтому оказывая ему послушание. Преподобный Феодор Студит именно в этом избрании видел легитимность своей игуменской власти^[17].

Право братии монастыря избирать своего игумена является, с точки зрения многовековой монашеской традиции, вполне обоснованным. Однако вопрос о применении этого права требует знания современного положения в обителях нашей Церкви с учетом того факта, что большинство из них в последние 25 лет сложились вне той преемственности монашеской традиции, которую мы можем наблюдать, например, в афонских монастырях.

Дискуссия вокруг данной темы показывает, что в настоящий момент мы еще не готовы к тому, чтобы выборность игумена (игумении) стала нормой в наших монастырях. Однако это не значит, что такая норма не может оказаться востребованной когда-либо в дальнейшем. Кроме того, могут быть рассмотрены варианты «промежуточного» решения проблемы.

Например, в «Положение» может быть внесено указание на то, что при выборе игумена (игумении) священноначалию следует учитывать мнение иноков (инокинь), выраженное путем письменного или устного опроса, а может быть и тайного голосования. Такие опросы или голосования на практике уже применяются в некоторых обителях, где архиерей считает нужным узнать мнение монашествующих о предполагаемом кандидате на должность игумена (игумении). Они дают возможность монашествующим выразить свое доверие или недоверие тем или иным потенциальным кандидатам, а архиерею, в ведении которого находится обитель, почувствовать настроение братии (сестер). При этом окончательное решение остается за священноначалием, но, по крайней мере, мнение братства (сестричества) в таком случае может быть учтено.

Как отец братства иночествующих, игумен должен принимать активное участие в жизни монастыря, постоянно участвуя в богослужении, разделяя с братией трапезу, общемонастырские дела и послушания. Отделение настоятеля от братства – признак разрушения братства и начало упадка духовной жизни монастыря.

Замечательно, когда настоятель монастыря проводит регулярные беседы с братией о монашеской жизни. Такие встречи могут быть залогом единства братии и взаимного доверия в обители.

4. Духовное руководство.

Прохождение поприща монашеской жизни невозможно без мудрого духовного руководства. Послушание наставнику – основа аскетической жизни инока. Польза послушания несомненна и освящена многовековой историей монашеской святости. Основа этого послушания – любовь монаха к своему наставнику и доверие к его духовному опыту. Поступающему в монастырь нужно быть крайне внимательным в выборе наставника, дабы, по слову святого Иоанна Лествичника, «не ввериться вместо кормчего едва владеющему веслом, вместо врача больному, вместо бесстрастного рабу страстей и вместо пристани морю» и дабы «не найти душе своей готового крушения»^[18].

Послушание инока своему духовному руководителю должно быть свободным и непринужденным. Будучи опытным врачом, духовник не должен злоупотреблять данной от Бога властью «вязать и решить» (см.: Мф. 18, 18). «Истинного пастыря покажет любовь; потому что из любви претерпел распятие наш Пастырь», – говорит преподобный Иоанн Лествичник^[19].

В афонских монастырях, где должность игумена является выборной, игумен естественным образом сочетает в одном лице администратора и духовника. В наших же условиях служения игумена и духовника, как правило, разведены. Следует задать вопрос: насколько в таком случае уместно назначение духовника всему братству волей и властью игумена или архиерея? Не следует ли подумать о том, чтобы должность духовника сделать выборной? Конечно, в таком случае возрастает риск того, что у духовника как выбранного братией будет больше авторитета среди монашествующих, чем у игумена, назначенного сверху. Но такой риск существует и вне зависимости от выборности должности духовника: он заложен в самом феномене разделения этих двух служений.

В «Положении» затрагивается вопрос о духовном руководстве в женских монастырях и говорится, что оно должно осуществляться священнослужителями, несущими служение в обители^[20]. При этом рекомендуется, чтобы священнослужители женских монастырей избирались из состава женатого духовенства^[21]. Возникает резонный вопрос: чему может научить монахинь женатый духовник, если он сам не имеет опыта монашеской жизни?

Духовного руководства от монашествующих часто ищут и миряне. Польза его несомненна, когда опытный духовный наставник, ведя внимательную внутреннюю жизнь, зная законы духовной жизни, дает советы своим чадам-мирянам. Опасность кроется в том, что некоторые духовники-монахи требуют от мирян монашеского послушания в вопросах трудоустройства, гражданской позиции, семейной жизни и учебы. На это указывалось в постановлении Священного Синода от 29 декабря 1998 года «Об участившихся в последнее время случаях злоупотребления некоторыми пастырями вверенной им от Бога властью “вязать и решить” (Мф. 18, 18)»^[22]. Многие пункты данного постановления, к сожалению, сохраняют актуальность до сего дня.

5. Просветительская роль монашества.

Несмотря на то что монашество зародилось в IV веке как форма ухода от мира, в дальнейшем наблюдается стремительный количественный рост городских монастырей: монахи стали возвращаться в мир и селиться в городах. Сохраняя основные принципы общежительного монашества, монастыри (и не только городские) нередко становились крупными миссионерскими и просветительскими центрами.

Классическими примерами монастырей, которые несли миру свет просвещения, являются Иерусалимская Лавра святого Саввы Освященного и Студийский монастырь в Константинополе. Особое место принадлежит Афону как огромному центру богословского образования, богослужебной культуры и духовной жизни. В истории русского монашества тоже немало иноков-просветителей и монастырей – центров духовного просвещения: это и Киево-Печерская Лавра, и Нямецкий монастырь в Молдавии, и Оптиная пустынь, и, конечно, «дом Святой Троицы» преподобного Сергия.

Особая роль в просветительской деятельности монастырей принадлежит прослойке образованных иноков, так называемому «ученому монашеству». В послепетровский период ученое монашество существовало в Русской Церкви почти исключительно в его «чиновном» варианте. Типичный ученый монах по окончании духовной академии последовательно сменял должности помощника инспектора провинциальной духовной семинарии, затем инспектора духовной академии, ректора академии (как правило, с обязательным формальным настоятельством в каком-нибудь монастыре, который он мог вообще не посещать). Наконец он становился архиереем.

Благодаря этой системе, появились такие выдающиеся и просвещенные личности, как святители Филарет Московский, Феофан Затворник, Игнатий (Брянчанинов), митрополит Макарий (Булгаков), архиепископы Филарет (Гумилевский) и Сергей (Спасский), епископ Порфирий (Успенский) и многие другие. Однако у системы «чиновного ученого монашества»^[23] был и один весьма существенный изъян: она не оставляла места для тех иноков, которые желали посвятить свою жизнь исключительно науке, стать в собственном смысле слова учеными, специалистами в той или иной области богословской науки. Ученость рассматривалась лишь как средство достижения высокой церковной должности, но не как нечто, имеющее ценность само по себе.

В этом плане главным отличием западного монашества от восточного является значительно большая дифференциация призваний, благодаря которой иноки, считающие своим призванием науку, получают возможность беспрепятственно ею заниматься, тогда как другие могут оставаться вдалеке от научно-богословских изысканий.

Говоря о современном русском монашестве, приходится признать, что у нас нет ученых монастырей, почти нет ученых иноков, а недоверие к науке, образованию и просвещению по-прежнему, несмотря на предпринимаемые священноначалием усилия по повышению образовательного уровня иноков и инокинь, прочно сохраняется в монашеской среде. Причина такого положения заключается в представлении о том, что ученость не нужна для спасения, что она несовместима со смирением и с монашеским аскетическим деланием.

Но история просветительской деятельности монастырей убеждает нас в обратном. Книга и знание не могут помешать благочестию и смирению. Святитель Игнатий (Брянчанинов), сам великий подвижник и аскет, в беседе с архиепископом Леонидом (Краснопевковым) советовал ему изучать греческий язык, церковную историю и другие науки для своего служения. В числе прочего святитель Игнатий сказал: «Не оставляйте науки светской, поскольку она служит к округлению духовных наук»^[24].

Бросая сегодня все силы на восстановление монастырских стен, мы иной раз забываем о том, что восстановления требует и сама монашеская традиция, включающая в себя не только трудовые послушания, но и научную и просветительскую деятельность. Для этой деятельности нужны ученые иноки. А для того, чтобы они у нас появились, должны быть созданы «ученые монастыри», где монахи могли бы учиться, имели бы время и возможность читать, писать, заниматься богословием. Для ученых иноков должна быть создана благоприятная атмосфера, которая бы способствовала их духовному и научному росту.

6. «Монашество в миру».

В «Положении о монастырях и монашестве» определенное внимание уделено феномену, известному под именем «монашества в миру». Этот феномен рассматривается в качестве исключения из правила, требующего особого контроля священноначалия.

Между тем в нынешних условиях есть определенные служения, которые предполагают пребывание монаха в миру – и отнюдь не в виде досадного исключения из общего правила. Прежде всего речь идет о монашествующих, которые либо обучаются, либо преподают в духовных школах. Некоторые монахи несут свои послушания на приходах, в епархиальных и синодальных структурах, миссиях, заграничных учреждениях. Их путь в чем-то более труден и тернист, чем путь иноков, живущих в монастыре. Таким монахам приходится превращать обычное жилище в монашескую келью, а окружающий мир со всеми его соблазнами должен стать для них подобным пустыне.

Вне монастыря монаху необходимо с особым напряжением взирать на подвиг Христа и всех святых, следовавших за Христом. Если монахи за пределами монастыря будут стараться жить так же, как в монастыре, не упускать возможности уединения и молитвы, питаться духовной трапезой святых отцов и учителей аскетики, их монашество вовсе не будет профанацией.

Монахи вне монастыря несут особую ответственность за свое духовное состояние не только потому, что в миру труднее хранить внутреннюю жизнь, но еще и потому, что на них взирает множество мирских людей. И если за монастырскими стенами подчас не видны падения или борьба со своей падшей природой, то вне монастыря грехи монахов чаще становятся явными, открытыми для всеобщего обозрения. Такие примеры пагубно сказываются на всей Церкви, на том, как сторонние наблюдатели воспринимают Церковь и ее представителей.

Однако не только падения, но и подлинная духовная жизнь монахов вне монастыря не остается сокрытой от чужих глаз. Их добрый пример особенно важен для назидания и укрепления тех, кто стремится пойти за Христом.

О монашеском присутствии в духовных школах следует сказать отдельно. Будущим пастырям необходимо не только изучать истины христианства по книгам, но и иметь убедительный пример христианской жизни перед глазами. Присутствие монахов в духовной школе дает студентам возможность обращаться к опытным старцам за духовным руководством, молиться за монашеским богослужением, непосредственно соприкоснуться с многовековой традицией православного иночества, встречаться лицом к лицу с ее лучшими представителями.

Монахи-преподаватели, живущие в соответствии со своим призванием и обетами, хранящие молитву и уединение, могут передать свое внутреннее устройство ученикам духовных школ, подчас даже без специальных наставлений. Некоторые студенты по окончании семинарии или академии сами избирают монашеский путь.

Есть, конечно, и отрицательные стороны монашеского присутствия в духовных школах. Если монах не ведет глубокой внутренней жизни, заражен честолюбием, его нахождение среди студентов может стать соблазном для будущих пастырей, дискредитируя саму идею монашества. Другой отрицательной стороной может стать отсутствие взаимопонимания между учащимися, желающими вступить в брак, и администрацией духовной школы, если она по преимуществу состоит из монахов. Духовная школа – это не монастырь, и препятствовать браку, как и благословлять принимать монашество по послушанию, недопустимо.

Одной из разновидностей «монашества в миру» является служение архиерея (если только архиерей не совмещает это служение с постоянным пребыванием в каком-либо монастыре в качестве игумена или насельника).

Сейчас можно все чаще слышать мнение о том, что архиерейство невозможно совместить с исполнением монашеских обетов, а потому архиереев лучше избирать не из мантийных монахов, а из рясофорных иноков, не дававших монашеские обеты, или просто из неженатых клириков. Подобная практика имеется, например, в Константинопольском Патриархате. У нас же, в Русской Церкви, существует многовековая традиция рукоположения в епископский сан только тех клириков, кто имеет пострижение в мантию^[25].

Как известно, в древней Церкви епископы могли быть женатыми. Однако уже в IV веке все чаще епископами становятся клирики, не состоящие в браке. В иконоборческую же эпоху повсеместным явлением на православном Востоке становится поставление в епископский сан лиц, имеющих монашеское пострижение, причем не в рясофор, а в схиму (малую или великую). В XV веке святой Симеон Солунский пишет об этом как о самоочевидном и единственно возможным варианте^[26].

Почему представляется очень важным сохранение той традиции, которая сложилась у нас на протяжении веков, а именно – рукоположение в епископский сан только тех лиц, которые

дали монашеские обеты, то есть постриженных в малую схиму (мантию)?

Во-первых, потому, что, по моему глубокому убеждению, архиерейское служение отнюдь не противоречит монашеским обетам, а является одной из форм их исполнения. Целый сонм святителей Православной Церкви свидетельствует о том, что монашество нисколько не препятствует несению епископского служения, а наоборот, способствует ему.

Во-вторых, епископ нередко становится священноархимандритом одного или нескольких монастырей своей епархии (в последнее время это явление стало повсеместным, и на каждом заседании Синода мы принимаем решения о назначении архиереев священноархимандритами тех или иных монастырей). Как же может человек, не имеющий пострижения и не дававший монашеских обетов, возглавлять монашескую общину?

Вопрос о монашестве в миру и о епископском служении как разновидности монашеского послушания имеет для меня определенную личную окрашенность. Мой монашеский путь начался в монастыре, который был для меня «небом на земле» и откуда я ни за что не ушел бы по собственной воле. Но, спустя неполных два года после пострига, я оказался вне монастыря – не по своей воле, а по воле архиерея, который посчитал, что я принесу больше пользы на приходе и поручил мне возглавить сначала два, а потом четыре прихода. Два года довелось мне, уже будучи монахом, провести в духовном учебном заведении в качестве преподавателя, затем еще два в светском университете в качестве докторанта. Шесть лет я нес послушание в Синодальном отделе и вот уже почти двенадцать лет нес архиерейское служение. Таким образом, о том, что такое «монашество в миру», я знаю не понаслышке, как, впрочем, и о монастырской жизни, которая была для меня важнейшей школой богословия и богомыслия, предопределившей весь мой дальнейший путь.

Всю свою жизнь после принятия пострига я рассматриваю как возможность исполнения монашеского обета послушания. Глубоко убежден в том, что от постоянного члена Священного Синода требуется не меньшая, а может быть, гораздо большая степень послушания, чем от послушника или монаха в монастыре. От всякого архиерея требуется абсолютное послушание священноначалию так же, как требуется от него и исполнение других монашеских обетов.

*

В заключение хотел бы сказать о том, что монашескую жизнь невозможно до конца регламентировать какими бы то ни было уставами и положениями. Качество жизни монаха во многом зависит от него самого, от его внутренней устремленности и целеполагания. В самом строгом монастыре можно оказаться никудышным монахом, а можно достичь великих духовных даров, неся монашеский подвиг вне монастыря.

«Жизнь монашеская в отношении дел, слов, помышлений и движений должна быть проводима в чувстве сердца. Если же не так, то она не будет монашеская, не говорю уже ангельская»^[27], – пишет преподобный Иоанн Лествичник. Будем же, дорогие братья, идти по монашескому пути «в чувстве сердца», памятуя о том, что никакие внешние предписания не смогут подменить собой тот внутренний подвиг, к которому призван каждый монах, будь то в монастыре или в миру.

После доклада Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев) ответил на вопросы участников конференции

Наместник Данилова ставропигиального монастыря Москвы архимандрит Алексей (Поликарпов): *у нас в России деятельность монастырей разнообразна: наряду с молитвенной жизнью много трудовых, хозяйственных послушаний, социальная работа и т. д. На Западе монастыри чаще сосредоточены на чем-нибудь одном. Нужна ли и возможна ли «специализация» для наших монастырей и существует ли это где-нибудь на практике? Второй вопрос относится к монашескому постригу: насколько правильна мысль о необходимости пострижения послушника в случае болезни – с надеждой, что это будет способствовать исцелению?*

Митрополит Иларион: монашеский постриг не является средством исцеления от болезней, как и монашеский постриг перед смертью – это обычай, о котором можно поставить ряд вопросов. Что касается специализации монастырей, – не думаю, что мы можем и должны воспроизводить западную католическую систему с разделением на ордена. Даже если мы создадим ученый монастырь, где все иноки будут заниматься библеистикой и патристикой, то сразу встанет вопрос: кто будет их обслуживать и т. д. Идея полного разделения на отдельные служения неосуществима. Хотя при знакомстве с западными монастырями – центрами учености видно, что им удается сочетать самообслуживание в традиционном монашеском смысле (сами готовят, вместе с игуменом моют посуду) и серьезную научную деятельность. Если будет желание и установка поддержать стремление к учености, то найдется и возможность.

Реплика из зала: *у нас поступают проще: создают в монастыре параллельную женскую структуру, которая готовит, моет, убирает...*

Митрополит Иларион: вопрос о параллельной женской структуре требует отдельного рассмотрения и исследования: допустима ли такая структура в мужских монастырях.

Вопрос: *посоветуйте монастырь с хорошей духовной жизнью, куда можно поступить?*

Митрополит Иларион: монастырь нужно выбирать по внутреннему зову: необходимо посмотреть, пожить в нескольких обителях, и где вы почувствуете, что хотели бы остаться жить и умереть, ту обитель и избирайте.

Вопрос: *замечательный доклад, но помогите сделать сказанное реальностью. Все время уходит на послушание, а на духовную жизнь его почти нет, и думаешь: можно ли вообще жить по-монашески? Помогите нам!*

Митрополит Иларион: это вопрос к тому монастырю, в котором пребывает автор записки. Безусловно, послушание является частью духовной жизни, и мы не можем его отделять от духовной жизни. Но, действительно, приходится часто наблюдать такую картину, что монахи и монахини из-за перегруженности физическим трудом не могут посещать богослужения, не хватает сил на келейную молитву. Думаю, что от игумена или игумении монастыря зависит, будет ли оставаться у монахов и монахинь время на духовное делание: молитву, чтение Священного Писания и святых отцов.

Вопрос: *возможно ли, чтобы игумен назначил сам себе преемника?*

Митрополит Иларион: думаю, что невозможно, так же, как и архиерей не может назначить себе преемника. В каждом отдельном случае, идет ли речь о назначении или об избрании, должен происходить полноценный процесс поставления во игумена. Это не значит, что игумен монастыря не может воспитывать того или иного человека или группу людей для того, чтобы они могли впоследствии продолжить его дело. Здесь есть определенная степень риска: если при жизни игумена возникает «фигура № 2» в монастыре, это может вызвать соблазн и трудности, в

том числе для самого этого человека. мудро поступают те игумены и игумении, которые готовят себе преемников, но этого не афишируют, и только после их кончины или ухода для всего братства или сестричества становится явным, кто должен быть следующим игуменом или игуменией.

Вопрос: *если монах или монахиня уходят из монастыря, они остаются монахом или монахиней?*

Митрополит Иларион: думаю, что остаются, если Церковью не принято иное решение, если постриг не признан недействительным. Знаю случаи, когда монахи уходили из монастыря, вступали в брак, желали принять священный сан, но это невозможно по каноническим причинам. Думаю, никто не может освободить человека от монашеских обетов, кроме священноначалия; в том лишь случае, если оно сочтет, что постриг был совершен с грубыми нарушениями, в том числе с теми, о которых я говорил в своем докладе. В таком случае, думаю, человек может и венчаться, и может получить священный сан. Если же человек ушел по своей воле, в глазах Церкви он остается монахом, но монахом падшим. Церковь молится о его возвращении на монашеские стези.

Вопрос: *как Вы относитесь к тому, что архипастырь, чтобы быть настоящим отцом для монашествующих, должен сам иметь реальный опыт монастырской жизни? Не нужно ли кандидату в архиереи годик-полтора провести в монастыре в качестве простого брата?*

Митрополит Иларион: считаю, что это полезно. Мне кажется, что у нас во многих случаях так и происходит. По крайней мере, за последние четыре с половиной года, когда мне приходится участвовать в заседаниях Священного Синода, было избрано более ста архиереев – в основном это люди, которые прожили не «годик-полтора», а многие годы или даже десятилетия в монастырях. Думаю, что нашу Церковь очень оздоравливает то, что архиереи приходят из монастырской среды, а не из числа церковных карьеристов, для которых монашество – только способ продвижения по иерархической лестнице.

Настоятельница Никольского Черноостровского монастыря игумения Николая: *Ваше Высокопреосвященство, Вы предложили исключить степень трудничества и сразу начать со стадии послушания. Но, как правило, и Вы тоже об этом сказали, принимая послушника (послушницу), мы сразу его прописываем и делаем членом своей монашеской семьи. Если мы опустим испытательный период, то будем принимать всех подряд, что приведет к плохим последствиям. Может быть, не меняя существа дела, поменять термин: не трудник, а кандидат в послушники?*

Митрополит Иларион: когда я поднимал этот вопрос, то не говорил о прописке. Прописка – это уже обязательство монастыря перед конкретным человеком. Но для того, чтобы быть послушником или послушницей, не обязательно быть прописанным в монастыре. Я согласен с понятием испытания, но не согласен с тем, чтобы понятие «трудник» вписывалось в монастырский устав в качестве некоей обязательной ступени перед послушничеством.

Настоятельница Воскресенского Новодевичьего монастыря г. Санкт-Петербурга игумения София: *Ваше Высокопреосвященство, хотелось бы поставить вопрос о евхаристической дисциплине в наших монастырях... Монашеская община – это прежде всего евхаристическая община. Если приходская жизнь предполагает разнообразие практик, обсуждаемость этих практик, то тем более этот вопрос должен быть отражен в «Положении о монастырях и монашествующих». Как Вы полагаете, какие акценты можно было бы здесь расставить? Например, архимандрит Ефрем Ватопедский говорит, что дело духовника – не лишать допуска к Причастию, а решать вопрос о причащении, когда человеку что-то препятствует. Но монашеская жизнь и монастырский устав предполагают особый аскетический подвиг, который, как и исполнение всех монашеских обетов, должен*

рассматриваться в контексте евхаристической жизни. И еще вопрос: в правилах свт. Василия Великого есть слова, что и не произнесший монашеских обетов, но облаченный в иноческую одежду (очевидно, по толкованию Вальсамона, это и соответствует нашему рясофору), должен быть понужден к произнесению обетов и монашескому постригу. Хотелось бы услышать канонический и исторический комментарий. И хотелось бы присоединиться к Вашему мнению, что монашество в миру не досадное исключение, а особое послушание, на которое направляется человек Церковью. В связи с этим я считаю, что нельзя согласиться с требованием о приписывании всех без исключения монахов к каким-либо монастырям – это абсурдно и не способствует налаживанию ни монастырской, ни общецерковной дисциплины. Ведь данное правило касается монахов, постриженных ненадлежащим образом, которых нужно водворить в монастырь, вручить. Монах должен жить в монастыре, а не быть формально к нему приписанным. О присутствии монашествующих в учебных заведениях: в начале XX века белое духовенство и люди, антимонашески настроенные, любили ссылаться на древний аскетический идеал: монах должен сидеть в пустыне, а дело преподавания и науки оставьте людям светским. Священномученик Иларион Верейский категорически возражал против этого, он говорил: монахи, которые несут свое служение в духовных школах, поставлены «на свещнице» и озаряют своим светом всех...

Митрополит Иларион: если начать с конца того, что Вы говорили, мне кажется, что история монашества представляет собой удивительный пример постепенной трансформации церковного института, который зародился как очень скромное и специфическое начинание. Монашество зарождалось именно как уход из мира, поэтому процветало исключительно вне городов. Более того, монашество создавалось как институт, практически не совместимый со священством. В древних обителях не было пресвитеров из среды монашествующих, их приглашали из города для совершения Евхаристии. И когда святой Савва был рукоположен, то получил имя Освященного, потому что это воспринималось как исключение из правил. Но впоследствии монашеская идея стала трансформироваться, и церковная практика показала, что монашество совместимо со священством, архиерейством и многими другими служениями, в том числе – с миссионерским и просветительским.

Если бы мы строго следовали букве готовящегося «Положения» или же решений Архиерейского собора 2000 года, в которых говорилось, что все монахи из мира должны быть возвращены в монастыри, где бы мы нашли пространство для таких миссионеров, как святитель Николай Японский? Не проведя ни одного дня в монастыре, получив постриг в духовной школе, он отправился в далекую страну, жил там в одиночестве и создал целую Поместную Церковь. Это показывает, что монашество имеет много форм, в которых может успешно и достойно существовать.

Думаю, что монашество в миру – одна из востребованных сегодня форм монашеского служения. В отношении рясофора есть разные мнения, в своем докладе я сделал длинную сноску, которую не стал зачитывать, в печатном виде она будет вам доступна. История установления трех чинов: рясофора, пострига в малую и великую схиму – показывает, что в первом тысячелетии существовало два этапа вхождения в монашескую жизнь: просхима, или первая схима, не сопровождаемая обетами, которая соответствует рясофору, и собственно схима, соответствующая, вероятно, малой схиме. Разделение на три чина произошло постепенно, в текстах чинопоследования малой и великой схимы различия выражены не очень внятно. Остаюсь при убеждении, что рясофорный инок – это послушник, человек, который не давал обетов. Хотя уход из монастыря такого человека является нарушением дисциплины, но его нельзя приравнять к уходу монаха, давшего обеты. Сознательное вступление на путь монашеской жизни, зафиксированное в обетах, которые произнесены вслух перед алтарем и лицом братства,

является тем пунктом, от которого обратного пути нет.

В отношении Евхаристии думаю, что «Положение о причащении» заслуживает не менее серьезного обсуждения, чем «Положение о монастырях и монашествующих». Мы должны создать условия, чтобы люди причащались Святых Христовых Таин. Возбранение приступать к Святым Тайнам должно зависеть от решения духовника, тогда как само причащение должно быть нормой, особенно в монастырях, и об этом необходимо написать в «Положении о подготовке к причащению». Там оставлены без рассмотрения такие важные моменты, как подготовка к причащению для священнослужителей, монашествующих. В «Положении» говорится только о мирянах, к которым подчас предъявляются более строгие требования, чем к монашествующим и священнослужителям.

Вопрос: *не должна ли быть создана при Священном Синоде специальная комиссия, которая разбирала бы сложные и противоречивые ситуации, которые могут возникать между монахом и священноначалием, между монастырем и епископом?*

Митрополит Иларион: в современной жизни монастырей возникает множество противоречивых ситуаций. Такая комиссия уже существует – Синодальный отдел по монастырям и монашеству, который возглавляет Высокопреосвященнейший Феогност, архиепископ Сергиево-Посадский.

Вопрос: *как должны складываться отношения монастыря с правящим архиереем? Каковы границы вмешательства архиерея во внутреннюю жизнь монастыря?*

Митрополит Иларион: думаю, за исключением тех случаев, когда архиерей является полноценным игуменом того или иного монастыря (живет в монастыре, участвует в жизни братии), отношение должно выражаться греческим словом «эпископи», то есть наблюдение. Архиерей не может подменять собой игумена, благочинного или духовника: он наблюдает за тем, чтобы жизнь в монастыре текла в нужном русле, не было бы конфликтов, устанавливались нормальные отношения между игуменом и братией, и в этом смысле у епископа есть начальственные полномочия. Но не думаю, что он должен в полной мере руководить монастырем. Управлять монастырем должен игумен.

Вопрос: *что делать, если в монастыре не выделяется время на чтение, и какие книги лучше читать монаху, если у него нет постоянного руководства?*

Митрополит Иларион: аскетическая литература, необходимая монаху, не устаревает – это прп. Иоанн Лествичник, Исаак Сирийский и другие Отцы, в том числе те, которые вошли в «Добротолюбие»; наставления подвижников более позднего времени, таких, как Оптиные старцы. Но если не выделяется времени для чтения, то это – проблема. Думаю, что во всех монастырях должно выделяться время для келейного чтения, хотя бы час в день, помимо времени на келейное правило. К сожалению, нередко приходилось наблюдать такую ситуацию, когда иноки, вовлеченные в круг послушаний, переставали понимать, для чего они находятся в монастыре. Монаху для духовной жизни нужна подпитка в виде чтения, ведь в творениях святых отцов мы находим удивительные примеры и советы. Оторванный от этого знания, монах может утратить цель и внутренний огонь, а если огня внутри нет, то все теряет свой смысл и происходит внутренний кризис.

**Митрополит лимассольский
Афанасий
(Кипрская Православная
Церковь)**

МОНАШЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ МОНАСТЫРЯХ

Я благодарю за приглашение на эту конференцию; темы, которые на ней рассматриваются, очень важны. Я хотел бы выразить удовлетворение тем, что Святая Русская Церковь особо занимается сейчас своей избранной частью, каковой является монашество. Я хотел бы извиниться также, что не буду зачитывать доклад, – к сожалению, у меня не было возможности заранее письменно его подготовить. Но я постараюсь говорить медленно и просто, чтобы было легче переводить.

Тема, которая была мне предложена, – это монашеская традиция и современные монастыри. Вначале мы должны уточнить: что мы подразумеваем, когда говорим «монашеская традиция», и какие бывают различные монашеские традиции в разных Поместных Православных Церквях.

Можно сказать, что каждая Поместная Православная Церковь и Святая Гора Афон имеют свои местные традиции, которые касаются как пастырской, так и особо монашеской сферы. Однако значение и смысл монашеской традиции для всех являются одинаковыми. Само слово «предание» [ἡ παράδοσις] в греческом языке означает нечто, что мы «принимаем и передаём следующему»; это слово происходит от глагола παραδίω, т. е. «беру от одного и передаю другому».

Апостол Павел в Первом Послании к коринфянам в 11-й главе, стихе 23-м, обращаясь к христианам, говорит: *я принял от Господа то, что передаю и вам*. Таким образом, *предание*, т. е. *передавание* монашеских традиций из поколения в поколение, является передачей искусства обожения человека.

Известно, что преподобные отцы различают три формы, три ступени духовной жизни: очищение, просвещение и обожение. И цель каждого человека, в особенности же монаха, состоит в том, чтобы пройти все эти три ступени и стать достойным того, чтобы Христос снизошел к нему и вселился в него. Иными словами, достичь состояния обожения, стать единым по образу и подобию с Богом, чтобы вся жизнь была похожа на жизнь Христа.

Но поскольку каждый человек уникален и неповторим и нет никого, кто бы был, можно

сказать, клоном другого человека, то и путь очищения, просвещения и обожения у каждого свой, уникальный. Поэтому и святые отцы нашей Церкви придавали большое значение сохранению личного настроения каждого человека, который встал на этот путь. И каноны монашеской жизни (несмотря на то что они затрагивают общие темы, относящиеся к монашеству) тем не менее составлены так, что при каждом удобном случае они дают духовному наставнику возможность руководить душою, *преданной в его руке*, особенным, неповторимым образом, с тем чтобы не умалять уникальность человеческой личности.

Поэтому и монашеская жизнь не может основываться только на формальных законоположениях, написанных в книгах, или на изучении монашеских правил без присутствия живого духовного наставника, *водителя*, который бы с рассуждением применительно к каждому человеку помог ему шествовать путем обожения. И в вашей традиции, и в традиции других Церквей – везде монашество – это в первую очередь институт, основанный на духовном водительстве, или, как мы привыкли говорить, по-гречески – Θεσμὸς τῶν γερόντων [по-русски – старчество].

Этот институт составляет сущность и практической стороны монашества. Иными словами: монашество без духовного наставника, без старца просто не существует.

Мы можем сообразовать свою жизнь с церковными каноническими, монашескими уставами, можем написать еще тысячи новых правил и канонов, но жизнь внутри этого тела, тела монашеской традиции, возможна, только если в ней присутствует духовный отец, духовный наставник.

Я, благодаря своему возрасту, успел пожить на Святой Афонской Горе в то время, когда Афон переживал большой упадок, когда не хватало монашествующих, и многие даже решили, что Святой Горе Афон пришел конец. Но затем Божественным Промыслом и молитвами Пресвятой Богородицы за малое количество лет Святая Гора наполнилась многими новыми молодыми монахами.

Если подходить к этому с человеческой точки зрения, можно прийти к выводу, что возрождение Святой Горы, помимо, разумеется, Промысла Божия и забот Пресвятой Богородицы, стало возможным только благодаря тому, что на Афоне были богодухновенные и опытные старцы – наставники монашеской жизни.

Я думаю, что вы о них слышали, а мы не только слышали, но и имели личный опыт общения и жили с этими современными подвижниками, современными святыми Афонской Горы. Я имею в виду старца Паисия Святогорца, старца Ефрема Катунакского, старца Порфирия Кавсокаливита и более ранних, таких, как старец Иосиф Исихаст... Невозможно перечислить всех великих подвижников, некоторые из них живы до сих пор.

Эти люди, не имеющие, как правило, светского образования, тем не менее смогли представить миру истинный смысл и значение монашества. Они открыли нам, что, действительно, человек может стать истинным чадом, сыном Божиим. Своей святой жизнью они показали нам, что все, о чем говорит Спаситель в Евангелии, все, что Он обещал нам, все, что мы читаем в житиях святых, может стать реальностью, может происходить и в наши дни.

Мы не только слышали это от них, но и видели своими глазами. Это осязали наши руки, слышали наши уши (ср.: 1 Ин. 1, 1), мы это проживали и никогда не подвергали сомнению их правоту.

Вот что означает монашеское предание, традиция: учение и соподвижничество духовного отца со своими учениками, со своими послушниками до того момента, пока Христос не вселится в них и не преобразит их жизнь.

Как и божественный Павел говорит: *чада мои, ради которых стражду я, доколе не изобразится в вас Христос* (см.: Гал. 4, 19).

Вот это присутствие преподобных блаженных старцев является неперенным условием для того, чтобы запечатлеть истинность и непреложность монашеской традиции, ибо святость – сокровище монашеского жительствова.

Но есть и другая составляющая: духовные чада этих монахов – современные люди, дети Интернета, Фейсбука, дети «Кока-Колы». Эти люди вдруг сегодня приходят к монашеству, и старцы, отцы святые действительно могут *вливать новое вино в их ветхие мехи*. Это вино всегда новое, всегда молодое, потому что Христос всегда один и тот же, несмотря на различие эпох. Он тот же в каждую эпоху. И также, несмотря на различия эпох и времени, сущность монашества, сущность монашеской жизни остается неизменной и в прошлом, и в настоящем.

Это Таинство. Отношения между старцем и учеником составляют некое таинство, потому что между ними рождается особая духовная связь, потому что отец не случайно «отец» – он духовно рождает духовное чадо.

Есть великолепный пример, который мы находим в Ветхом Завете: в книге Чисел в 11-й главе рассказывается об обычном бунте евреев, их восстании против Бога и Его пророка Моисея. Да, им надоела манна, и они взалкали, стали просить мяса. И Господь прогневался на них, начал их наказывать, истреблять. И, конечно, Моисей вновь оказался в сложном положении, он начал молиться, чтобы народ не претерпевал этих искушений, и просил Бога дать то, что они просят.

Он обратил свои молитвы к Богу, говоря, что не может больше выдержать этот народ: «Не могу больше в одиночку идти по этому пути. Если хочешь помочь мне, помоги. Если же нет, то умертви меня». И Бог ответил: «Да, ты прав. Ты не можешь в одиночку. Выбери 70 мужей разумных, расположи их вокруг скинии, и, когда Я сойду говорить с тобой, Я возьму от Духа, Который на тебе, и возложу на них, чтобы они несли с тобою бремя народа, а не один ты...»

Вот что нам объяснял старец Ефрем Катунакский: зачем Господь хотел взять от Духа Моисея и передать его ученикам? Разве Он не мог непосредственно, без участия Моисея, передать дух этим семидесяти? Он мог бы, если бы захотел, но Господь это сделал специально, чтобы показать нам значение рождения от духовного отца!

Таковыми примерами полны Ветхий, Новый Завет и Жития Святых.

Для нас Отцы – это символы и точка отсчета в следовании преданию, чтобы призвать их святые молитвы, чтобы иметь их благословение, и да хранит нас всех Господь их святыми молитвами от многих ошибок, заблуждений и прегрешений.

Есть интересная надпись на иконе преподобного Афанасия Афонского, ктитора-основателя Великой Лавры на Святой Горе Афон: «Если хотите называть меня отцом, подражайте моим словам и моей жизни, и моим деяниям». Поэтому мы призваны подражать жизни, словам – всему, чему научили нас наши святые отцы-наставники. Только таким образом нам дается право говорить то, что мы повторяем часто в церкви: «Молитвами святых отец наших...». И, как вы знаете, призвание молитвы наших отцов – это то, что нас хранит на каждом шагу нашей жизни.

В одном месте прп. Симеон Новый Богослов говорит: кто-то считает, что лучший монашеский путь – это путь отшельничества, другие не соглашаются, говорят, что лучший монашеский путь – путь скитского жительствова; третьи – что это общежительное монашество. И на это отвечает им преподобный: «Для меня есть единственный триблаженный путь – тот, который согласен с Законом Божиим и с любовью Божией». Это и есть предание святых отцов.

И в заключение я хотел бы обратиться к одному Слову наших святых отцов, моего приснопамятного старца, который всегда говорил: многие святые ставили многие условия для прохождения монашеской жизни, но в моей душе одно нашло благодатную почву для исполнения. Когда некто задает вопрос: «Кто есть совершенный монах?» – отвечает ему авва: «Истинный монах тот, который не имеет ничего в этом мире, кроме одного только Иисуса».

Я думаю, что эти слова лучше всего выражают сущность монашества и характеризует

монашескую традицию. Потому что внешние условия, конечно, необходимы для того, чтобы привести нас к сущности, однако невероятно, если внешние обстоятельства станут самоцелью монашеской жизни, и в таком случае будет потерян истинный смысл монашества.

Но, я полагаю, у каждого из нас есть свой горький опыт уязвления своего ближнего по каким-то внешним причинам; при этом мы не задумываемся о том, что тем самым наносим ущерб не просто ближнему, а самой любви Христовой...

После доклада митрополит Афанасий ответил на вопросы участников конференции

Архиепископ Сергиево-Посадский Феогност: я должен выразить, надеюсь, общее мнение и поблагодарить владыку Афанасия за его доклад. Владыка высказал замечательную мысль о неповторимости каждого человека. Но это относится и к монастырям: каждый монастырь неповторим. И когда мы говорим о «Положении», то не надо его представлять как некий категорический устав,.. наподобие железной дороги, которая неуклонно по прямой прорезает лес. Нет, это общее изложение основополагающих принципов. Невозможно написать «Положение», которое отражало бы жизнь всех монастырей, и стремиться к этому не надо.

Красота – в неповторимости каждого монастыря. В Римской Церкви монастыри объединяет Орден, а у нас каждый монастырь неповторим, и каждый монах в нем неповторим, но все мы объединены общей верой во Христа Иисуса Господа нашего.

Под впечатлением доклада владыки Афанасия мне вспомнилось такое сравнение. Мало кто знает, что в Воинском уставе царской Русской армии было определение: «солдат – общее воинское звание от рядового до генерала». Я бы сказал: монах – это общее воинское звание, Христово звание – от насельника монастыря до архиерея; мы – только монахи. И если мы понимаем, что мы только монахи и у каждого из нас свое служение в Церкви, свое послушание, – то это великое благо. Когда мы забываем об этом и начинаем надмеваться, вот тогда начинаются проблемы, и эти проблемы никакое «Положение», никакой устав не сможет разрешить.

Простота и яркость мысли в выступлении митрополита Афанасия – идут от его сердца, неслучайно у Владыки не было заранее заготовленного текста. Думаю, если бы его неожиданно ночью разбудили и попросили высказаться на эту тему, – он бы то же самое нам сказал: он живет этим. Это не интеллектуальное знание, – это выражает духовную сущность его жизни. Благодарение Богу, что сегодня у нас находится владыка Афанасий, что здесь присутствуют иеромонах Хризостом из монастыря Кутлумуш, игумен Антипа из кельи св. Анны, отец Авраамий из кельи св. Модеста на Святой Горе Афон... И я очень прошу всех собравшихся задавать сейчас конкретные вопросы, касающиеся духовной – именно духовной – жизни.

Вопрос: Владыко, благословите. *Основополагающее начало монашества – полноценное духовное руководство и старчество. Сейчас у нас очень распространено мнение, что слушаться некого, так как богопросвещенных старцев просто нет. Спаси Господи.*

Архиепископ Феогност: не отвечая на этот вопрос, я хочу прокомментировать его. Во время визита Блаженнейшего Иеронима, архиепископа Афинского один из наших студентов так же начал заниматься самобичеванием: у нас всё плохо, духовной жизни нет... Владыка Иероним ответил: «Духовная жизнь – как понимают ее в Греции – это жизнь, которая выражается дарами Духа Святого, которые дает Господь... А то, что вы говорите о духовной жизни, – это называется «спортом, песнями, танцами»...» То есть, жизнь духовная – это дары Духа Святого. Я прошу прощения, Владыко, вопрос к Вам.

Митрополит Афанасий: Христос дает жизнь всей Церкви, и Господь даже из камней может произвести чад Авраамовых. Давайте будем внимательны: как бы таким помыслом («слушаться некого») не оскорбить Духа Святого. Потому что в Церкви и в монашестве послушание – это таинство. Когда мы говорим «таинство», мы подразумеваем, нечто, в чем непосредственно проявляет Себя Господь.

Если ты спрашиваешь духовного отца с верою, ты получишь требуемый ответ. Но если вопрошать духовного отца без веры, – даже если сам пророк Исаия будет твоим старцем, никогда не узнаешь воли Божией. Господь в Евангелии говорит нам: *тот, кто принимает пророков как*

пророков, то есть, имея веру в то, что они пророки, получит и плод пророческий (см.: Мф. 10, 41).

Все годы, когда я жил на Святой Афонской Горе как простой монах, я видел у святых великих старцев послушников, которые претерпели неудачу, пришли к духовной катастрофе. И видел у нерадивых старцев монахов-послушников, ставших святыми. Не просто из-за того, что старец был либо святой жизни, либо нерадивый, но потому что они сами, послушники-ученики, приняли правильно то, чему их учил старец.

В данном случае роль играет не столько святость старца, сколько истинное нелицемерное послушание ученика. Потому что Христос никогда не оставляет Свою Церковь и никогда не оставляет тех людей, которые ради любви к Нему принесли себя в жертву. Скажу вам, что старец Ефрем Катунатский говорил об этом так: «Если нет у тебя старца, а вместо старца у тебя чурбан деревянный, сделай его своим старцем и спроси с верой: ради Бога, делать мне это или не делать этого? И чурбан-полено даст тебе правильный ответ о воле Божией».

Поэтому говорить, что старцев сейчас нет, это все равно что сказать: Дух Святой больше не присутствует в Церкви. Сказать буквально, что Церковь наша умерла. Но это хула. Везде и всегда есть избранные Божии люди. И как говорил старец Паисий: когда оставляет нас помощь человеческая, – вступает в действие Божественная помощь.

Нужно понять, что проблема связана не с отсутствием старцев, но с отсутствием правильных послушников. Мы сами осуществляем послушание. Старцы и отцы существуют, Бог хранит их в каждом поколении.

Архиепископ Феогност: благодарим владыку Афанасия. Думаю, что этот ответ нам нужно обязательно опубликовать... Я сейчас внимательно слушал Владыку и размышлял: наверное, у нас многие «новоначальные», хотя и пребывающие в духовном сане, путают покаяние с пессимизмом. В покаянии есть глубокая вера и надежда, а вот когда мы жалуемся: старцев нет, благодати нет, мы, по сути, – неверующие люди. Мы не верим, что благодать Духа Святого живет в Церкви! Это глубочайший пессимизм, достойный Ницше, Шопенгауэра, но это не имеет никакого отношения к Церкви Христовой. *Жив Господь* и живет благодать в Церкви Христовой...

Вопрос: *как можно хранить монашеские традиции в том монастыре, где настоятель назначен извне и не знает сложившихся устоев братства? Возможна ли в этом случае отеческая преемственность?*

Митрополит Афанасий: конечно, существуют вещи, ситуации, которые, на первый взгляд, не приносят блага. Я не знаю, что происходит здесь, на русской почве, но отвечу вам из своего опыта.

Я – епископ в большом городе. Когда меня выбирали епископом, конечно, не все стопроцентно были за меня, не все хотели, чтобы я стал епископом. Но могут ли они упразднить мое епископское место, говоря: я его не избирал? Я считаю, что это катастрофично для души монаха – чтобы он не имел реальной духовной связи со своим игуменом, даже если он его не избирал. Потому что даже в том братстве, где выбирают игумена, существуют некоторые, голосующие против. Из пятидесяти могли быть «за» – сорок, но остальным десяти что делать – уйти из монастыря, или стать революционерами? Нет, конечно.

Но мы должны понять, что послушание, которое мы осуществляем, – это послушание не человеку: мы служим у Христа. Преподобный Иоанн Лествичник говорит: видим того, кто дает приказ, но не видим Того, Кто приказывает.

Иоанн Лествичник хочет сказать следующее: подобает нам вырасти в ту меру, чтобы за лицами видеть не этого вот Афанасия, но то, что он находится на месте и во образе Христа. И я ему послушен не потому, что его выбрали, или не выбрали, но я ему послушен ради любви ко Христу. Если Христос постоянно перед нами, нас не интересует, назначен ли, или не назначен

кто-то на какое-то место, – это дело Церкви. Их устроит Церковь, руководимая Святым Духом. Сегодня я имею этого игумена, сегодня я должен выполнять послушание; завтра, если буду жив, я увижу, как мне поступать.

Завтрашний день относится к Богу; подвижник, монах видит, что сегодня дела обстоят таким образом, прочее остается на волю Божию.

Вопрос: *дорогой Владыко, у Вас много духовных чад среди мирян. Как Вы благословляете мирянам готовиться к Причастию? Что нужно: сколько дней поститься, какое читать молитвенное правило, какие посещать богослужения? Как часто нужно мирянам исповедоваться и за какое время до Причастия?*

Митрополит Афанасий: как я сказал ранее, не существует общего предписания. Каждый больной нуждается в своих целительных средствах, и врач рекомендует соответствующее лечение для каждого. Вы живете здесь, у вас есть свое предание, ваши духовные отцы, ваши епископы. И я не хотел бы, чтобы вы копировали то, что делаем мы на Кипре или в Греции. Каждый должен делать то, что может на своем месте, и если необходимо чему-то поменяться, Бог поведет Церковь к тому, чтобы это было изменено, вплоть до того, чтобы изменился предмет того, чему мы оказываем послушание.

Если каждый из нас начнет делать так, как считает нужным, тогда в Церкви произойдет смешение. Возлюбленные мои братья, от наших старцев мы получили наше предание и традицию частого Причащения, однако я говорю вам: не это спасает – даже если ты причащаешься часто, даже если причащаешься чуть ли не постоянно; но спасает то – причащается ли человек достойно. И если он даже будет причащаться Тела и Крови Христовых один раз в году, но с покаянием и со смирением, он не погибнет... Поэтому не измеряйте, сколько канонов, сколько правил прочесть. Ты можешь прочесть 50 правил, но, тем не менее, оказаться достойным лишь Божественного осуждения. ...Пришел мытарь, который не прочитал никакого правила, просто лежал на полу и плакал, и Бог оправдал мытаря; и осудил фарисея, который был в целом хорош.

Поэтому ищите главное – смирение, покаяние, плач, слезы, а не то – сколько правил, и сколько поклонов, и сколько дней нам поститься. Это всё вы определите в соответствии с тем, что вам указано, и с вашими местными локальными преданиями.

Вопрос: *какова степень внешнего воздействия епископа на монастырскую жизнь? Насколько епископ может простирает свою епископскую власть и вносить свои коррективы?*

Митрополит Афанасий: вначале я должен заметить: всё, что я вам говорю, не имеет печати абсолютной истинности. Это мои собственные мысли, взгляды.

Я знаю, что монахи боятся епископов, но знаю также то, что епископы боятся монахов... *(аудитория смеется)* Я был 22 года монахом и уже 14 лет митрополит. Я знаю, как думает монах, и полагаю, что знаю, как думает митрополит. Хочу вам сказать, чтобы вы не боялись епископов, чтобы вы их любили. Это наши отцы, они несут очень большую тяжесть церковного груза. Так же, как и на простых монахов, сатана очень сильно ополчается на них.

Когда я был монахом-послушником, я видел, как дьявол нападает со своими кознями на послушника. Когда я стал игуменом, я увидел, что происходит с игуменом, потому что и на игуменов набрасывается дьявол. Однажды я сказал старцу: «Отче, я имею очень много помыслов против тебя». Он ответил мне: «Ты представь себе, какие я имею помыслы против тебя!» И после того как я стал епископом, я увидел – что обрушивается на епископа и затрепетал от страха. Потому что дьявол воюет с Церковью. Не одно и то же: монастырь или вся Церковь.

Поэтому любите епископов, молитесь за них, смотрите на них как на своих отцов. Если отец даже совершает ошибку, он все равно остается отцом. Если бы ваш отец ошибся, вы бы выгнали его из дома? Вы бы все равно были с ним, покрывали бы его своей любовью. И Владыка

человек: когда он увидит любовь и смирение, он смягчится и поможет. Поэтому не бойтесь, любите. Где существует любовь – страх убегает. Так говорит Апостол.

Христос говорил о любви ко всему миру. Авва Исаак говорил даже о том, что нужно и самих демонов полюбить; тем более епископов.

Вопрос: *насколько широко простирается управление духовника в женской обители и как его правильно осуществлять?*

Митрополит Афанасий: по моему мнению, истинным духовником женского монастыря является духовная мать, которая принимает сестер в монашеский постриг. Духовник же не является никем иным как пресвитером, который совершает Таинство исповеди. Канонически он должен называться «исповедником», а не духовником, не духовным отцом.

Духовная мать – это игумения, а исповедующий должен помогать тому, что делает игумения. Ничего не должно происходить тайно от игумении. Никогда священник не должен оправдывать послушницу и отвергать игумению. Если духовник не будет соблюдать свои пределы, он уничтожит женский монастырь. К этому нужно относиться с очень большим вниманием: чтобы духовник был только для духовных вопросов исповеди и не вмешивался ни во что иное.

Игумения может спросить его совета о чем-либо, но ни на каком основании он не имеет игуменского места в женском монастыре, даже если этого хотят монахини. У меня много женских монастырей, где я исповедую, поэтому так уверенно и говорю.

Вопрос: *пишет насельница монастыря: я пришла в монастырь, а при нем существует детский приют. Из-за этого я вынуждена много общаться с детьми, а для меня это соблазн. Достаточно ли данного основания для перехода в другой монастырь?*

Митрополит Афанасий: в «Отечнике» говорится: когда некий монах уже был на одре смертном, его лицо просияло, как у Ангела. Его спросили: «Что ты такого сделал, что так светится твое лицо?» Он сказал: «Ничего, но тридцать лет, все годы моего пребывания в монастыре, игумен держал внутри моей кельи корову. Я никогда не возроптал ни на игумена, ни на корову...» Я думаю, это исчерпывающий ответ.

Игумения Николая, настоятельница Никольского Черноостровского женского монастыря: *разрешите, пожалуйста, прокомментировать человеку, который уже двадцать лет имеет детский приют при монастыре.*

Я хочу сказать, что приют очень помогает выстраивать нашу духовную жизнь, в двух аспектах. Первое: мы ведем себя гораздо строже, чтобы не соблазнять детей, мы должны быть хорошими монахинями, потому что на нас смотрят дети, в том числе и 18-летние.

А второй момент – это то, что все, кто приезжает к нам в монастырь, умиляются на детей и потом обращают внимание и на нас. У нас очень много друзей везде, в том числе и на Афоне, и везде мы много слышим поучений духовных, я думаю – ради детей. И если правильно все выстроить, то не мешает приют в монастыре, не мешает это служение: Пустите детей. Таковых есть Царство Небесное... – близкое Богу служение.

Митрополит Афанасий: очень хорошо, добрые-добрые помыслы...

Вопрос: *Владыко, вопрос о соотношении власти игуменской и Духовного собора монастыря. Конкретно – какова практика Греческой Церкви применительно к принятию братьев и сестер в монастырь, одинакова ли она в мужских и женских монастырях?*

Митрополит Афанасий: у нас это решение принимает игумен, потому что именно игумен является духовным отцом, который знает сердце каждого человека в монастыре. Остальным это не открыто, поэтому они могут высказаться, но игумен свободен принимать решения о постриге или об изгнании некоего человека из монастыря. У нас так происходит; не знаю, как происходит в других местах.

Вопрос: *Владыко, не могли бы Вы рассказать об откровении помыслов в греческих монастырях?*

Митрополит Афанасий: помыслы являются одними и теми же, и на русском и на греческом (*смех в зале*).

...Не все исповедуемые помыслы убегают и более не возвращаются в наше сознание. Существуют те, которые остаются и воюют с монахом. Эти помыслы исповедуются игумену, и – только в том случае, если игумен даст благословение, – другому опытному брату. Но, по крайней мере, в наших монастырях, за всем смотрит игумен. Раз в неделю он встречается и беседует со всеми братьями, и выслушивает их помыслы.

Разрушение монаха начинается с того момента, когда он сочтет, что его помысел правильный, и отвергнет то, что ему говорит игумен. Когда монах подумает: истина – это то, что говорю я, а не то, что говорит игумен, – этот монах будет разрушен духовно, рано или поздно.

Вопрос: *в нашем монастыре невозможно обеспечить сестер всеми необходимыми вещами. Я вынуждена просить своих родителей, чтобы они купили мне теплую одежду и дали деньги на ремонт келии. Расскажите о принципе общежития в монастырях Вашей епархии и про то, как Вы относитесь к тому, что монахини вынуждены прибегать к помощи разных благодетелей, чтобы удовлетворить свои личные нужды.*

Митрополит Афанасий: и у нас на Кипре в женских монастырях в 50–70-е годы была огромная бедность, и монахини брали с собой из дома и деньги, и вещи, и мебель и все другое, что могли дать им родители, пока монастырь экономически встанет на ноги. Я считаю, что блажен тот монах и блажен тот монастырь, который настолько беден, что имеет потребность, чтобы ему давали другие. Христос ублажал бедных, а не богатых, и если мы ради любви ко Христу становимся попрошайками, нищими, – пусть это не занимает нас: всегда монастыри и Церкви жили на милостыню благочестивых христиан – и бедных, и богатых.

Были и императоры, которые основывали монастыри, были и бедные благодетели, которые малую лепту вдовы подавали. За всех мы ежедневно молимся и всем Бог дает Свою милость. Как мы уже говорили: важно, чтобы были хорошие помыслы; если мы бедны, то чтобы не роптали, а если мы богаты, – чтобы не были расточительны. На всё нужно иметь ум Христов.

Вопрос: *дайте мне совет как игуменье женского монастыря. Я чувствую, что руковожу обителью более в хозяйственном и экономическом отношении, но не в духовном. Посоветуйте, с чего нужно начать, чтобы стать именно духовной матерью для сестер.*

Митрополит Афанасий: трудный вопрос. Я считаю правильным, когда мы начинаем с себя и признаем пред Богом нашу духовную нищету. Смиренного человека просвещает Дух Святой. Но игумении уж точно должны подвизаться в молитве Божией, в молитве Иисусовой. Мы должны молиться. У нас может быть тысяча экономических проблем, но мы должны молиться.

...Кто-то скажет: у меня сегодня много работы, и я не могу молиться, а другой скажет: у меня много сегодня работы, поэтому я должен молиться.

Так мы и должны говорить: у нас много проблем, поэтому мы должны молиться. Не бойтесь: если мы молимся, Бог будет с нами. И «молюсь» – не означает, что я закрываюсь в своей келье и остаюсь один. Это означает, что где бы я ни находился – на дороге, в кабинете, среди животных, на послушании, – я призываю имя Христово. И пророк Моисей не пребывал только в скинии – у него в мыслях было попечение о десяти тысячах евреев. А мы ни в чем еще не достигли высоты этих святых мужей.

Вопрос: *как привлечь сестер, как вдохновить их к исповеди помыслов, чтобы они их замечали и исповедовали?*

Митрополит Афанасий: я считаю, что почтение и благочестие по отношению к игумену не является внешним настойчивым приказом, но, как мы говорим в Греции, – «естественно»

предлагается». И Христос сказал, чтобы вы были *градом, стоящим на верху горы* (Мф. 5, 14), который виден всему миру. Имейте добрые дела: дела молитвы, дела любви, дела почтения, – и придут постепенно те люди, которые захотят к вам приблизиться.

Это не происходит насильственным образом, с каким бы то ни было применением искусственных средств. Нужно звать с любовью и внутренней добротой, со смирением, и именно тогда ты и приобретешь брата.

...Сколько раз духовный отец или мать устраивали даже некий «театр» для того, чтобы приобрести душу. Известна история о некоем старце, который сказал своему ученику: «Скажи мне, чадо мое, что мне делать: у меня плотские брани». Ученик спрашивает: «Ты, авва, имеешь плотскую брань?» Тот отвечает: «Да. Я стар, но такие у меня брани». Игумен, таким образом, лицемерил, но дал дерзновение юному послушнику подойти и сказать на исповеди: «Да, и у меня есть эти брани». Игумен не всегда так поступал, он сделал это по обстоятельствам. Значит, смиренно и с любовью мы должны вести себя по отношению к братьям, чтобы они поняли и пришли.

Вопрос: *дорогой Владыко, многих из нас сейчас интересует «Положение о монастырях», которое горячо обсуждается. В связи с этим, поделитесь имеющимся в Греции опытом формирования новых монастырей. Какова здесь роль административного решения и духовных предпосылок?*

Митрополит Афанасий: канонические постановления должны быть почитаемы, уважаемы. Мы можем выразить нашу точку зрения, если только ее примет Церковь, а мы проявим послушание. И если даже есть некое несовершенство в нашем собственном понимании, Бог исправит его.

Но не бойтесь постановлений. Нам Христос дал Евангелие, и каждый день мы предаем это Евангелие и не боимся. Как мы будем думать о человеческих постановлениях, если и Евангелие, которое является словом Божиим, не смогло повлиять на нас... Человеческие постановления, разного рода проекты отцов и наших братьев создаются только для того, чтобы нам помочь. И чтобы мы делали то, что мы можем сделать лучше.

Нам нужно иметь доверие. Добрый монах не боится никакого «Положения». Боятся люди бесчинные. Истинный монах на всё, что ни сказали бы ему, ответит: да будет благословенно.

Я расскажу вам маленькую историю из преданий Святой Афонской Горы. Брат нашего старца по имени Харламбий, был очень простым и святым человеком, послушником и чадом старца Иосифа Исихаста. И поскольку он был очень простым и очень милостивым, то, когда он стал игуменом, все, кто приходил в монастырь, брали всё, что хотели. И отец Харламбий ничего не оставил в монастыре, всё раздал. Собрались старшие братия монастыря и решили преподать ему урок – каким он должен быть игуменом; говорили два часа и дали ему очень много советов. Когда же они закончили, отец Харламбий сказал: «Отцы, да будет благословенно. Всё, что вы мне сказали, я сделаю, но скажите теперь мне: какими должны быть послушники?» И они все опустили головы, потому что поняли, что с таким поведением они не были подлинными послушниками. Значит: не бойтесь никакого «Положения». Истинный монах руководствуется Духом Святым. Ни Положения Соборов, никакие иные не должны нас устрашать. Наоборот, мы должны их принимать как выражение Промысла и любви, которую епископы имеют к нам.

Вопрос: *в Греции много монастырей. Сколько нужно насельников, скольким братьям или сестрам нужно собраться, чтобы организовать новую обитель?*

Митрополит Афанасий: законодательство обычно называет число 5. Это по Типикону, по канонам. Но монастырь может иметь и меньшее число братьев, однако для того, чтобы официально считаться монастырем, должно быть, по крайней мере, пять братьев. Тогда можно избирать игумена.

Архиепископ Феогност: еще и еще раз хочется подчеркнуть главную мысль, которая звучит сегодня в устах Владыки: благодать Духа Святого – это основа жизни Церкви, благодать Духа Святого – это основа жизни монастырей. Благодать и послушание, – вера, в то, что через игумена, через архиерея приходит воля Божия... Если мы в это не верим, значит мы не верим, что Господь управляет Церковью, значит мы не верим в то, что благодать Духа Святого живет в Церкви, а когда мне кто-то говорит, что у нас что-то не так – я всякий раз отвечаю: плохо, потому что я плохо молюсь...

Я прошу сейчас, чтобы отцы с Афона прокомментировали главное в нашей жизни, в церковной жизни, в монастырской жизни... Основные вопросы – о послушании, о игумении <...>

Вопрос владыке Феогносту: *Вы говорите, что надо научиться молиться лучше, но нужны ведь условия... А если у сестер нет возможности и времени молиться? Послушания в монастыре – по 14 часов в день тяжелого физического труда. Какая я монахиня – труд, труд, труд...*

Владыка Феогност: прошу прощения, Владыко, я отвечу на этот вопрос, он очень важен. Сначала приведу примеры, а потом о своем опыте расскажу.

Вот пример отца Иоанна Крестьянкина. Он говорил, что у него во время пяти лет тюрьмы открылась Иисусова молитва, а когда он вышел из заключения, он ее потерял. Я думаю, что в заключении было гораздо сложнее, чем сегодня на послушаниях.

Что же касается молитв... напомним слова владыки Афанасия, когда он говорил о подготовке к Причастию: если человек читает каноны и акафисты и считает, что этого достаточно для него, – значит, он делает какую-то неправильную работу и ненужную. Каноны и акафисты нужны только для того, чтобы, приходя к святому Причастию, осознать свое недостойнство. И если мы под молитвой понимаем просто вычитывание, то на это не хватит времени никогда. А если под молитвой мы понимаем... крик или, хотя бы, движение нашей души, предстоящей пред Богом, – вот это молитва. Когда человек предстоит пред Богом, тогда он и молится.

У одного из святых отцов есть такая мысль: молиться нужно чаще, чем дышать. Но если человек под молитвой понимает только вычитывание, то у него, конечно, это никогда не получится. А если молитва как дыхание, – тогда где бы мы ни были, на ферме, в поле, на трапезе, в храме, – мы всегда предстоим Богу и молимся.

А теперь кратко о своем опыте. Когда я только делал первые шаги в духовной жизни, то я тоже видел глубину в вычитывании, и было некое чувство удовлетворенности от этого, я бы даже сказал – «надменность». Но когда послушания выдернули меня из этой внешней праведности, вот тогда начало приходить настоящее покаяние, и в этом покаянии стала рождаться молитва, обращенная ко Господу, молитва, в которой есть и благодарность Богу за жизнь, и просьба о прощении за те ведомые и неведомые грехи, которые ты совершал и совершаешь. И вот это чувство греховности, чувство своей вины пред Богом, по-моему, только и рождает настоящую покаянную молитву.

А если мы говорим о том, что нужно создать особые молитвенные условия, то это очень похоже на йогу, там предписания есть особые: место должно быть тихое, чтобы не было комаров, мух, человек должен сосредоточиться... Для православного таких рекомендаций нет, и чем труднее наши условия, тем крепче наша молитва; чем больше нас бьют, тем сильнее мы становимся; и чем глубже мы осознаем свое недостойнство пред Богом, чем глубже наше покаяние, – тем сильнее и искреннее наша молитва.

Грустно слышать, что необходимы особые условия для молитвы; таких требований никто из святых отцов не выдвигал. Потому будем благодарить Бога за ту жизнь, которая у нас есть. А если вспомнить подвижников благочестия XX века, которые прошли тюрьмы, лагеря... Уже мало осталось тех, кто помнит, например, владыку Афанасия Ковровского (я его тоже не помню,

конечно, мне было несколько лет, когда он уже ушел из этого мира), но те, кто его помнит, говорят: он всегда улыбался, он всегда благодушествовал. Из тех, кто знал старцев, прошедших лагеря, никто не помнит угрюмых и злых людей. Они все светились любовью и добротой, любовь излучали на окружающих, потому что сердце их молилось за всех.

Когда сегодня мы начинаем искать особых условий: поменьше послушаний, побольше пребывания в келье, – мы путаем духовную жизнь с душевным комфортом. Душевный комфорт – да, предполагает особые условия, наверное, тишину, покой. А вот духовная жизнь – она Богом нам дается, и мы с благодарностью Богу идем и принимаем все те внешние обстоятельства, которые Он нам определил: игумена – такого, игуменью – такую. Но я должен это пройти, это мое послушание.

Мне сегодня понравились рассказы о старцах, которые приводил владыка Афанасий. Нам так, к сожалению, их сегодня не хватает – подлинных старцев благочестия XX века, прошедших лагеря; у них было замечательное чувство юмора – доброе...

Я вспоминаю одного старца, к нему из Лавры приехал некий архимандрит исповедоваться. Приехал, но сказать ему нечего было: живет в монастыре, кушает то, что есть на трапезе, на службу ходит... он долго думал: что бы сказать, и говорит: «Отче, я, бывает, правило не вычитываю». Старец улыбнулся, перекрестился: «Ну, слава Богу!» – «Что “слава Богу?!”» – «Ну, хоть что-то ты Богу должен, а то ведь Бог будет должен тебе».

То есть, мы так можем перепутать душевную жизнь с духовной, что вот эта внешняя праведность приведет в состояние прелести. А человеку, который попал в прелесть, очень трудно выйти, очень трудно.

Так что я благодарю за этот вопрос и еще сугубо благодарю владыку Афанасия. Нужно обязательно издать материалы нашей конференции. Я согласен с Владыкой: это практика и наших старцев XX века. Вот сидят игуменьи, которые воспитывались у лаврских старцев, в Почаевской лавре, в Рижской пустыни. Наши духовные отцы тому же учили, о том же говорили, – единый дух на Кипре, в Элладе, в Египте, в Русской Православной Церкви – один дух, одна благодать. Я думаю, если бы эти старцы встретились, они бы друг друга прекрасно поняли, даже не зная языков.

Игуменья Сергия, настоятельница Серафимо-Дивеевского монастыря: *Ваше Высокопреосвященство, хотела поблагодарить за все Ваши ответы. Они очень емко и открыто говорят всем нам, как надо жить. Хочу сказать и тем, кто задает вопросы о проблемах духовной жизни в монастырях: Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу...(Пс. 113, 9) Не мы избрали Бога, а Господь нас избрал – немощных, худородных, и поставил нас в служении Ему в восстанавливаемых монастырях. Первый женский монастырь – Толгский – открылся в 89-м году. Ни одного монастыря здесь, в российской части не оставалось. И поэтому мы всегда должны возносить благодарение Богу за то, что Он призрел на труды и подвиги Новомучеников и Исповедников Российских, которые своим подвигом и молитвами дали возможность нам поучаствовать в возрождении и восстановлении монастырей.*

Воистину сказали духоносные Владыки: духовная жизнь начинается с нас самих, и если Господь в сердце человека даст крупицу Духа Святого, то невозможное человекам оказывается возможным Богу. И проявляется это в возрождении обителей.

Ведь всё рушилось в нашей стране, – кто мог предполагать, что можно восстановить то, что порушено? Но на примере многих обителей мы видим, как они восстанавливаются не только в зданиях, но и в духовном плане. Пусть мы не видим сейчас каких-то духовных плодов, но Господь-то видит и знает, поэтому нам нужно только одно – благодарить и всё упование возложить на Господа, Его Пречистую Матерь и наших подвижников благочестия, которые обеспечили нам эту жизнь. Спаси Господи.

Вопрос владыке Феогносту: *Владыко, неужели вы считаете, что в наших монастырях, особенно женских, всё хорошо и нечего менять во внешнем устройении в отношении молитвы и работы; почему же тогда уходят из монастырей? Неужели только нерадивые?*

Архиепископ Феогност: есть краткая, но точная мысль: для верующих нет вопросов, для неверующего – нет ответов.

Это первое. Второе: вот матушка игумения Сергия сказала слова радости, любви, очень простые, но очень важные. А суть этих слов может быть выражена пословицей: «Словом наскучишь, примером научишь». Очень важен пример и свидетельство жизни в Духе Святом. Это радость. И покаяние – это не уныние, не пессимизм – это внутренняя, глубокая радость и надежда на то, что до тех пор, пока мы живем, Господь дает нам возможность покаяться, прийти в разумение истины. А внешние условия – не что иное, как только тренажер, и относиться к нему, как к чему-то самодостаточному ни в коем случае нельзя.

Путь монашеский тернист, вступив на него однажды, мы вступили на путь искушений, путь испытаний.

Я прошу прощения, если пример будет не очень удачным, но, тем не менее, скажу: человек пришел в спортзал и не хочет заниматься там на снарядах, а потом сетует – что это у меня успехов никаких нет? Ну, а какие у тебя будут успехи? Спортзал сам по себе не спасает.

Точно так же: мы пришли в монастырь и не хотим нести послушание, не хотим поверить в то, что через игуменью, через игумена, через архиерея идет наше испытание. Конечно, в этом случае никакой монастырь не будет для нас спасительным. Нужно верить, что Господь Сам нас ведет, и верить нужно не только *в Бога*, но и – *Богу*.

Вспомните глубочайшие слова в первых строчках Священного Писания: *и поверил Авраам Богу и вменилось ему в праведность* (Быт. 15, 6). Не сказано «поверил Авраам в Бога», но – «поверил Авраам Богу», а Господь сказал ему: *изыди из земли сей и иди туда, куда Я тебя поведу*. Вот и нас тоже Господь извел, и если мы не будем верить, что Господь нас ведет, тогда, значит, мы отказываемся от самого главного – от Боговодительства. Жизнь монастырская сама показывает, зачем мы пришли: искать душевного мира и покоя, или пришли на испытания, встали на путь борьбы и подвига? И это борьба не с игуменом или с игуменьей, а с самим собой, со своими страстями. Тот, кто не хочет этого понять, не понял чего-то самого главного, самого существенного в нашей монашеской жизни. Благодарю.

Игумен Петр (Мажуко): *благословите, Владыко, задать вопрос Вам и владыке Афанасию. У меня вопрос, я считаю, по сути духовной жизни: не происходит ли часто, по Вашему мнению, подмена монашеского делания молитвословием, то есть сама молитва не является ли, по представлению монашествующих, уже достижением цели. Не подменяет ли правило духовную жизнь?*

Итогом молитвы является должное отношение к Богу и к человеку – собрату по обители, ко всем окружающим людям. Сейчас озвучиваются проблемы: вот, не хватает времени на молитву... – а на злобу, на раздражительность, на возношение над ближним круглосуточно – хватает времени вполне? Не является ли забота о покое для молитвы подменой этого самого главного, чего нам на самом деле не хватает? Спаси Господи.

Митрополит Афанасий: Для того чтобы не рассматривать вопрос односторонне, я хочу прояснить: всё, что сказал я, и сказал владыка Феогност, – не означает, что мы недооцениваем необходимость молитвы в монастырях. Обязанность настоятеля – заботиться, чтобы непреткновенно совершалось храмовое богослужение, и чтобы монахи, насколько возможно, имели время для молитвы.

Однако, поскольку мы жили в монастырях, мы знаем, что не всё зависит от нашей собственной программы. Очень часто мы вынуждены трудиться в большей степени, так что не

остается времени ни на что иное. Истинный монах тот, который куда бы ни пошел, чтобы ни сделал, – всё сопровождает молитвой.

Если монах ропщет из-за того, что потерял время молитвы, в то время как он выполнял послушание, или ропщет из-за того, что у него нет времени для чтения, в то время как служит братиям, это означает только то, что он не понял, какова цель и молитвы, и служения.

Цель в том, чтобы он преодолел ветхого человека и приобрел Христа в своем сердце. Из своего малого опыта говорю вам, что нигде и никогда не существует идеальных условий. Всегда присутствует человеческий фактор. И сами великие святые отцы, с которыми мы жили рядом и которых мы знали вблизи, – эти отцы часто не имели времени, даже чтобы выпить стакан воды. Иногда десятки людей вокруг старца Паисия ждали, чтобы поговорить с ним, и у него совершенно не было времени ни для молитвы, ни для занятий.

Поэтому не нужно впадать ни в одну, ни в другую крайность: мы не должны быть безразличными к молитве, службе; но не нужно считать при этом, что наше спасение зависит от неких внешних условий.

Как хорошо сказал ранее Владыка: духовная жизнь – это не йога, молитва – это соединение души с Богом, и человек соединяется со Христом, когда сораспинается с Ним. И мы распинаемся в служениях, распинаемся в послушаниях, и тогда, когда молимся. Предадим себя свободно на рассудительность того, кто нами руководит, и перестанем считать, что святость является результатом человеческих предпосылок. Святость является результатом благодати Святого Духа.

Вопрос: *Владыко Феогност, если Вы считаете, что в наших монастырях всё хорошо, то какова цель настоящей конференции, дискуссии на Богослов.ру – составление нового «Положения», приезд греческих гостей? Может, нам все это не нужно?*

Архиепископ Феогност: Мы говорили о том, что у нас в монастырях *есть* условия для духовной жизни, а кто не хочет жить духовной жизнью... Очень простая мысль: когда человек чего-то хочет, он ищет возможности, а когда не хочет – ищет причины. Так вот причин не вести духовную жизнь у нас очень много. Это ответ на первую часть вопроса.

Дискуссия на Богослов.ру: *разномыслия должны явиться: да явятся и искусные, по Апостолу (1 Кор. 11, 19).*

По поводу составления нового «Положения». Нужно сформулировать основополагающие принципы нашей монашеской жизни, но «Положение» не должно быть прокрустовым ложем – жестко регламентировать существование монастырей и лишить их свободной жизни во Христе.

От приезда греческих гостей я для себя сегодня получил огромную пользу. Мы все услышали не просто умный доклад, мы услышали исповедь человека; она важна, она помогает нам и себя открыть. У Достоевского есть интересная мысль: если вы хотите написать книгу, которая перевернет мир, назовите эту книгу «История моей души». Мы часто боимся себя, а Владыка безбоязненно говорит о сложнейших проблемах. Для этого мы и собрались, чтобы услышать друг друга и не бояться говорить о проблемах, только не о надуманных, а о личных, своих. А когда этих проблем нет, – мы выдумываем что-то, ищем какие-то обстоятельства вовне, которые позволят нам оправдать себя в том, что мы не ведем духовную жизнь.

Так что необходимо встречаться, необходимо говорить. И у нас есть условия для духовной жизни. Да, в наших монастырях не всё так хорошо. И хорошо не было ни в IV веке, ни в V, ни в X, ни в XX веках. И на Святой Горе проблем в монастырях много, и в Греции, и на Кипре проблемы есть. А если проблем нет, тогда уже духовной жизни не будет.

И еще, не надо забывать, что святость – это не стерильность. Конечно, стерильности в наших монастырях нет, но святость есть, была и будет.

Я, насколько смог, ответил человеку, который настойчиво пытается услышать, как у нас всё плохо. Проблемы у нас есть, их очень много, и у меня лично, и у каждого из нас. И живем мы до

тех пор, пока мы их с помощью Божией, благодатью Божией решаем в покаянии, покаянием исправляясь перед Господом, – в этом наша жизнь. Ибо покаяние это не статистика, а изменение ума нашего. А свидетельства покаяния – поступки. И когда мы говорим, что мы покались, – должны явиться поступки, которые подтверждают это покаяние. И так всю жизнь. Помните самый первый Патерик?

– Отче, я пал.

– Вставай.

– Я снова пал.

– Снова вставай.

– Но я снова пал.

– Снова вставай.

– И что?

– Так всю жизнь!

И вот так мы идем, и это путь монашеский, путь к совершенству. Другое дело – не надо услаждаться своим падением.

Но и не надо впадать в отчаяние и уныние. Преодолевать искушения, идти ко Господу, – только любовь ко Христу и любовь Христа к нам дают нам силы преодолевать непреодолимое и делать невозможное, но идти по пути покаяния, – в этом наша жизнь. Простите, поправьте. Спаси Господи.

**Монахиня Феоксения,
настоятельница монастыря
в честь иконы
«Живоносный источник» –
Хрисопиги (о. Крит, Греция)**

**ИГУМЕН КАК ДУХОВНЫЙ
РУКОВОДИТЕЛЬ МОНАСТЫРЯ:
КАНОНИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ
И ЗНАЧЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ
ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ**

Ваше Высокопреосвященство владыка Феогност, Преосвященнейшие архипастыри, Ваши Высокопреподобия настоятели и настоятельницы святых обителей, досточтимые отцы и монашествующие, возлюбленные во Христе братья, благословите!

Я хотела бы поблагодарить Его Высокопреосвященство архиепископа Сергиево-Посадского Феогноста, наместника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, за почетное для меня приглашение выступить с трибуны этой монашеской конференции в этом благословенном месте, где пребывают радостотворные мощи великого русского святого преподобного Сергия Радонежского.

Наша священная обитель расположена на острове Крит, давшем миру многих святых, и посвящена Пресвятой Богородице, Её иконе «Живоносный источник» в местности Хрисопиги. Это Патриаршая ставропигия, относящаяся к Вселенскому Патриархату. На Божественной литургии мы возносим имя Вселенского Патриарха Варфоломея, благословение которого я передаю всем участникам конференции.

Со времен раннего христианства на пути монашеской жизни особое значение имеет личность предстоятеля общежития, выполняющего роль основного наставника. Согласно законоположнику монашества святителю Василию Великому, личность игумена или игумении служит предметом всеобщего доверия и приятия и мерилom для всей братии^[28]. Настоятель одним своим присутствием отодвигает на второй план частные желания и сохраняет единомыслие. По слову святителя Григория Нисского, «настоятель является соединением единомыслия и светом в водительство душ»^[29].

Авва Геронт, старец, или, напротив, амма Геронтисса, старица, обладают безграничной любовью ко всем, даром рассуждения, снисхождения, терпимости и учительства, нравом

церковным, духовной образованностью и зрелостью. Он/она учит монашеское братство/сестричество собственным жизненным примером, словом и отношением, подвизаясь, чтобы быть примером и правилом жизни.

В сформировавшемся общежитии, где подвизаются и живут согласно с Евангельским законом, православным преданием и священными канонами, решения настоятеля не могут быть ничем иным, как выражением совести всех братий. Согласно святителю Василию Великому, в монастыре вместе живут люди, происходящие из разных мест, но все они настолько притираются и приобретают одни и те же свойства, как если бы одна душа пребывала во многих телах и имела бы единое мнение^[30]. Братия, как подчеркивает святитель, в равной мере становятся друг для друга и рабами, и господами^[31].

В самом деле, в общежительном монастыре обеты нестяжания и отречения от привязанности к материальным благам взаимосвязаны с единением и совместным жительством членов братства и исполняются через добровольное отречение собственной воли. Это предполагает принятие на себя духовной ответственности каждым в отдельности и всеми вместе взятыми, чтобы стать «хранителями благочестия друг друга»^[32], по слову святителя Василия Великого. Для достижения этой первостепенной для общежительного монастыря цели каждый монах нуждается в постоянной поддержке со стороны настоятеля. Только при мудром духовном водительстве игумена члены братства могут соединиться тесными братскими узами, подвизаясь все вместе и вместе следуя одним путем к Царствию Небесному.

Служение настоятеля состоит в том, чтобы навести и построить мосты общения между братиями, чтобы изглаживались причины отдаления душ и воздвигались те духовные силы, которые приводят к взаимопониманию, единству и гармонии во Христе. Там, где существует подобное единодушие, монашеская жизнь достигает полноты.

Основатель общежительного монашества преподобный Пахомий Великий наставлял начальствующих, чтобы они несли свой крест с большим усердием, чем все остальные, и досконально соблюдали принятый в братстве устав, чтобы и все остальные стремились к тому же^[33].

В ктиторском уставе нашего монастыря, действовавшего с XVI века как мужской, особо подчеркивается, что настоятель обязан иметь «взор неусыпный, зря деяния и житие братий»^[34]. Это правило действует для всякого монастыря, потому что настоятель или настоятельница должны брать на себя неусыпную заботу о каждом брате или сестре с момента отречения от мирской жизни, что является первым шагом к монашеской жизни и принятию в монастырь, и вплоть до ухода в вечность. Делание настоятеля начинается с момента знакомства с кандидатом к монашескому постригу и приведения его к тому, чтобы оставить тщетность мира и сопричтись к монастырской общине. В житии преподобного Пахомия Великого сообщается, что после повеления от Ангела преподобный «начал принимать приходящих к нему, и так после достойного испытания преподавал им монашеский образ»^[35]. Святитель Василий Великий, обращаясь к избравшим отречение от мира и монашеское житие, пишет: «Ты же, возлюбивший небесное жительство и ведущий жительство ангельское и святых Христовых учеников споборник, возжелай же и побуждай себя к твердости в принятии скорбей и мужественно войди в сообщество монахов»^[36]. Вновь прибывший предает свою волю в руки игумена и всей братии, и по их молитвам достигается его отречение от мира. Святые отцы особо подчеркивают непрерывность монашеского исповедания и обязанность монаха соблюсти до конца жизни свои монашеские обеты.

В уставах монастырей с первых веков содержатся поучения в форме оглашений, в которых общих житий начальствующие обращаются к послушникам и новоначальным монахам. В

«Оглашении» преподобного Илариона, современника и ученика преподобного Антония Великого, мы читаем, что тот, кто стремится умом к тому, от чего отрекся, приходит к лишению себя жизни вечной. И в «Оглашении» аввы Пинуфия старец, обращаясь к послушнику, которого он приводит к монашеству, подчеркивает его обязанность до конца соблюсти обет смирения, который он дал Богу, равно как и послушание, которое он выказал вначале, и научает его лестнице добродетелей, житию в общежитии и монашескому совершенству^[37].

Настоятель лично берет на себя укрепление в скорбях, испытаниях и духовных поисках каждого члена братства, включая и кандидатов к принятию монашества, живут ли они в монастыре как послушники или только взыскуют этого. С помощью Божией он находит способы преодолеть трудности и исцелить духовные немощи. Для достижения этого он призван возлюбить своих духовных чад отеческой любовью, вразумлять их с любовью и снисходить к их немощам, ибо сам Господь терпел наши прегрешения. Но и по обстоятельствам необходимо налагать взыскания и призывать к ответу. Строгость и надзор могут быть иногда заменены снисхождением и икономией, но не доводя до того, чтобы они вышли за рамки взаимного уважения и приличия.

Положение настоятеля или настоятельницы и бремя ответственности старших братий не отменяют непосредственности личного общения с каждым из братьев или сестер и не умаляют ласкового и заботливого обхождения, отеческой и материнской заботы.

Святитель Василий Великий подчеркивает, что настоятель несет ответственность и дает ответ перед Богом за все недопустимые проступки в братстве^[38] и считает исцеление немощей и служение братии поводом не к высокомерию, но, напротив, к смирению и подвижничеству^[39].

Обхождение настоятелей с каждым членом братства требует большого рассуждения. Их исцеляющее вхождение в мир души каждого есть дар, действующий силою Божией и по молитвам святого основателя монастыря, его преемников, но и всех членов братства, если сопровождается постоянным личным подвигом со смирением и самоукорением самих настоятелей.

Настоятель призван первым шествовать путем крестоношения и мученичества, к которому он призывает и все братство, безропотно приняв на себя первым Крест Спасителя. Монашеская жизнь есть постоянное несение Креста. Она подобна выходу в море во время сильного шторма, но ее гавань и прибежище в постоянном присутствии Духа. Благодатное утешение подается ежедневно, когда монах на пути к спасению испытывает скорби, испытания, падения и многие искушения. Без внутреннего мученичества духовная жизнь не может достичь своей глубины.

Делание настоятеля – в том, чтобы сообщить братству дух вечности и ревность в испытании своей совести, чтобы вдохнуть в каждого члена братства уверенность, что ежедневное предвкушение будущего Царствия может быть прочувствовано через сопереживание, совместное прохождение одного пути и духовную близость всех членов братства, в котором общей и неразрывной связью они имеют любовь к Жениху Христу.

Это стремление к взысканию общения с Богом настоятели призваны обновлять ежедневно, понуждая братию к подвигу и молитве, и воодушевляя их, и радуя на пути к вечности.

Этот жизненный опыт придает смысл и эсхатологическое измерение богослужению, которое является центром монашеской жизни и исключает возможность превращения круга богослужений в рутинную обязанность. Духовное исследование Священных Писаний может стать неисчерпаемым источником благодати, радования и божественного вдохновения^[40].

Это призвание общее и для мужчин, и для женщин. Как подчеркивает святитель Василий Великий в своих основополагающих для монашества «Словах Подвижнических», «монашество существует не только для мужчин, но и для женщин»,^[41] и пишет о настоятельнице как о

личности, пользующейся всеобщим доверием, полагая ее «истинной матерью истинных детей»^[42].

Святитель Нектарий, основатель и руководитель женского монастыря Святой Троицы на острове Эгина, подчеркивает: «Начальница монастыря не живет для себя самой, но ради сестер и, живя ради сестер, живет для Бога. И Господь принимает как благоугодную жертву такую жизнь, которая предполагает отречение себя и умерщвление всякой личной воли»^[43].

Он называет игумению Ксению «духовной матерью монастырей»^[44], ответственной за благочиние в общежитии, и побуждает монахинь исповедовать ей свои прегрешения и помыслы, даже если они хульные и исполнены уныния. Игумению же он призывает принимать их с любовью, дабы были побеждены искушения^[45]. Святитель Нектарий учит монахиню, в душу которой прокрались помыслы неприязни к настоятельнице, что в это состояние она впала под влиянием беса, вложившего ненависть в ее душу, чтобы изничтожить признательность сестры к настоятельнице, которая трудится ради ее спасения.

Самой же настоятельнице дается совет в следующих словах: «Ты должна знать, что, когда ты здорова, здоровы и сестры, даже если они страждут. Когда же ты страждешь, то страждут и здоровые. Знай, что твоей радостью освещаются и лица сестер, и монастырь становится раем, и от тебя зависит радость сестер, и ты обязана сохранять эту радость в их сердцах. Твори же это даже через многое понуждение себя»^[46].

Настоятель или настоятельница через служение братии, подвизаясь в терпении, разумении, всепрощении и в постоянной борьбе со страстями, достигают преодоления и собственных трудностей и немощей. Поэтому и преподобный Феодор Студит призывает: «Научайся и научай, просвещайся и просвещай, наставляйся и наставляй, обращай к Богу и обращай... С душой, исполненной любви, сохраняй единение братии, стоя на страже всего, что приводит к Богу»^[47].

Настоятель должен параллельно с постоянным бодрствованием ради единства братии и ради спасения душ, которые принял, укреплять братию на твердых основах Православной веры и в утверждении, что истина освобождает, в то время как крайность, своеволие и самочиние отторгают и удаляют от спасения, поскольку отсекают нас от Церкви. Единство в Церкви – это путь общения с Богом, истинная жизнь, единство со святыми, дорога к вечному блаженству. Монашеская община может следовать этим путем к вечности поскольку, постольку она приобретает полное отождествление себя с церковным сознанием и разделяет ощущение и опыт того, что в Церкви все мы одно, как говорил преподобный старец Порфирий^[48]. Таким образом, освящение монашеского братства может способствовать следованию всего Тела Церкви по преображающему во Христе пути.

Залог успеха в вышесказанном состоит в приближении и в прикосновении к душам – в существовании духовной связи настоятеля с братией, такой связи, которая, если она глубока, существенна и угодна Богу, продолжается и в будущей жизни. Это весьма красноречиво описывается в одном из текстов раннехристианской кельтской традиции словами «настоятель – друг души». Сообщается, что преподобный Коломба (521–597), ирландский святой, настоятель общежительного монастыря и духовный наставник многих монахов, плакал вместе с раскаивавшимся братом^[49].

Согласно святым отцам, пастырское и воспитательное общение зиждется на кротости, предупредительности, мягкости, на индивидуальном подходе и, конечно, на уважительности. Старец никогда не прибегает к психологическому и эмоциональному давлению и угрозам. Настоятели, действуя в истинно отеческом и материнском духе, ни в коем случае не отождествляют послушание с дисциплиной. Монастырь, просто подчиняющийся указаниям настоятеля, представляет собой вулкан, который вскоре взорвется, уничтожив братство. Цель

состоит в том, чтобы в монастыре сложился климат взаимной любви и все члены чувствовали, что между ними и настоятелем существует личная связь и духовное общение.

Святитель Василий Великий подчеркивает: «Настоятель, как отец, преклонится к нуждам каждого и предложит по мере сил надлежащее лекарство и исправление и поддержит действительно болящего члена с любовью и отеческим благоволением как телесно, так и душевно»^[50].

Тот же дух различим и в тексте «Лествицы» преподобного Иоанна Синаита, который пишет, что настоятель должен будет учить и исцелять кроткими и мягкими словами и с предельным снисхождением^[51]. Преподобный Феодор Студит призывает игумению Евфросинию руководить сестрами с терпением и любовью: «Итак, заботься о том, чтобы пасти вверенных тебе сестер. Руководи ими во Христе со многим долготерпением, состраданием, добиваясь исполнения ими своих обязанностей без излишнего давления. Но, как мать окружает заботой своих детей, так и ты с материнской любовью преподавай им всё то, в чем они имеют нужду, полагая даже собственную душу ради них... Делись своей любовью со всеми сестрами, не оказывая предпочтения той или иной. Одну – утешай, другую – побуждай, третью – укрепляй и в целом подавай каждой то, в чем она имеет нужду»^[52].

Старец Паисий Величковский в своем письме к игумении Марфе пишет: «Учи сестер путям спасения, с Божией помощью подавая им примеры всякого доброго дела с прилежным соблюдением евангельских заповедей, с любовью к Богу и ближнему, с кротостью и смирением, с самым глубоким миром Христовым в отношении ко всем людям, с истинно материнским милосердием»^[53].

В монастыре материнское милосердие приобретает глубокий смысл и духовную широту, поскольку обращено к чадам, которые не произошли из естественной материнской утробы, а рождены через духовное усыновление. И поэтому оно может объять всех, даже немощных и строптивых братьев, и уж конечно, нестойких и искушаемых, жаждущих духовной поддержки.

Известный в России прозорливый и благодатный старец Порфирий Кавсокаливит (†1991) имел духовное общение и руководствовал многие братства не только в Греции, но и в других странах. О настоятеле он говорил: «Старец (настоятель) играет очень важную роль в нашей жизни. Старец – наш духовный водитель. Он не просто образованный человек, ставший старцем, поскольку он грамотен и силен в богословии. Давайте разберемся, что же такое старец. Он может быть и неграмотным, может многого не знать, может не владеть даром слова, может, не прочел много книг, но он может быть и выше образованного, если жил в послушании и стяжал Благодать Божию. Такой старец может принести много пользы своим послушникам, если они будут у него в послушании»^[54].

Старец подчеркивает, что для руководства братством необходимо рассуждение. Первостепенной вещью для нахождения подхода к душам он считал доверие, чтобы каждый брат или сестра уверенно и без опаски открывали бы свои помыслы и прегрешения, не опасаясь быть отвергнутыми. Поэтому-то он и подчеркивал, что настоятель или настоятельница должны быть снисходительны, понимать душевное состояние каждого монаха и молиться. Требуются, как он говорил, мягкие способы: чтобы принимать других и руководить ими, чтобы выслушивать помыслы, он должен сам быть святым и выказывать отзывчивость, кротость, любовь^[55].

Он утверждал, что, когда старец испытывает истинное сострадание и боль за трудности в борьбе за каждую душу, происходит малоприметная работа, через которую, по милости Божией, человек может духовно возродиться и обрести новые перспективы. Он говорил, что старец призван духовно возлюбить братию, невзирая на их прегрешения, и привести их к свету и красоте Райского сада. Он считал очень важной тайную молитву старца о каждом брате и

говорил, что это движение молитвы соединяет и исполняет благодатью всю братию. Настоятелей, скорбящих о прегрешениях своих послушников, он призывал не жаловаться во время трудностей и искушений, а вместо этого призывать души к новым усилиям.

Приснопамятный старец Порфирий был весьма сдержан, когда дело касалось строгости: «В монастыре может быть порядок и черед, но самой монашеской жизни не быть»^[56]. Он считал ошибочным стричь всех под одну гребенку с излишней строгостью, не допускающей индивидуального подхода согласно особенностям личности, темпераменту и особому душевному строю каждого члена братства.

Старец Порфирий считал необходимым для игумена или игумении, чтобы они сами подвизались в послушании. Он особо отмечал, что ты сам должен был пройти через послушание, чтобы почувствовать себя на месте того, кого ты призываешь к послушанию.

В каждом случае старец Порфирий подчеркивал, что радость и свобода придают душе силы для продвижения в монашеской жизни: «Чтобы преуспеть в монастыре, нужно подвизаться без понуждения, с радостью и охотно, а не по необходимости. Не думай об аде. Монашество не должно быть бегством от негатива, но путем к божественной любви. Монашеская жизнь радостна. Монах должен познать сладость молитвы, взыскать божественной любви. Он не может утвердиться в монашестве, не познав сладости молитвы. Если этого не случится, – конец: он не сможет оставаться в монастыре. Но то, что удерживает его в монастыре вместе с молитвой, – это труд и рукоделие. Труд и молитва – это не разные вещи. Работа не мешает молитве, напротив, она усиливает и улучшает ее. Это вопрос любви. Работа – это то, как если бы кто-то молился или клал поклоны»^[57].

Как говорит приснопамятный старец Порфирий, труд, послушание и рукоделие имеют большое значение. Очень важно, чтобы каждый в монастыре трудился по мере своих сил. В равной степени важно, чтобы братство осознало, что работа в монастыре и добывание средств к существованию совершаются с трудом и жертвами, потому что сама жизнь по заветам Отцов может продолжаться через эти простые ежедневные жизненные проявления.

Поэтому настоятель, который призван поддерживать каждого брата в борьбе со страстями, так должен его укреплять в ежедневном несении послушания, чтобы давать ему возможность заниматься осмысленным трудом. Он не должен идти при этом на поводу желаний и требований братии, но относиться к назначению и распределению послушаний рассудительно и подавать личный пример. Он призван вдохновлять и объединять усилия с тем, чтобы служение отвечало нуждам общежития и в то же время становилось объединяющим началом для братии, приводя ее к святости.

В первую очередь послушания, связанные с работой на земле, соединяют членов братии между собой и с местом, где они живут. Когда продукты, предлагаемые для общей трапезы, оказываются плодом труда братии, усердно трудившейся, чтобы вырастить их, и особенно когда это происходит традиционным способом, то есть без использования химикатов, тогда появляется возможность для членов братства, в первую очередь для молодых, которые жили в современном обществе, осознать, что монастырь следует многовековым традициям.

В современную эпоху монахи и монахини, приходящие в монастыри, в большинстве своем – люди, обремененные значительным социальным и образовательным багажом и выросшие по правилам, диктуемым современным обществом. Некоторые из них происходят из мультикультурной среды, другие же побывали во многих странах и изучали различные науки. Они избирают монашескую жизнь, поскольку взыскивают Христа как Жениха, прекрасно зная, что общество их за это осудит. Чтобы эти молодые люди могли последовательно пережить трезвение и крестный путь монашеской жизни, который вот уже две тысячи лет проживает Церковь, они нуждаются в атмосфере постоянного духовного окормления, присмотра и ежедневного

размышления над смыслом жизни. Духовный наставник призван постоянно утверждать братию в том, чтобы они сохраняли ревность и не подменяли трудный путь легким, тяжелую работу комфортом, жертвенное служение требованием особых прав. Потому что всегда сохраняется опасность, что в наших монастырях поселятся секулярное мышление и проявления, отменяющие нашу монашескую сущность, которая подлинная только тогда и только потому, что остается «обетованием креста и смерти»^[58].

Жизнь в общежительном монастыре сохраняет до сего дня единство, какое было у первых христиан, и ревность о совместном существовании душ. В монастырской жизни мы призваны следовать святоотеческой традиции. Однако слово «традиция» само по себе означает «передачу» чего-то, что было преподано и пережито и не ограничивается простым сохранением. Монастырские правила, которые регламентируют жизнь в наших обителях, имеют смысл только в том случае, если мы и сегодня проникаемся и руководствуемся ими на пути к спасению души. А настоятель верен слову, истине, опыту и продолжению дела своего святого предшественника, когда не просто требует соблюдения заповедей и уставов, но когда руководствует членов братства в восприятии духовных заветов, в единстве, в единомышленном общении и в непрестанном исследовании воли Божией.

В заключение мне представляется необходимым вспомнить и помолиться о братьях и сестрах в Сирии, как, впрочем, и обо всех христианах и монахах, живущих на Ближнем Востоке и, конечно же, на Синае. В трагическое время, которое переживает современный мир, большим утешением служат подобные братские собрания во Христе, объединяющие мысли и сердца с нашими братьями по всему миру, которые безвинно гонимы и страждут. Мы потрясены нынешними дикими гонениями на христиан, которые продолжаются на фоне всеобщего безразличия. Будущее христианства в месте его зарождения и дальнейшего развития не сулит ничего хорошего, поскольку исламистские движения искореняют его самым кровавым образом. Продолжающееся истребление христианства и, как следствие, монашества в его исторической колыбели, к сожалению, не вызывает сочувствия ни в христианской Европе, ни в Америке. В этот тяжелый час подвижничество и молитва монахов, а также их многовековые миссионерские труды служат свидетельством и одновременно протестом для тех, кто насильственно лишен права жить в местах, освященных кровью мучеников и подвижников Древней Церкви. Смирненно полагаю, что эта монашеская конференция должна выразить в итоговом заявлении беспокойство и протест против этого современного геноцида христиан.

Большое вам спасибо.

После доклада игуменья Феоксения, настоятельница монастыря иконы Божией Матери «Живоносный Источник» в Хрисопиги, о. Крит ответила на вопросы

Вопрос: *как часто Вы общаетесь с сестрами в личной беседе?*

Игуменья Феоксения: это происходит в зависимости от потребности сестер: с одной это может быть чаще, с другой – реже. В монастыре мы стараемся, чтобы игуменья была доступна для каждой сестры.

Вопрос: *насколько должно простираться послушание игумену, если он руководит монастырем не по духовным принципам, а более как администратор?*

Игуменья Феоксения: мы все ошибаемся каждый день. Цель та, о которой пишут Отцы, и о которой говорилось в докладе, – чтобы игумен старался восполнять недостающее в братстве.

Вопрос: *монастырь – замкнутый женский коллектив. Как избежать в нем внутренних конфликтов, преодолеть гордость, тщеславие и честолюбие, которые приводят к ссорам между сестрами?*

Игуменья Феоксения: страсти людей везде одинаковы. Нужен постоянный подвиг, постоянные усилия, чтобы преодолеть эти противоречия. Преодоление повседневных трудностей – и в том, чтобы мы не создавали чрезмерного напряжения, когда возникает та или иная проблема. Если сам настоятель мирен, если он не гневается, не выходит из себя, то постепенно его миролюбие передастся и нраву братии.

Вопрос: *Разрешено ли в Вашем монастыре пользоваться сотовыми телефонами?*

Игуменья Феоксения: мобильный телефон – это искушение современной эпохи. Молодежь, которая поступает в монастырь, привыкла к использованию мобильного телефона. В нашем монастыре сестры не имеют мобильных телефонов, но есть несколько телефонов, которыми сестры, выходя из монастыря, в машине, в том или ином служении пользуются. Я считаю, что эти современные средства требуют большой осторожности и внимания. И, если расширить вопрос, – я считаю, что монахам и монахиням категорически нельзя иметь компьютеры в своих кельях. Мы не можем отказаться от этих средств, но должны ограничить место их использования территорией библиотеки и специальных кабинетов.

**Иеромонах Хризостом,
монастырь Кутлумуш
(Святая Гора Афон)**

**ЛИТУРГИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ
В МОНАСТЫРЯХ И СМЫСЛ
МОНАСТЫРСКИХ ПОСЛУШАНИЙ.
БОГОСЛОВСКОЕ
И КАНОНИЧЕСКОЕ
СОДЕРЖАНИЕ
МОНАШЕСКИХ ОБЕТОВ**

Монашеское жителство сравнивают с ангельским. Не потому, что монахи пытаются стать бесплотными. Просто их служение уподобляется служению ангелов. Служение же ангелов состоит в том, чтобы славословить Бога и исполнять послушания, на которые Он их посылает.

Делание монаха, как говорит преподобный Роман Сладкопевец, есть песнопение Богу. В одном из кондаков преподобным сказано, что пение это должно быть «разумным и благозвучным», дабы «воспарить, яко орля, в горняя». Большую часть своего времени монах посвящает седмичному кругу богослужений, общему для всей братии. Богослужение – это не пустая формальность, ради того чтобы умиловать Бога. В нем мы выражаем свою любовь и благоговение, и, только укоренив в себе эти добродетели, монах становится причастником Божественных тайн. В богослужении человек учится погружать себя в деяния Божии, познает и сопереживает Его безграничную любовь. Богослужения без благоговения быть не может. Благоговение передается богослужебному настрою и создает глубинную связь с Богом.

О значении богослужения свидетельствуют все монашеские источники: уставы, которые определяют до мелочей порядок совершения богослужений, житийная литература, учение великих отцов Церкви, а также современный опыт. Глубокую укорененность в литургической традиции наблюдаем мы и в жизни старцев-отшельников, как свидетельствует монашеская литература.

Так, в Нитрийской пустыне, если кто-либо из отцов не появлялся на общей молитве, это означало, что он тяжело болен или претерпел некое искушение.

Еще одним служением ангелов является несение послушаний, назначенных Богом. Не случайно сам термин «послушание», или «диакония», применим к деятельности монахов. Разумеется, любой труд помогает человеку развивать, возделывать и сохранять свежесть

духовных сил. Но, помимо этого, термин «послушание» свидетельствует о том, что монах добровольно служит ближнему, общине. Служит не потому, что он подчиняется некоей системе трудовых отношений (монастырь – не производственное предприятие), но, приобщаясь и укореняясь в Божественной любви, он делится ею с ближними. Значение любви – в том, чтобы радеть и подвизаться для духовного преуспеяния всей братии, и этой задаче служат послушания. Для Антония Великого «совершенным деланием» было то, что служило на пользу братии. Такой труд служит средством борьбы с себялюбием и унынием. Самое незначительное на первый взгляд послушание самого неприметного монаха и такое послушание, как настоятельство, являются действиями одного организма и направлены на его сохранение и возрастание. Послушания назначаются в соответствии с возможностями и способностями каждого из братии. В то же время монашеская традиция предписывает смену послушаний, что, по моему мнению, преследует две цели. Во-первых, таким образом формируется сознание, что в монастыре ничего и никому не принадлежит на правах собственности. И, во-вторых, так познаются на практике сложность и особенные требования для каждого из послушаний, с тем чтобы братия понимали, помогали и соучаствовали в послушаниях друг друга. Все заботятся обо всех и обо всем, но при этом каждый пребывает на своем месте, оставаясь твердым, разумным, усердным, готовым к самопожертвованию.

К послушанию нельзя относиться как к работе на предприятии. Монастырь не офис, заправляют в нем не менеджеры, значимость каждого не измеряется производительностью труда, и общая отдача не зависит напрямую от менеджмента и роста продаж. К послушанию нужно относиться как к молитве, оно должно, насколько возможно, исполняться с молитвой, в духе служения и братолюбия. Один из святых отцов перед тем, как дать практическое наставление касательно жизни в монастыре, говорил: «Бог да сохранит любовь между вами».

Священническое служение также является послушанием. Характерно, что преподобный Кассиан Римлянин советовал братии избегать общения с епископами. Конечно, это не выпад против церковной иерархии, но совет, чтобы не впасть в соблазн славолубия, которое часто рядится в одежды выхода из монастыря ради заботы о спасении пасомых. Принятие священного сана неизбежно сопряжено с духовной властью, и если оно не сопровождается добродетельной жизнью, духовной борьбой и искренним смирением, то рождает гордыню, тщеславие и жажду власти. Но в монашестве священнослужение воспринимается как одно из послушаний. Священник – один из братьев, который равно делит с ними всё. В этом благословение и особенность монашеского общежития. Священство – это не блеск и мирские почести, а тяжелое послушание и подвижническая ноша.

Отдельно стоит остановиться на гостеприимстве, с которым связан целый ряд монастырских послушаний. Мы говорим здесь о страннолюбии, заповеданном святыми отцами. В «Лавсаике» говорится, что на Нитрийской горе имела церковь «великая», а возле нее странноприимница, чтобы «всегда исполнялась заповедь любви». Давайте поясним: страннолюбие – это не просто обязанность монастыря. Это в большей степени добродетель, которая касается не просто функционирования одного из подразделений, но напрямую затрагивает дело спасения души. Душа каждого монаха, независимо от рода его послушания, должна быть открыта гостеприимству. Она должна распахнуть объятия для странника, как если бы желала принять Самого Христа. Подобно тому, как Христос открывает нам Свои объятия. Странник или паломник знаменует собой Самого Христа, поскольку Сам Спаситель сравнил Себя с «одним из малых сих» и обещал Царствие Небесное тому, кто «поднесет чашу воды студеной» (см.: Мф. 10, 42). Осознание этого должно буквально сквозить в обращении с паломниками. Это не означает, что монах должен увлекаться внешними вещами или заниматься человекоугодничеством. Но любые проявления мизантропии и низменной эгоцентричности

также недопустимы, ибо и то, и другое, то есть равнодушие и многопопечительность, равно перекрывают духовный кислород. Монах должен объять душою весь мир, все творение. Не случайно не только соборная молитва в храме, но и совершение келейного монашеского правила во многих творениях именуется одним словом: «собрание на молитву». Мы дети эпохи индивидуализма, которая учит нас отдавать предпочтение личному комфорту, даже если нам хочется назвать это «душевным комфортом». Примером самоотречения может служить для нас старец Паисий Святогорец. Ночи он проводил в молитве и бдении, а целыми днями утешал, наставлял, принимал и угощал паломников, невзирая на усталость и боли в последние годы жизни.

«Даже в самых обыденных вещах, – говорит старец Порфирий Кавсокалитит, – есть капелька Божией любви – то малое, что являет нам великую любовь Божию». «Всё в Нем и Он», – говорит святитель Григорий Богослов. Всё священо, ибо связано особым образом с Богом. Внутреннее состояние благодарности Богу заключается в том, чтобы принимать всё, что ни произойдет, как дар Божественной любви и повод к приобщению и воздавать за это Создателю. Каким же образом можно воздать за этот дар, как это становится средством приобщения? Посредством того, чтобы оберегать его; заботясь о нем, уважать его, печься о его приумножении и правильном действии, понимать смысл его существования и то, как Господь обращается ко мне. И в конце концов делиться этим даром, подражая самой Божественной любви.

Это особое внутреннее состояние благодарения непосредственно связано с Таинством Божественной Евхаристии. В нем совершается соединение творения с Творцом, потому что Тело Христово есть в то же время и человеческая плоть и в Нем соединилась всякая материя, всякое начало, всякая природа, но в первую очередь в Нем совершается единство верующих, которые становятся Телом Христовым. В первых общежитиях Египта отцы причащались каждую субботу и воскресенье, таков был общий порядок. Причащение Святых Христовых Тайн, согласно святителю Иоанну Златоусту, считается источником просвещения и «безмолвия – исихии», «божественного умозрения» и неразрывно связано с подвижнической жизнью.

Но Таинство не действует магическим образом. Сегодня, в эпоху смешения понятий, индивидуализма и крайностей, можно увидеть молодых монахов, которых так волнует, сколько раз в неделю они причащаются, как будто речь идет о пищевых добавках, мультивитаминах или энергетиках. Такое отношение делает человека безразличным к ближнему. Иоанн Мосх приводит рассказ о старце, который три воскресенья подряд причащался, имея обиду на одного из братьев. Тогда явился ему диавол и сказал: «Мне принадлежит всякое злопамятство, и отныне ты будешь мой». Этот случай заставляет нас вспомнить заповедь Спасителя о том, что нужно прежде примириться с братом, перед тем как принести жертву Богу (Мф. 5, 24). Участие в Таинстве Евхаристии само по себе не соединяет нас с Христом и друг с другом. Мы можем продолжать ходить в церковь или, как сейчас модно говорить, «тусоваться», но что это нам даст, если те, с кем мы общаемся, приносят с собою эгоизм и самодовольство? Мы живем церковной жизнью только тогда, когда можем отбросить свои эгоистичные желания и вернуться к единству человеческой природы, в котором личности соединены в подлинной и благородной любви. В единой воле, которую воспринял Христос, соединив ее с Божественной волей. Как говорит святитель Василий Великий, «ни в чем так не проявляется наша природа, как в общении нас между собою и в любви каждого к единосущному своему». Не думайте, что Евхаристия как действо сама по себе возводит нас на небеса и мы автоматически становимся ангелочками и богами по благодати. Причащение Святых Даров означает приобщение Телу и Духу Христову, но как Дух может просветить и обогреть нашу душу, если внутри нее пламя не соединится с кислородом? Поэтому и говорит святитель Иоанн Златоуст: «Да не обольстимся мы тем, что однажды соделались членами одного тела, ибо порок приводит к тяжелой болезни. Искренность и

чистота души является залогом нелицемерного приобщения». «Дух дышит только там, где есть любовь», – пишет тот же святой. И если Он и есть то, на чем стоит Церковь, то на не имеющие любви души Он не нисходит. Эгоистичные желания, мирские устремления, требования индивидуального комфорта – всё это не дает проявиться действию Божественной благодати. Благодать не проявляется неким магическим способом. Она приходит в ответ на благое намерение, веру и личное подвижничество. Как бы часто ни совершали мы Евхаристию или участвовали в ней, наши пороки делают нас причастниками тайны беззакония. Не будем забывать, что и в Церкви есть свое «древо познания добра и зла» и оно, по словам преподобного Марка Отшельника, есть отсутствие сострадания, нечувствие.

В более широком смысле: в богослужении, при том что оно составляет ядро духовной жизни, может быть выхолощено его духовное содержимое. Человек зачастую живет визуальными образами. Он целиком поглощен видимым, внешним. Обычай и обряды, внешние действия, символика – все это обладает глубокой красотой, которая нас очаровывает, призывает замереть и остаться в этом впечатляющем микрокосмосе и помогает развитию либо наших дарований, либо нашего тщеславия. С другой стороны, существует еще одна опасность – опасность привыкания к святине, превращения ее в привычку. Здесь мы теряем сущность и красоту вещей. Так, ослепленные этим миром таинственного или, напротив, привыкшие к нему, мы забываем, что все это возникло и существует ради живой Церкви Божией, которой и является наша разумная душа. Это путь требовательности, осознанной ответственности и усердия, как учил старец Паисий. В противном случае сам смысл Таинства может быть искажен до неузнаваемости. Без постоянного внутреннего анализа, самоконтроля и прислушивания к голосу совести, без личного подвижничества все превращается в пустую формальность, внешнюю оболочку и фарисейское самодовольство. Давайте вспомним Великого Инквизитора из «Братьев Карамазовых», который говорил Христу, что «мы построили Твое царствие на трех вещах, которые могут осчастливить мир: таинство, чудо и авторитет». И учит, что ни свободный выбор сердцем, ни любовь не имеют значения. Достаточно одного таинства, которому надо следовать безоговорочно, слепо и в полной уверенности.

Наконец иноческие уставы, на которых основывается жизнь в монастыре, в практическом применении могут сформировать некий дух светской организации, которая базируется исключительно на субординации, руководстве и дисциплине или на безличном управлении. Обмирщение – это такой способ существования, который может проникнуть и разложить даже самые духовные основания. Поэтому необходимо постоянно обращаться к иноческим уставам и бережно сохранять их духовное содержание, чтобы буква не угасила духа.

Дух богослужений и послушаний – это дух единения. Мы предстоим перед Богом, ибо Он – абсолютное, превышающее всякое разумение Единство – соединяет нас нетварными энергиями Своей любви. И мы подвигаемся ради общего блага, чтобы, во-первых, выразить эту любовь, а во-вторых, постоянно уничтожать в себе всё то, что разрушает эту любовь. Как говорит преподобный Максим Исповедник, мы не имеем в себе источника добродетелей, но подвигаемся в борьбе со своими страстями, чтобы стать приятелем Божественной энергии. Богослужения и послушания помогают нам выразить то, о чем говорит святитель Василий Великий: «Один живет во многих, и многие – в одном».

Монашеское делание, будь то послушание, бдение, пост, молитва или различные лишения, равно как богослужебные и евхаристические собрания, составляют смысл духовной жизни и являются плодом Духа. Некоторые академические богословы, следуя характерной черте нашего времени упрощать реальность, всё обособлять и всему приклеивать ярлыки, придумывают противоречия и возводят в абсолют различия между евхаристическим и душепастьерским богословием. Подобная фрагментарность свидетельствует о некоей ущербности в нашей жизни и

в духовном опыте. Вероятно, поэтому труды современных богословов так отличаются от творений святых отцов. Человеческое само по себе стремится к дисперсности. Богодухновенное ведет к синтезу и единству.

Если мы говорим о чинопоследованиях, канонах, правилах, установлениях, традициях и типиконах, то все они имеют целью единство, отвержение всякого разделения, ибо не для этого воплотился Христос. Единство внешнее и внутреннее. Это единство, которое есть плод Духа, выковывается в храме и вне его: внутри души, где совершается незримая Евхаристия, в общении с братьями, в нелицеприятном предстоянии пред Богом. Так мы преодолеем раздробленность пространства, времени и истории, чтобы взойти на пир в тот невечерний день, когда Христос будет «всяческая во всем». Монашеские традиции, если мы будем верны их заветам и не исказим их, приведут нас в правильном направлении.

После доклада иеромонах Хризостом (монастырь Кутлумуш, Святая Гора Афон) ответил на вопросы участников конференции

Вопрос: *как часто причащаются братья в обители, с какой периодичностью?*

Иеромонах Хризостом: по правилам нашей обители – каждое воскресенье и чаще, если есть большой праздник. Это не может быть правилом для всех, так как Божественное Причастие – дело духовника и послушника. И сам игумен, как духовный отец, дает указания о Божественном Причащении.

Игумен Петр (Мажуко), наместник Свято-Косьминской пустыни, Екатеринбургская епархия: *в своей обители я ценю ежедневное богослужение и стараюсь, чтобы никакое послушание не влияло на евхаристическую жизнь братии. Какое значение в Вашей обители придается келейному правилу, ибо в нем рождается путь к радости на Литургии?*

Иеромонах Хризостом: Считаю, что ничто не может заменить келейное, личное правило монаха. Конечно, духовная жизнь не разделяется на малые части, и мы не можем говорить: вот это одно, а это другое. Тот, кто не участвует в общем богослужении, не может совершать и своего личного правила, так же, как не может и возлюбить братьев. Но это сотериологическая потребность каждого монаха – стоять в своей келье, стоять в своем гробу, как говорили Отцы, одному пред Лицом Единого Бога. Поэтому существует личная молитва в келье перед Богом – это определенное количество молитв Иисусовых и поклонов. И обычно это личное правило совершается перед Литургией, утреней, полунощницей. Но мы не можем абсолютизировать это обыкновение. Однако непременно жизнь монаха разделяется на три части: служение послушания, общая молитва и молитва келейная. Всё это имеет связующее начало – любовь ко Христу. Любовь ко Христу является начальной точкой и целью монашеской жизни. Без этой любви монашеская жизнь становится несчастной, неполноценной и исполненной столкновений, противоречий.

Вопрос: *если братья причащаются по воскресеньям, то какой евхаристический пост они соблюдают в субботу?*

Иеромонах Хризостом: не знаю, как происходит в других монастырях Афона, но в нашем монастыре делается так. В субботу поста нет, но чтобы подготовиться к Причащению, в обед мы вкушаем пищу с оливковым маслом, а вечером – без оливкового масла.

**Игумен Антипа,
настоятель кельи св. прав. Анны
(Святая Гора Афон)**

ОСОБЕННОСТИ ДУХОВНОГО ОКОРМЛЕНИЯ В ЖЕНСКИХ МОНАСТЫРЯХ

Благодарю от всей души Высокопреосвященного игумена великой обители – Лавры преподобного Сергия – и всех организаторов этой прекрасной и полезной конференции за возможность участвовать в ней. Прежде всего призываю на всех молитву и благословение преподобного Силуана Афонского, память которого сегодня празднуется в монастыре св. Пантелеимона на Афоне. Во Всенощном бдении там участвует и брат из моего братства, которого я попросил, чтобы он о нас помолился.

Если позволите, некоторое время я хотел бы посвятить тому, о чем говорилось накануне. Вы стараетесь создать некий канонический свод – правила для монашества в России. То, что я скажу, я полагаю, может принести пользу и помощь. Я мог бы, конечно, если бы такова была тема моего выступления, много говорить о святогорском монашестве, у которого я учусь в течение многих лет тому, что есть благодать Божия, но ограничусь предметом, который мне был здесь предложен. Эта тема имеет отношение к пастырскому окормлению монашествующих в мужских и женских монастырях.

Как вы знаете, Святая Гора со своей более чем тысячелетней историей и продолжающейся жизнью и преданием, с двадцатью своими монастырями, двенадцатью скитами, почти шестьюстами кельями и местами для абсолютного отшельничества, с множеством священных мощей наших святых, с большими частицами Честного Животворящего Креста, с сотнями Божественных литургий, которые происходят ежедневно, с бесконечными службами монахов и их пребыванием в непрестанной молитве, а также с гостеприимством, которое преподается многочисленным паломникам, и, несомненно, с межправославным характером, который имеет Афон с начала своего существования, – Святая Гора многое дала и дает Православной Церкви. И не только Церкви: по слову преподобного Силуана Афонского, своими молитвами монахи приносят пользу всему миру, ибо, как говорит Писание, *мир лежит во зле* (1 Ин. 5, 19).

Очень большое значение имеет высказанная вчера мысль: монашество – это предание. В течение последних лет не только среди вас, но и среди нас существовали особые любители монашества, которые хотели основать свои собственные монастыри со своими братствами. Некоторые добились успеха, хотя и не имели старца, то есть не были глубоко укоренены в

монашеском предании. Но таких было малое число, и они обладали духом смирения и духом ученичества. Большая же часть создала ненадежные произведения своих собственных рук. Произошло то же, что с туристом, который хочет посетить город, не прибегая к помощи опытного экскурсовода. Тот, кто имеет экскурсовода, то есть старца, гораздо лучше познает монашество. Патриарх православного монашества, преподобный Антоний Великий, основатель пустынножительства, не осмелился сразу пойти в глубокую пустыню, прежде чем не научился и не получил благословение от подвижника Паламона, жившего рядом с его деревней.

Вы знаете, вероятно, что монашество в Палестину принес ученик прп. Антония прп. Иларион. На Крите очень рано возникло монашество, потому что через Крит проходили и некоторое время находились там египетские подвижники. Таким образом, монашество – это действительно предание. И насколько каждый черпает из этого предания, настолько он может жить истинно монашеской жизнью.

На Западе монашество получило свое начало от свт. Афанасия Александрийского, когда, в очередной раз будучи изгнанником, он находился в Риме. Здесь же мы имеем прекрасный пример старца, который никогда сам не учился у старца. Это пример прп. Венедикта Нурсийского, оставившего очень полезное законодательство для монашества. Вот что в общих чертах хотелось бы добавить к сказанному.

Упомяну о чине трудников, о которых также шла речь. Этот чин совершенно не известен монастырям греческого мира. Конечно, некоторые люди трудятся в монастырях, но это не означает, что они поступят в монашество. Хорошо было бы, если б монастыри были самодостаточными, то есть имели собственные рабочие руки, – чтобы монахи и монахини не смешивались с мирскими людьми. Многие монахи, в том числе и на Святой Афонской Горе, так и не смогли достигнуть преуспевания в духовной жизни, потому что имели тесное взаимодействие с такими людьми. Например, на Афоне много дровосеков, которые занимаются лесом и совершенно безразличны к Церкви. Общаясь с ними, монахи не смогли преуспеть. Я думаю, что к этому вопросу требуется очень большое, усиленное внимание. Св. старец Амфилохий Патмосский говорил монахиням, которых окормлял: будьте внимательны, потому что одних людей Бог посылает в монастырь, а других посылает дьявол.

Также вчера шла речь об отличии рясофорного монаха от принявшего постриг, малую или великую схиму. Я хотел бы еще внести некоторые уточнения. Митрополит Иларион Волоколамский говорил о рясофорных монахах и о неженатом духовенстве, которое служит миру (о целибате). Он правильно сказал, что рясофор – это не схима, но в Греции, и особенно на Святой Горе, если рясофор предполагает постриг, то (по св. Никодиму Святогорцу) рясофорный монах уже не может вступить в брак. Внешним признаком является пострижение влас. В периоды гонений некоторые становились монахами в тюрьмах, только призывая имя Святой Троицы и не произнося каких-либо других молитв, если имели возможность немного постричь власы.

На Святой Горе Афон после одного-трех лет послушничества дается рясофор с постригом, который считается малой схимой. Позднее дается великая схима, – конечно, не в конце жизни. Потому что, получив схиму, нужно иметь силы отработать ее. В братстве Святой Горы Афонской не разделяются рясофорные монахи от великосхимников: все имеют право избирать и быть избираемыми, если они прошли шесть лет монашеской жизни.

Только в двух монастырях на Святой Горе принимают малую схиму: в одном из них – в Великой Лавре – в воспоминание того факта, что основатель Великой Лавры прп. Афанасий Афонский, когда оставил гору Кимина и своего старца прп. Михаила Малеина, пришел на Святую Гору как малосхимный монах.

В Греции в мужских или женских монастырях, где число монахов меньше пяти, не

избирается ни игумен, ни монастырский Совет, и определяется всё это местным епископом, но всегда при участии братства. В Греции неизвестно, чтобы Синод назначал игуменов. Это не критика того, что происходит здесь, но я хочу, чтобы вы знали греческий чин. После того как монахов становится шесть, проводят канонические выборы и обычно избирают уже назначенного/ую ранее игумена или игумению. Если монахи Святой Афонской Горы, которые избирают своего отца – игумена, не приходят к согласию, чтобы избрать одного из числа братства, тогда они имеют право избрать брата, который находится на зависящей от центрального монастыря территории – в келье или в скиту. Но если и в этом случае они не достигают успеха, тогда на основании Конституции Святой Афонской Горы они могут искать игумена из другого монастыря, кельи или скита. Ни в каком случае Священный Кинот Святой Афонской Горы не может назначить им сверху кого бы то ни было. И тем более не может это сделать Вселенский Патриархат, к которому мы относимся.

Я упомянул Конституцию Святой Горы Афон, которая получила законодательную силу после освобождения Святой Горы от турок в начале XIX века. В октябре мы празднуем столетие этого события – будут торжества с участием Вселенского Патриарха. Это общее законоположение произошло как от устного предания Святой Афонской Горы, так и от императорских хрисовулов и патриарших сигилий. Однако каждый монастырь имеет свое внутреннее законодательство, которое ни в чем не противоречит общему. Внутреннее законодательство имеют и все другие монастыри на территории Эллады, в которых есть избранные игумен или игумения. На основании этого они движутся в общем направлении. Конечно, нужно соблюдать закон, я сказал бы, с благочестием, но не нужно думать, что мы поработаны внешними образцами и правилами. Потому что, как говорил известный греческий канонист отец Епифаний Теодоропулос, «каноны не являются пушками»[игра слов]. Так мы и должны относиться к канонам. Св. Дионисий, основатель монастыря Дионисиат, говорит: пребывающий в общежитии следует канону. Но бывают такие моменты, когда потребуется, чтобы любовь упразднила правила. Как, например, в случае из жизни прп. Силуана Афонского, чья память сегодня празднуется, который ради братолюбия, нарушая чин монастыря св. Пантелеимона, предложил чай болящему брату и выпил чашку чая вместе с ним, нарушая правила, но не нарушая заповедь любви.

Окормление женских монастырей

Женское монашество возникло параллельно с мужским и всегда питалось от него. До того как монахини образовали организованные общежительные монастыри, они проживали в городах поодиночке либо небольшими каноническими общинами. Мы знаем об этом из Синаксаря и из церковной истории. Но, начиная со времени гонений и после миланского эдикта Константина Великого, подражая мужам, они стали создавать собственные монастыри с многочисленными сестричествами и дали миру большое число преподобных жен, которые подвизались в этих монастырях. Вы, конечно, знаете, что сам прп. Антоний Великий постриг свою сестру в монашество. Конечно, вы читали о женских сестричествах, которые основал и окормлял прп. Пахомий. По обычаю, духовным водителем и окормителем сестричеств был представитель мужского общежития, как правило, сам настоятель. Если я не ошибаюсь, в житии прп. Анфусы сказано, что она окормлялась у старца.

...Было бы уместнее, чтобы об этом рассказал Преосвященный митрополит Лимассольский, потому что он многие годы духовно окормляет женские монастыри, но он попросил об этом меня, поскольку, с Божией помощью, я тоже с давних пор периодически покидаю Святую Гору

для того, чтобы духовно помочь женским обителям.

Святые отцы говорят совершенно верно, что природа человеческая едина, но кто же не знает, что ошибки и прегрешения мужчин отличаются от женских. С другой стороны, мужи не имеют тех дарований, которые есть у жен. Поэтому, сообразуясь и с прегрешениями, и с дарами, мы должны подвизаться и понуждать себя, чтобы каждая душа в монастыре получала помощь.

Вчера было замечено, что наша эпоха характеризуется как эпоха потребления, но другого времени нам не дано. Конечно, это не время наших дедов и прадедов, которые изначально были скромны, благочестивы, а Господь и Его святая Церковь были центром жизни каждого верующего человека, но тем не менее и в современном обществе некоторые молодые люди оставляют мир и приходят в монашество. Те, кому дана власть над душами, должны очень хорошо понимать: эти люди, несмотря на то что молоды по годам, в большинстве случаев уже уставшие «молодые старики», потому что очень рано познали грех, столкнулись с лукавством этого мира и на протяжении многих лет безбожия, начиная с детского возраста, пребывали со страстями, злом, нечестием. Все это возрастает в их душе сообразно возрасту. Поэтому, чтобы помочь этим молодым людям, настоятель или матушка игуменья (а я повторю, что в наших монастырях только настоятель имеет и административную, и духовную власть над братией) должны быть вооружены не просто смирением, но, как мы любим говорить на Афоне, «многими смирениями».

Святитель Иоанн Златоуст сказал, что очень трудно переделать свою душу, но это не невозможно, если тебе содействует Божественная благодать. Поэтому и в мужском, и в женском монашестве первым делом настоятель должен помогать тому, кто к нему приходит, возгревать в себе веру в Бога. Помочь этому человеку понять, что единственной целью жизни является обожение, единение с Богом. Помочь ему понять, в чем заключается сущность и смысл монашеской жизни, которую он сам добровольно избрал. Это не безболезненный путь; как говорит авва Исаак Сирин, это ежедневный крест и умирание. Человек, избравший монашество, должен осознать, что этот путь не имеет возврата. Я скажу просто, как говорил об этом один монах: мы, монахи, не можем отступать, мы определены на то, чтобы во что бы то ни стало встретиться с Богом. И мы никогда не должны забывать, что на основании нашей решимости встретиться с Богом, мы все осуждены дьяволом.

В женском монашестве (мне никак не хотелось бы оскорбить игуменей и сестер, которые находятся здесь на конференции) существуют некоторые страсти и недостатки, которые по преимуществу и могут быть свойственны женскому монашеству. Чтобы отвергнуть их в себе, необходим большой внутренний труд – с насилием по отношению к себе самим (конечно, нас это тоже касается, потому что все имеют эти недостатки). При этом правильнее будет, как говорил Феоклит, дионисиатский монах, не выкорчевывать страсти, но претворять их при содействии Божественной благодати и направлять к более святому.

Бог очень мудро вложил в нас способность к сильным чувствам с тем, чтобы мы ее использовали во благо. Но с малого возраста, как я сказал, это правильное устройство в нас разрушается: ревность к божественным предметам, доброе соревнование для того, чтобы их достигнуть, среди нашей повседневности превращается в зависть и несет смерть. Исполнение второй великой заповеди – любить ближнего, как самого себя, – очень часто оборачивается поверхностной дружбой и чувственной любовью. Язык, который нам дан, чтобы мы воспевали и прославляли Бога, становится орудием пустословия. В женском монастыре часто говорят много лишних слов и хуже – происходит осуждение <...> Побуждаемые этим чувством, мы не только носим в себе эту страсть, но очень часто показываем ее и в своем поведении (в Греции говорят: я дуюсь на того или иного человека). И гнев, который нам дан для того, чтобы мы его направили против дьявола, против страстей, против греха, становится гневом против брата или сестры и

очень часто по ничтожному, мелкому поводу. Прп. старец Паисий говорил нам: «Очень маленькая причина и огромный лай...»

Преподобный Амфилохий Патмосский учил, что женская природа имеет хорошие качества, которые не присущи в такой степени мужской природе, например способность всецело, безраздельно что-нибудь любить, любить «с доброй страстью». И поэтому в монахинях, которые были в его духовном послушании, он возделывал эту любовь – любовь к Жениху Христу. Теперь, когда я сам провел достаточное число лет в монашеском жителстве, я вижу многие страсти и недостатки. Кажется, что с течением времени некоторые из них пропали. Может быть, по прошествии многих лет мы приобретем и некоторые добродетели – то, что, мне кажется, трудно приобрести, но, если мы это приобретем, мы не только достигнем успеха как монахи, но и будем самыми счастливыми из всех людей. И это является ничем другим, как божественным рачением, пылкой любовью к Богу.

Я думаю, что самое трудное – это возлюбить всей душой, от всего сердца, от всего помышления Христа Бога нашего. На это мы должны употребить все силы, и когда придет в монастырь новый кандидат или новая кандидатка в монашество, должны преподать этот урок как главный. Но для того, чтобы он это хорошо понял и успешно усвоил этот урок, он в свою очередь должен научиться соблюдать правила обители, должен научиться возделывать все добродетели, научиться молиться, но прежде всего он должен научиться отсекал свою волю.

Старец Ефрем Ватопедский говорил мне: «Я не хочу от монаха ни умных молитв, ни частого Божественного Причащения, но – послушания, потому что от послушания происходит богословие, а не от молитвы». Когда отец Ефрем жил на Катунаках, у него было послушание – изготовление печатей для просфор. Дерево, которое он использовал, надо было варить несколько часов для того, чтобы оно умягчилось и по нему легко было резать. Однажды старец положил дерево в кипяток и пошел в свою келью, чтобы заняться любимым делом – умной молитвой. По милости Божией он достиг великого умиления и одновременно ощущал в сердце неизреченное веселье и ликование. В этот момент он услышал грозный голос своего старца, а нужно отметить, что его духовный отец был простым человеком и неискусным в духовных вопросах. Этот грозный глас велел ему: «Быстро беги и вынимай печати из воды!» Отец Ефрем подумал про себя: посижу еще немного... И, как только он так подумал, всё потерял. И тогда он понял высоту и ценность послушания.

Вчера был поставлен вопрос некоторыми монахинями, которые очень печалются оттого, что из-за послушаний у них нет времени для молитвы. И мы претерпеваем то же самое – и мы некогда нашли развалины вместо монастырей, и наш долг – возродить эти развалины, чтобы и другие души нашли для себя спасение. Скажу, что игумен или игуменья должны, несмотря на необходимость труда, рукоделия, поиска продовольствия для монастыря, обеспечить время не только для общей молитвы, но и для индивидуальной. И может быть, здесь поможет то, что сделал старец Амфилохий на острове Патмос. Помимо личного правила, которое исполняли монахини, он постановил, чтобы в течение одного часа после вечерни врата в монастырь запирались и не открывались ни для кого, кто бы он ни был. И в этот час в соборном храме монастыря сестры, по очереди, читали Ветхий Завет (поскольку старец полагал, что в церкви нужно читать полностью не только Новый, но и Ветхий Завет). Остальные монахини, каждая в своей келье, помимо молитвы о живых и усопших, занимались умной сердечной молитвой, как назначал старец в соответствии с их духовным возрастом. То, что это совершалось всеми вместе, привело к большим духовным результатам.

День в монастыре разделяется на три части по восемь часов, и наше послушание, служение, являются продолжением Божественной литургии, общего богослужения. Сердце братства, конечно, находится в соборном храме обители, и всё вращается вокруг соборного храма. Но

пусть знают те души, которые очень хотят особо помолиться (а все мы должны этого хотеть), что для Бога не является обязательным давать нам то, что мы хотим и когда мы этого хотим.

Святой Нектарий говорит: «Божественная сила не принуждается к своим дарованиям». Чтобы мы не надеялись – я говорю это для более юных монахинь, – что мы придем к божественной мере и достигнем высот, если в надутым, гордом состоянии подойдем к молитве. Я напомню: святой преподобный Афанасий Афонский первый раз принял благодать, не ожидая того, когда он читал третий час. Святитель Филофей Коккин, патриарх Константинопольский, получил благодать, когда служил как трапезарь Великой Лавры. Напомню вам историю, которую я прочитал в русской книге: если не ошибаюсь, это прекрасная автобиография игумении Таисии Леушинской. Там говорится, что одна простая монахиня встала на колени в своей келье с тем, чтобы помолиться, и оказалась в другом духовном измерении, пришла в исступление. В таком состоянии ее нашли более молодые сестры, а она даже не поняла, как это с нею произошло. Эта монахиня большую часть времени ходила по городам и весям, чтобы делать сборы для своего монастыря. Тот, кто занимается сборами, несомненно, пропускает службы и часто не успевает совершать свое личное правило. И таких примеров можно привести множество.

Я хотел бы еще сказать о том, что женская природа имеет некоторые слабости, не свойственные мужской природе. Поэтому старицы (игумении) не должны определять послушания и труды, которые монахини исполнять не могут. Надо находить способы, чтобы привлекать рабочих для выполнения некоторых дел.

И скажу также, что само богослужение, которое совершают монахини (об этом тоже говорил мой духовный отец святой старец Амфилохий Патмосский), должно быть соразмерно их силам. Прп. Амфилохий сократил особо длинные службы для монахинь, и те богослужения, которые они совершали, происходили без насилия и с благодарственным настроением. Знаю, что на ваших службах вы читаете очень большие, пространные акафисты, которые, несомненно, представляют собою прекрасные поэтические тексты. Мы читаем только акафист Божией Матери, причем не ежедневно, или читаем в сокращенном виде – только икосы. Как мне сказала одна сестра, может быть, эти пространные тексты акафистов следует сократить, ограничить, чтобы ваша служба не утомляла и несла в себе больше благодарственного настроения.

Я уже говорил ранее, что, если мы не будем внимательно относиться к сохранению любви, мы впадем в мирскую дружбу или во что-то иное, что является неприемлемым для монастыря.

Некая монахиня некогда ощутила огромную бесконечную любовь к святителю Нектарию. Но когда она написала ему об этом в послании, святитель Нектарий не только обличил ее, но произнес и прекрасное неподражаемое речение: «Я вас люблю, потому что вы любите Христа, но если хотите, я еще более люблю ту, которая более других любит Христа».

В большей части монастырей Греции духовный отец, который является очень почитаемым в монастыре, находится вне монастыря и посещает обитель 3–4 раза в году или в случае необходимости чаще. Но ни при каких условиях духовник монастыря не может заменить духовную мать сестричества. Его дело – это дело Симона Кириянина по отношению к игумении. И ни в каком случае, конечно, игумения не может заменить духовника обители. Конечно, игумения должна знать всё, знать исповедания сестер и в соответствии с тем, какой кто подвержен страсти, давать разрешение на приобщение к Чаше Жизни.

Я не хочу более множить слова, только расскажу вам одну историю и выражу еще одну мысль по отношению к тем монахам и монахиням, которые страдают от больших трудов, несомых для возрождения обителей. Старец Порфирий, с которым мы удостоились иметь общение, говорил: «Вы являетесь строителями гнезд, и когда Бог захочет, он пошлет птиц».

Он упоминал также житие преподобного Симеона Столпника. Один хороший, но неискusstный в духовной жизни и безразличный к божественным предметам человек построил

монастырь вокруг столпа, на котором подвизался Симеон Столпник, а потом умер без исповеди и Божественного Причастия. Монахи очень опечалились и решили, что его место, конечно, в аду и попросили прп. Симеона, чтобы он помолился о его душе. Через несколько дней усердной молитвы преподобный сказал: его душа спасена, потому что тех, кто строит монастыри и церкви, где совершается Божественная Евхаристия, Бог помещает в рай, даже если они были безразличны к своим духовным обязанностям. Это всех нас утешает, но не означает, что мы можем быть нерадивы и не исполнять свое личное правило.

Мы можем постоянно заниматься молитвой, где бы мы ни находились. Давайте вспомним и случай с двумя монахами в египетском скиту. Не знаю, посещали ли вы обитель прп. Макария Египетского: знаменитый скит находится без преувеличения «в земле пусте и безводне», как говорит псалмопевец (Пс. 62). Два монаха были перегружены послушаниями, весь день они подметали, очищали тропинки скита под палящим солнцем. Однажды один сказал другому:

– Какую пользу мы получаем, без молитвы весь день убирая эти тропинки?

И говорит ему другой:

– Может быть, это препятствует нам в том, чтобы мы имели ум в Боге и молились?

– Да, – сказал первый, – хорошо ты говоришь. Конечно, мы можем молиться внутри себя.

Я еще скажу, что тех монахинь, которых я исповедую, я побуждаю к тому, чтобы они имели между собою несомненную любовь и благодарственное внутреннее состояние.

И чтобы они могли немного и пошутить в рамках дозволенного. Чтобы, с другой стороны, не будучи надменными, в отношениях между собой они соблюдали некоторую прохладность.

Екатерина Великая (русская императрица) сказала одной женщине, печалившейся оттого, что не получила в придворном окружении надлежащей чести: будьте веселы, не забывайте, что веселье делает человека победителем.

Хоть я и не люблю американцев, тем не менее закончу словами Дж. Вашингтона: он был мудрым человеком и, говорят, каждый день читал Библию. Эти слова, по моему мнению, являются путеводными внутри монастыря: в существенном – единство, в том, что менее существенно, – свобода, во всем – любовь.

После доклада игумен Антипа, настоятель кельи св. прав. Анны (Святая Гора Афон) ответил на вопросы участников конференции

Вопрос: *существует ли на Афоне, для исправления виновного монаха, епитимья в виде временного запрета на ношение монашеского облачения?*

Игумен Антипа: не существует. В некоторых случаях с него могут снять куколь, и то на малое время. И на Афоне, и в Греции тот, кто собирается стать монахом, остается некоторое время без рясы. Потом он обращается в Духовный Собор монастыря с тем, чтобы стать полноценным послушником. Он носит подрясник, а вне Афона в женских монастырях носят специальные одеяния темного цвета. Послушник не имеет права снимать с себя рясу. Может быть, с него могут снять его послушническое одеяние, но я никогда не слышал, чтобы это происходило на Афоне. И поскольку не существует рясофорной схимы, то только в том случае, если он является послушником, с него может быть снято его предварительное одеяние. Снятие рясы для монаха не допускается <...> Потому что монах дал клятвы, и никто не может забрать у него эти клятвы, никто не может забрать у него ответственность этих обетов. Существует очень характерное выражение: снятие схимы приравнивается к снятию Крещения.

Вопрос: *в женских монастырях иногда встречаются сестры, страдающие психическими заболеваниями. Как игуменье вести себя с этими сестрами?*

Игумен Антипа: если это душевная болезнь в тяжелой форме, мы должны избегать постригать таких людей. По желанию, пусть они остаются в монастыре, но только как послушники. Но поскольку психических болезней очень много в настоящее время, игумен или игумения, не исключая помощь медицины, должны относиться к этим людям с большей любовью и большим пониманием и давать им то послушание, которое они могут выдержать, которое могут подъять непреткновенно.

ТРИ МОНАШЕСКИХ ОБЕТА: КАНОНИЧЕСКОЕ И БОГОСЛОВСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Живое существо кровью одушевляется, и монах подвижничеством будет помышлять о небесном. (ζῶον ἐψύχεται ἐν τῷ αἵματι, καὶ μοναχὸς ἐν ἀσκήσει φρονήσει τὰ οὐράνια).

Прп. Симеон Столпник. 4-е подвижническое слово

На земле нет родства у монахов, которые возревновали о небесном жительстве. (συγγένεια γὰρ μοναχοῖς ἐπὶ γῆς οὐκ ἐστὶ τοῖς γε τὸν ἐν οὐρανῷ ζηλώσασι βίον).

Св. император Юстиниан. Новелла 123 [\[59\]](#)

В двух эпитафиях к докладу указывается цель монашеского жития – небо, придающее огромную динамику и высочайший смысл всем трудам, лишениям и подвигам. Несомненно, что любой христианин должен и призван войти в Царствие Небесное, но монашествующие – в силу приносимых обетов – прежде всего должны строить свою пока еще земную жизнь по неотмирным небесным законам.

Монашество – это многогранный институт как с точки зрения своего внутреннего устройства, так и с внешней точки зрения, если рассматривать его историю в контексте истории Церкви. Если об истории и богословии монашества написано относительно много, то круг литературы о законодательстве монашеской жизни более узок. В первой половине XX в. два канониста Д. А. Петракакис (1907) и бенедиктинский иеромонах Плакида Дэ Мээстер (1942) – представители восточного и западного христианства – оставили две фундаментальные монографии на греческом и на латыни, которые остаются важными обобщающими трудами по законодательству византийского и восточного монашества [\[60\]](#).

Хотя суть и смысл монашеской жизни были определены уже в новозаветную эпоху, о монашестве как об институте можно говорить только с IV в. – того века, когда вокруг монастырей стали строиться стены, а монахи стали носить специальное монашеское одеяние и,

что самое главное, произносить монашеский обет или обеты. В монашеских правилах свт. Василия Великого, составленных во второй половине IV в. в Каппадокии, впервые говорится о монашеском обете-исповедании как о каноническом акте, фиксирующем полную готовность кандидата в монашество отречься от мира и – по образцу новокрещеного – заново родиться в монашеской общине.

При этом самым главным источником для монашеских обетов является не христианская богословская или даже каноническая письменность, а литургические чины пострижения в великую или малую схиму^[61], в которых три монашеские обета, несмотря на крайнее разнообразие в последовательности и содержании частей, оставались в целом неизменными, начиная с древнейших чинов монашеского пострига^[62]. Это единство монашеских обетов соответствует взгляду на то, что монашеский постриг един, впервые сформулированному прп. Феодором Студитом в конце VIII – нач. IX в.: «Не давай, как говорят, малую схиму, а затем годы спустя другую как великую. Ибо схима одна, как и крещение, как говорили святые отцы». (Ὁὐ δοίης ὅπερ λέγουσι μικρὸν σχῆμα, ἔπειτα μετὰ χρόνους ἕτερον ὡς μέγα· ἐν γὰρ τὸ σχῆμα ὅπερ καὶ τὸ βάπτισμα)^[63]. Этот взгляд сохранял свой канонический авторитет впоследствии^[64], в частности в традиции афонского монашества^[65].

Тем не менее, после того как в конце X в. в Византии^[66] был введен рясофор, а сразу вслед за ней и на Руси^[67], три монашеских чина: рясофор, малая, великая схима – в соответствии с тремя этапами духовного возрастания – стали традиционными формами устройства монашества.

Последовательность произнесения обетов в чине монашеского пострига следующая:

девство (παρθενία, σωφροσύνη);

послушание (ὕπακοή, ὑποταγή);

нестяжание (πτωχεία, ἀκτημοσύνη)^[68].

Естественно, что все эти обеты являются христианскими добродетелями и как таковые могут и должны рассматриваться в системе нравственного богословия и аскетики. Принесение всех трех обетов основывается на **отречении** (ὑποταγή) от мира, которое оказывается важнейшей отправной точкой монашеской жизни.

У современника свт. Василия прп. Ефрема Сирина находим одно из древних свидетельств об особой значимости трех монашеских обетов как особых добродетелей монаха: «Не сребролюбивый монах – вернейший вестник Царствия Небесного, а тот, кто недугует сребролюбием, зле погибает. Украшение монаха юноши – целомудрие, приобретенное не имеющее пределов девство. Достояние монаха – послушание, приобретший его будет услышан Господом»^[69].

I. Каноническое содержание^[70]

Отречение от мира

Господь призывает последующих Ему искать прежде всего Царствия Божия и правды его (Лк. 12, 31), отвергнуться себя, взять крест свой и идти вслед Его (Мф. 16, 24).

В традиции древнего монашества отречение (ὑποταγή, abdicatio, renuntiatio) вбирало в себя весь смысл монашеского жития^[71], и в частности указывало на произнесение обетов. Отречение – это правило, канон, смысл монашеского жития. В житии прп. Даниила Столпника находим: «Тот и его спутники, руководствуясь священным правилом отречения (τῷ ἱερῷ τῆς ὑποταγῆς κανόνι), принимают монашескую схиму из рук святого, и Эдран боголюбиво начинает именоваться Титом»^[72]. Получение нового имени – символ отречения, которое, конечно, требует

принципиально нового отношения к имени и всем реалиям новой жизни.

Отречение антиномично. С одной стороны, оно является привилегией, даром, по сути дела полной амнистией. Так, вступлению в монастырь не могут помешать никакие былые грехи, которые изглаживаются безграничной силой покаяния. «...Понеже убо монашеское житие изображает нам жизнь покаяния (τῆς μοναχικῆς πολιτείας τὴν ἐν μετανοία ζωὴν στηλογραφούσης ἡμῖν), то искренно прилепляющегося к оному одобряем, и никакой прежний образ жизни не воспрепятствует ему исполнить свое намерение» (43 правило Трулльского Собора^[73]).

Также, чем ранее происходит отречение, тем больше времени остается для утверждения в добре: «Намеревающагося начать подвиги по Богу скоро знаменать знамением благодати, яко некоею печатью, сим самым споспешествуя ему не коснетъ долго, не колебаться, более же поощряя его к избранию добра и ко утверждению в оном», – так заканчивается 40 правило VI Вселенского Собора^[74], назначающее предельно ранний срок для сознательного принятия монашеских обетов – 10 лет.

С другой стороны, отречение имеет необратимый жесткий характер. Самовольное сложение с себя иноческих обетов и возвращение в мирской чин не допускается (7-е правило Халкидонского Собора^[75]), так же, как и бегство из затвора, – в последнем случае против воли возвращать беглецов и умерщвлять их плоть постами и прочими суровостями (41 правило VI Вселенского (Трулльского) Собора^[76]). Естественно, что монахам не допускается – наряду со священнослужителями – мирское времяпрепровождение и наслаждение мирскими удовольствиями (24 правило VI Вселенского (Трулльского) Собора^[77]).

Также в идеале не допускается никакое высокое церковное служение для того, кто полностью отрекся от мира, приняв великую схиму. Епископ, если принял великую схиму, должен отречься от епископства, в то время как священник может продолжать служить (2 правило Великого Софийского Собора^[78]).

Актуальные вопросы в связи с отречением:

1. Совместимо ли подлинное монашество с разными видами активной деятельности в Церкви: миссией, благотворительностью, преподаванием и пр.?
2. Должен ли монах памятовать о былых прегрешениях своей жизни, от которых он освободился через отречение-обеты?
3. Кем по сути в большей степени является монах для окружающих: духовным авторитетом или человеком, идущим по пути смирения?
4. Насколько совместимо отречение от мира с удобствами мира?
5. Чем обусловлено своеобразное «выгорание» некоторых монахов, которые потеряли ревность к духовной жизни?
6. Каковы наиболее эффективные средства для преодоления монашеской теплохладности?
7. При отсутствии силовых способов воздействия на монаха, не соблюдающего свое отречение, какие методы могли бы вернуть его на путь богоугодной покаянной жизни?

Девство (παρθενία)

Первым обетом при монашеском постриге является обет девства. «Схима монахов – провозглашение девства»^[79]. Призывая Своих учеников к совершенству, отречению от всевозможных благ мира, Господь Иисус Христос указал главным образом на путь девства: «...есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит» (Мф. 19, 10–12).

Хранение девства – подвиг, требующий со стороны монаха особого внимания. Хотя целомудрие является неотъемлемой нормой монашеской жизни, именно монахи, не радеющие о своем спасении, виновны в потере этой добродетели, о чем писал прп. Неофит Затворник,

пытаясь исправить монашеские нравы: «Если ты достиг монашеского чина, тебе не дается никакого (послабления), девством более, и целомудрием, и освящением ты сопричтен Богу, и горе, горе тебе, если ты явишься в этом лжецом»^[80]. Никифор Каллист Ксанфопул рассказывает характерную историю о том, как св. Евфимий видел кончину некоего монаха, праведника по внешнему виду, но внутри нарушителя целомудрия, которого сурово истязал страшный ангел^[81].

Для обета целомудрия основополагающим правилом является 19 правило свт. Василия Великого, требующее от монахов принесения «ясного исповедания», т. е. обета безбрачия^[82]. Очевидно, что в монашеских общинах свт. Василия в «исповедание» прежде всего входило заявление о вступлении на путь безбрачной целомудренной жизни.

По 60 правилу свт. Василия Великого: «Принесшая обет девства и нарушившая обещание да исполнит время наказания, положенное за грех прелюбодеяния, с распределением, смотря по ее жизни. То же и для воспринявших обет жития монашеского, но падших»^[83].

Правило 16 Халкидонского Собора гласит: «Деве, вверившей себя Владыке Богу, так же, как и монашествующему, непозволительно вступать в брак. Если же они окажутся так поступающими, да будут без причастия»^[84]. Византийские канонисты Зонара, Аристин и Вальсамон толковали его расширительно применительно к монахам и монахиням и в связи с другими правилами Вселенских, Поместных соборов и святых отцов, которые также нарушителя обета девства оставляли без причастия на год по епитимии двоебрачных (19 правило Анкирского Поместного Собора^[85]), а позднее – на 15 лет как блудников (44-е правило Трулльского Собора)^[86]: «Монах, обличенный в любодоеянии (ἐπί πορνεία ἁλούς) или поемший жену в общение брака и сожития, да подлежит по правилам епитимиям блудодействующих (τοῖς τῶν πορνευόντων ἐπιτίμιοις)»^[87].

Впоследствии, когда сложилась практика разделения монашествующих на великосхимников и малосхимников, наказания приобрели более дифференцированный характер. По 91 правилу Номоканона, добавленному в Третьяк, «монах великосхимник соблудивший наказывается как прелюбодей, т. е. на 15 лет, а малосхимник – как блудник, т. е. на 7 лет»^[88].

Феодор Вальсамон, толкуя 60 правило свт. Василия Великого, писал о разных наказаниях за блуд для простых монахов (запрет причастия) и для монахов, облеченных епископом в священный сан, включая чин чтеца (отлучение – καθαιρέσις)^[89].

По византийскому праву, брак монахов считался незаконным и подлежал расторжению и наказаниям. Феодор Вальсамон по поводу 16 правила Халкидонского Собора писал: «... не только расторгнуть недозволенный брак, то есть с той, которая предала себя Богу, но и конфисковать собственность вступивших в него и изгнать ... и бичевать»^[90]. Среди прочего монах должен был вернуться в монастырь или аскетирион^[91].

Но церковные правила не ограничиваются общими прещениями тем, кто изменял обету девства, а стремятся правильно организовать жизнь монаха и пресечь поводы к нарушению обета целомудрия, как, например, правила VII Вселенского Собора: 18, запрещающее прислуживание женщин в мужских монастырях^[92]; 20 – с категорическим запретом смешанных монастырей^[93] или 22 – с запретом монахам вкушать пищу с женами, а священникам делать это с крайней рассудительностью^[94].

Таким образом, составители и толкователи правил строго следили за соблюдением обета целомудрия, хотя они обращали внимание на самые грубые нарушения этого обета, в то время как духовно-нравственная сторона вопроса регулировалась не столько правилами, сколько духовными назиданиями и живой практикой Церкви.

Актуальные вопросы:

1. Следует ли подтвердить или скорректировать пенитенциарную сторону канонов по

отношению к монахам, покинувшим монастырь из-за нарушения обета девства, но остающимся в роли мирян в Церкви?

2. Достаточно ли усмотрения епископа по отношению к павшим монахам, принесшим покаяние, или их возвращение в монастырь будет регламентироваться специальными правилами?

3. Сказывается ли отступление от второстепенных правил (таких, как 18 правило VII Вселенского Собора) на духовной жизни монастыря?

4. Частое паломничество и отпуск монахов, используемый для паломнических целей, служит укреплению веры или является поводом для ослабления монашеской дисциплины?

5. Нет ли необходимости прописать правила монашеского поведения с учетом современных реалий и неожиданных соблазнов (например, строго запретить просмотр каких-либо фильмов или – без крайней необходимости – пользование интернетом)? Последний вопрос актуален для монастырей миссионерского типа, в которых не соблюдается строгий устав, а монах может быть предоставлен сам себе в большей, чем полезно, степени.

Послушание (ὕπακοή)

Второй монашеский обет – послушание, отречение от своей воли, который основывается на призыве Спасителя: «Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 26, 24).

Учение о послушании стало ключевым в монашеской традиции: «Сказал снова: монах, который постится, находясь под руководством духовного отца, но не имеет послушания и смирения, таковой не приобретет ни одной добродетели (μη ἔχων ὑπακοήν καὶ ταπεινώσιν, ὁ τοιοῦτος οὐδέμίαν ἀρετὴν οὐδὲ μὴ κτήσεται) и не знает, что есть монах»^[95].

С самого начала монашества устав прп. Пахомия требовал безусловного послушания старцу молодого инока, который без разрешения старца ничего не мог сделать: ни ступить шагу, ни сказать слова, ни сорвать тростинку с земли, ни протянуть руку к пище прежде его^[96]: «Когда голос трубы призывает в церковное собрание, каждый немедленно выходит из своей келлии, так что занимающийся письмом бросает писать на том месте, где застаёт призыв, не смея окончить начатой буквы»^[97]. Монахи прп. Пахомия «были готовы к послушанию и не прилагать волю сердца ни к чему, дабы плодоносить Богу»^[98].

По монашеским правилам свт. Василия Великого, монах должен проявлять послушание Богу («ибо нет ничего драгоценнее послушания Богу» (Τῆς γὰρ πρὸς Θεὸν ὑπακοῆς οὐδὲν πρὸτιότερον^[99])), игумену (по «закону послушания и благоподчинения» (ὁ τῆς ὑπακοῆς καὶ εὐπειθείας ὅρος^[100])) и друг другу. Гораздо спасительнее не руководить, а слушаться всех: «Не впадет в гнев тот, кто «не принимает послушание других, но сам приготавливается к послушанию, считая, что все превосходят его»^[101].

У прп. Феодора Студита содержится учение о послушании как о правиле монашеской общежительной жизни: монах – это тот, кто, «отлагая всякое непослушание и пленя всякий помысел в послушание Христово, живет по общему закону братства и имеет всегда самоукорение»^[102].

Из двух типов послушания – с рассуждением или без рассуждения (формулировка из жития аввы Досифея) – строгое монашеское послушание ближе ко второму, характерный пример которого содержится в житии св. Акакия, который в течение 9 лет при жизни вплоть до смерти и даже во гробе (!) оказывал абсолютное послушание своему неразумному и жестокому старцу. «Пришли оба в усыпальницу, и, как у живого, честной старец спросил у умершего: “Брат Акакий, ты умер?” А он тотчас ответил: “Как, отче, можно, чтобы умер человек – делатель послушания?»^[103]

В соборных правилах имеются два основополагающих правила для монаха: о послушании епископу (а значит, в его лице всей Церкви) и о послушании игумену-восприемнику при вступлении в монастырь. Хотя первое из них вроде бы не имеет прямого отношения к послушанию внутри монастыря, тем не менее оно тоже очень важно, поскольку естественно, чтобы глава монастыря, игумен, был в послушании у главы Церкви – епископа, через что монахи, несмотря на свою неотмирность и инаковость, встраиваются в иерархию: епископ–игумен–монах.

Приведем текст этих правил. На Халкидонском Соборе было указано на необходимость послушания монахов епископам и церковным предписаниям (4 правило^[104]): «Монашествующие же в каждом граде и стране да будут в подчинении у епископа, да соблюдают безмолвие, да прилежат токмо посту и молитве, безотлучно пребывая в тех местах, в которых отrekliсь от мира, да не вмешиваются ни в церковные, ни в житейские дела и да не приемлют в них участия, оставляя свои монастыри: разве токмо когда будет сие позволено епископом град по необходимой надобности»^[105]. Данное правило усиливается 8-м^[106] и 18-м правилами IV Вселенского Собора^[107] вместе с 34-м правилом VI Вселенского (Трулльского) Собора, категорически запрещающими монахам какую бы то ни было внецерковную или околоцерковную партийность («скопища») и участие в интригах против церковного начальства или собратьев^[108].

На Двукратном Соборе 867 г. послушание игумену или восприемнику было названо абсолютным условием для вступления в монашескую жизнь (2 правило), при том что сам игумен обязан сочетать в себе высочайшие достоинства мудрого и любвеобильного пастыря, опытного врача и снисходительного наставника (3 правило): «Отнюдь никого не сподобляти монашеского образа без присутствия при сем лица, долженствующаго прияти его себе в послушание и имети над ним начальство и восприяти попечение о душевном его спасении. Сей да будет муж Боголюбивый, начальник обители, и способный спасти душу новоприводимую ко Христу»^[109].

«Если какой настоятель монастыря подчиненных себе монахов убегающих не взыщет с великим тщанием или, найдя, не восприемлет и не потрудится приличным и недугу соответствующим врачевством восстановить и укрепить падшего, такого святой собор определил подвергать отлучению от таинств»^[110].

Данные правила являются ключевыми для последующей монашеской традиции, хотя они естественно предполагают тождество между игуменом и духовником, что на практике далеко не всегда осуществимо. Прямой смысл 3 правила состоит в том, что в обязанности игумена входит розыск и возвращение сбежавших из монастыря монахов. Однако при духовной интерпретации данного правила его можно было распространить и на игуменское душепопечение в целом.

Также, согласно 17 правилу VII Вселенского Собора, монахам без послушания игумену и достаточных средств было запрещено создавать новые молитвенные дома^[111]. Это правило, которое не ограничивает монашескую инициативу, но разрешает ее реализовывать на основе послушания. Не только строительство нового монастыря, скита или храма, но и просто посещение в крайнем случае другого монастыря, согласно 21 правилу VII Вселенского Собора, с краткосрочным (чаще) или долгосрочным (реже) пребыванием там может осуществляться только по послушанию^[112]. А предшествующее положение по тому же самому вопросу было еще строже: монахи могли покидать свой монастырь только в сопровождении и то только в течение светового дня с запретом ночевать где бы то ни было за пределами своего монастыря^[113]. Согласно же 4 правилу Двукратного собора, монахи не имеют право менять свой монастырь, если только не по особому благословению епископа^[114].

В правилах Вселенских Соборов отражен разный статус городского и пустынножительного

монашества: одичавший пустынный должен или вернуться из города в пустыни, или поменять свой облик и интегрироваться в жизнь городских монастырей (42 правило Трулльского Собора^[115]). Хотя данное правило дословно неприменимо, поскольку короткие прически вышли из монашеского употребления, оно подчеркивает необходимость проявлять послушание монастырскому уставу не только в великом, но и в малом. А 23 правило IV Вселенского Собора указывает, что блуждающие по Константинополю монахи, отлученные от причастия своим епископом, должны быть возвращены в свои монастыри^[116].

В 113 правиле Требника под именем свт. Василия Великого указывается: «Ибо говорит Великий Василий: если некий монах каким-либо речением противится своему игумену, или старцу, или своему духовному отцу, оказывается как противник Богу (ἀντίδικος τῷ Θεῷ). Ибо лучше согрешить пред Богом, чем перед одним из таковых»^[117]. Принцип «послушания превыше поста и молитвы» применительно к Богу вступает в решительное противоречие с принципом послушания заповедям Божиим и воле Божией. Тем не менее он преследует благую цель – подчеркнуть абсолютное значение послушания для монаха, который, оказывая непослушание людям, грешит перед Богом. Можно его переформулировать и по-другому: грех непослушания – один из тяжелейших грехов, значительно более опасный, чем многие остальные грехи, особенно для монаха.

Возникает ряд серьезнейших *вопросов*:

1. Имеет ли послушание временный (например, вплоть до смерти своего старца) или постоянный характер?^[118]
2. Слушаться ли всегда духовных отцов или при их отсутствии или недостаточной подготовленности достаточно послушания святоотеческим советам, почерпнутым из книг?^[119]
3. Тожественно ли послушание святому духовному старцу и послушание-подчинение монастырским уставам и правилам?
4. Имеет ли право монах на непослушание Церкви, если он получает указание делать то, с чем не согласна его совесть?
5. Не является ли учение о послушании хорошей почвой для младостарчества, прелести и прочих подвохов в духовной жизни?
6. Можно ли точно определить разницу между послушанием монаха своему духовнику и мирянина? Эта разница определяется объемом послушания или самим характером послушания?
7. Нужно ли искать святого духовника или жить по примеру прп. Акакия?
8. И более широкий вопрос: в какой мере святоотеческое учение о послушании применимо сегодня? Если применимо не полностью, то возникает ряд чрезвычайно важных и непростых вопросов: в какой мере изменения допустимы с канонической и аскетической точки зрения?

Бедность (πτωχεία), нестяжание (ἀκτημοσύνη)

Из всех монашеских обетов нестяжание – самый непростой обет, поскольку в связи с разными типами организации монашеской жизни (строгое общежитие, скит, особножитие) возникали разные ситуации, иногда способствовавшие появлению и передаче по наследству монашеской собственности^[120]. Однако в целом святоотеческая традиция подчеркивает безусловный характер обета нестяжания.

У Антиоха Монаха встречаем мысль о том, что нестяжание абсолютно необходимо для монаха: «Искреннее нестяжание показывает жителство монаха»^[121]. По краткой формуле Д. Петракиаса, монах без собственности вступал в монастырь и без собственности должен был оставаться в нем. Византийский канонист Иоанн Зонара писал о нестяжании как о естественном состоянии монаха-мертвеца для мира: «Сопричислившие себя монашескому житию считаются как умершие для жизни. Как умершие ничего не имеют, так и от

монашествующих правило требует ничего не иметь»^[122].

Нестяжание было неписанным законом древнего монашества, когда только по разрешению игумена разрешалось иметь что-то малозначащее в келье^[123]. В приложениях к житиям прп. Пахомия повествуется и о том, что прп. Пахомий приказал монахам, усладившимся красотой новопостроенной часовни, разрушить ее. Таким образом, не полезно не только собственное, но и совместное имение или даже храм, если он прельщает душу. Также естественно бесполезна и роскошь в любых своих проявлениях, что подтверждается последующим 45-м правилом VI Вселенского Собора^[124].

Естественное следствие нестяжания заключалось в том, что монахи отказывались от доставшегося им по случаю наследства^[125]. «Сказал снова авва Кассиан, что был некий монах, живший в пещере в пустыне. И было открыто ему родственниками по плоти, что отец его тяжело недугует и собирается умереть, прииди, чтобы унаследовать ему. Он же ответил им: я прежде него умер для мира. Мертвый живому не наследует»^[126].

По учению свт. Василия Великого, подвижник призван к тому, чтобы «выполнить евангельскую меру нестяжания» (τῆς ἀκτημοσύνης τὸ εὐαγγελικὸν ἐκπληροῖ μέτρον)^[127]. В общежитии «каждая часть всего является общей для всех» (ἕκαστον κοινὸν πάντων ἐστίν)^[128].

Прп. Феодор Студит резюмировал монашеское нестяжание: это «совместная собственность, или лучше, иными словами, не иметь ничего и иметь все, любвеобильное ко всем расположение, от плотских родителей, братьев и сродников отчуждение»^[129].

Соборные правила, касающиеся монашеского нестяжания, можно разделить на две группы. К первой относятся те, где монахи упоминаются наряду с епископатом и белым духовенством, ко второй – специфически монашеское законодательство.

На Халкидонском Соборе клирикам и монахам было запрещено посредничать во взятках за хиротонию^[130], «брать на откуп имения и распоряжаться мирскими делами»^[131], что по сути дела означало, что монах, как и клирик, имел право заниматься только тем, что полезно для Церкви, и не преследовать никаких своих личных целей. А на VII Вселенском Соборе клирикам и монахам было запрещено присваивать себе монастыри и использовать их не по назначению^[132].

Император Юстиниан^[133] в 5-й и 123-й новеллах ясно установил норму монашеского нестяжания, чтобы после пострига все имение было передано монастырю^[134]: «Если кто-нибудь, единожды посвятив себя и удостоившись пострига, затем захочет удалиться из монастыря и избрать частную жизнь, пусть он знает, какой за это даст ответ Богу, а все, что имеет, когда он вступил в монастырь, все сие будет во владении монастыря, и совершенно ничего он с собой не возьмет»^[135].

«И уже не будет господином их никаким образом» (καὶ οὐκ ἔσται κύριος αὐτῶν οὐκ ἔτι κατ' οὐδένα τρόπον)^[136].

«Никакой (монах) да не имеет совершенно ничего своего, но в общем житии да пребывает день и ночь» (μηδένα μέρτοι παντελῶς ἴδιον ἔχειν μηδέν, ἀλλ' ἐν κοινῷ ζῆν νύκτωρ τε καὶ μεθ' ἡμέραν)^[137].

Ключевым и наиболее авторитетным церковным правилом по поводу монашеского нестяжания является 6-е правило Двукратного собора 867 г.: «Монахи не должны иметь ничего своего, но все им принадлежащее да утверждается за монастырем... После вступления в монашество над всем их имуществом имеет власть монастырь, и им не разрешено распоряжаться ни о чем своим, ни завещать»^[138]. У «монаха, поработенного страстью любостяжания», эти блага должны были быть отняты игуменом, проданы в присутствии многих и разданы

бедным^[139].

Тем не менее существовали разные подходы к домонашеской собственности монаха. Византийский канонист Феодор Вальсамон писал: «То, что добровольно принесено некими в монастырь, доставшееся им от родителей или откуда-нибудь, неотъемлемо от монастыря, останется ли в монастыре принесший это или уйдет»^[140].

А законодатель древнего монашества св. Кассиан Римлянин объяснял причины обратного подхода, когда собственность вступающих в общежитие не наследуется общежитием: во-первых, чтобы монастырь не считал, что тот, чей дар принят, не равен более бедным членам общежития; во-вторых, чтобы, если монах не сможет остаться, он не пытался бы забрать свою собственность. Но даже такие высокие мотивы не могут оправдать то, что расходится с идеалом. «Значимость этого правила сегодня нельзя подтвердить. А практика первых общежитий свидетельствует об обратном»^[141].

Впоследствии и в государственном, и в церковном законодательствах Византии формулировались разные, иногда более мягкие, нормы, которые тем не менее не могли затронуть суть монашеского законодательства. Так, при императоре Льве Мудром VI (885–910) появились законы, позволяющие монахам распорядиться своим наследством во многом по своему усмотрению^[142], что стало отправной точкой для монашеской идиоритмии.

В современной ситуации **ключевые вопросы**, связанные с монашеским нестяжанием, следующие: 1. Самый общий вопрос: обладает ли вообще монах правом материальной собственности, а также имеет ли он право на интеллектуальную собственность (как автор или редактор книг или просто как обладатель информации)?

2. Насколько собственность монаха, которая приобретается им по благословению или с ведома церковного руководства (например, машина), нарушает обет о нестяжании?

3. Как поступать монаху, если он по неизбежным обстоятельствам должен заботиться о своих родственниках и в том числе решать материальные вопросы и вопросы собственности со своим собственным участием?

4. Каков максимальный объем собственности для монаха строгого общежительного монастыря?

5. Нужно ли регламентировать общую собственность общежительных монастырей с тем, чтобы она не становилась предметом соблазна для мирян (например, роскошное убранство архондарика) и пр.?

6. Нет ли опасности обмирщения монаха, если он внутри монастыря надолго или на всю жизнь погрузится в решение бытовых и хозяйственных вопросов?

7. Если монах в силу церковного послушания ведет идиоритмический образ жизни, в связи с чем теснее взаимодействует с миром (служба на приходе или занимаясь преподаванием), существует ли для него возможность временно или постоянно жить в миру (по особому благословению) и в силу этого владеть определенной собственностью?

8. Насколько вообще оправдан идиоритмический образ жизни для монаха?

Выводы по части I:

1. Хотя три монашеских обета никогда не были предметом единого законодательного акта, каждый из них подтверждается общими и частными правилами.

2. Законодательство, касающееся трех монашеских обетов, по сути дела составляет ключевую часть всего монашеского законодательства.

3. Изменения и смягчения законодательства труднообъяснимы в свете святоотеческой строгости.

4. Существуют, однако, крайности законодательства, – как, например, с послушанием

игумену, которое превышает послушания Богу, – которые оказываются совершенно недопустимыми, особенно в век оскудения духоносных людей.

5. Разные правовые модели реализации одних и тех же монашеских обетов должны были бы побудить к более точным формулировкам и разграничениям между правами и обязанностями внутри каждого из трех окончательно сформировавшихся во втором тысячелетии монашеских чинов.

II. Богословское содержание

Монашеский постриг имеет глубочайшее богословское содержание. С одной стороны, он указывает на смерть, а с другой, означает второе рождение. Недаром он многими отцами и авторами сравнивается со вторым крещением.

Обеты монашества – это повторение со значительно большей силой того отречения, которое давалось при крещении^[143]. В частности, Иоанн Оксит (XI–XII в.) пишет: «Священный обряд монахов – по подобию святого крещения, состоящий в отречениях и предписаниях, значительно более трудных и страшных, который божественные наши отцы называли вторым крещением, обновляющим первое»^[144]. В формуле «отречения и предписания» легко узнаются монашеские обеты, не только подтверждающие, но и значительно углубляющие обещания, данные при крещении^[145].

Монашество показывает эсхатологический предел всего: «Вся вселенная ... в подвижническом, то есть монашеском, образе жизни определила конец спасения» (ἐν τῇ ἀσκητικῇ ἤτοι μοναχικῇ διαγωγῇ καὶ πολιτείᾳ τὸ τέλος τῆς σωτηρίας ὥρισατο) и в то же самое время отражает в себе творение мира и человека.

В 5-м послании афонским монахам о смысле монашеской схимы свт. Симеон Фессалоникийский пишет о монашеском постриге как о воссоздании первоначального состояния. Затем он проводит подробную параллель между Адамом и монахом. Они «совершенны», один из них «наг», а другой «нестяжателен». «Тот собеседник с Богом и созерцатель блага, и сие непрестанное дело монаха – беседа с Богом» (Ὁμιλητὴς ἐκεῖνος Θεοῦ καὶ τοῦ καλοῦ θεωρός· καὶ τοῦτο ἔργον μοναχοῦ ἀκατάλαυστον, ἢ τοῦ Θεοῦ ὁμιλία.) «Делати и хранить – деяние было дано (Адаму) от начала. Это занятие свойственно и монахам: исполнять Божие и хранить Божие и помышлять о Боге и носить в себе Бога и быть неразлучным с Богом». В какой-то степени монах оказывается выше Адама, поскольку он возделывает не только данный Богом рай, но вмещает в себе самого Бога.

Далее свт. Симеон пишет о кардинальных различиях между павшим Адамом и монахом. Грехопадение Адама – это прямая антитеза монашескому постригу. Он пишет о бедности и скорбях как преодолении удовольствия, целомудрии как антиподо отвержения чистоты Адамом, послушании – как об антиподо непослушания и омрачения: «Удовольствие и страстная любовь к славе – причина первого падения; сему противоположен постриг (схима), провозглашающий труды и скорби, смиренномудрие и уничтожение с бедностью.

Чистоты и девства уничтожение – падение Адама; корень и начало схимы – девство, чистота и обещание целомудрия.

Преступление привело к безобразию перед Богом, бегству от Бога, стыду и попытке скрыться от Него; схима – причина незабвенной Божественной памяти и единения с Богом и к Нему дерзновения и храбрости.

Преслушание – причина омрачения, обнажения, смерти и уничтожения; Божественная схима – податель просвещения, славы Божией, жизни и усвоения и как уничтожающее все, что

происходит от преступления, и исправляющее человека».

Интересно, что если по данному богословскому отрывку сделать вывод о последовательности монашеских обетов, то получится следующий вариант: бедность, целомудрие, молитва, послушание. Таким образом, в богословии монашеских обетов появляется «четвертый обет» – по выражению свт. Игнатия Брянчанинова – обет о молитве, который является внутренней потребностью монаха, выходящей за пределы какого-либо законодательства (литургические и уставные указания вне пределов данного доклада), – подобно тому как при наличии предписаний о вкушении пищи излишни предписания о частоте дыхания. «Молиться следует более, чем дышать», – по крылатому изречению свт. Григория Богослова.

Отречение

В первоначальном смысле отречение – синоним воздержания, а сами монашеские обеты – это то же начало пути (как воздержание от зла) к приобретению добродетелей^[146].

Прп. авва Дорофей писал о монашеском отречении: «Будем жить в соответствии с нашей схимой, как сказали отцы, дабы не носить чуждую схиму, но подобно тому, как мы оставили великое, так оставим и малое; мы оставили мир – оставим и пристрастия к нему»^[147]. Эта простая и совершенно естественная для монашества мысль является той малой солью, которая осаливает и жизнь монашества, и монашеское законодательство, которое в отрыве от святоотеческой традиции может показаться слишком формальным и сухим.

Отречение – это не только момент принесения монашеских обетов, но и постоянное состояние духовной брани. В Ареопагитском корпусе говорится об отречении от помыслов как о средстве, которое доводит до совершенства «любомудрие монахов»^[148].

Отречение означает не пустоту, а полноту: вместо отвергнутого мира монах должен наполнить себя Божественной мудростью.

В новеллах императора Юстиниана находим: «Подобает монахам делать двойное дело: или заниматься Божественными Писаниями, или подобающим монахам деланием, которое принято именовать рукоделием, занятиями и трудом. Ибо мысль, в пустоте пребывающая, не сможет породить ничего хорошего»^[149].

Девство

Целомудрие и девство являются первыми инструментами для отречения от мира. По выражению св. Симеона Столпника из гимна монашеству: «Подобно непорочному голубю, монах через целомудрие – тот, кто отрекся от земных вещей»^[150].

Наставляя братию, один из родоначальников палестинского монашества прп. Евфимий учил о том, что целомудрие наряду с размышлением, рассуждением и послушанием по Богу является оружием монаха^[151].

Целомудрие является и тем, что передается по духовному наследству от одного монашеского поколения к другому, конечно, на индивидуальном уровне. «Доброе наследие монаха – целомудрие и святость. Тот, кто вне их, лишается наследия Отцов»^[152], – из увещаний к монахам прп. Ефрема Сирина.

Самое идеальное время жизни для изучения целомудрия – юность. «Юный монах да укрепляется в целомудрии, презирая тщеславие»^[153].

В учении о целомудрии можно выделить добрую гордость или славу, которую приобретает тот, кто владеет этой добродетелью («Целомудрие монаха возвысит главу его, среди многих прославит ее»^[154]), и исключительное смирение, которое должно привести к смерти.

Естественно, что добродетельные христиане на пути к монашеству или просто в своей христианской жизни достигают и хранят эту добродетель^[155]. Авва Даниил повелел похоронить дочь вместе с отцами за ее глубокое целомудрие^[156]. «Она амма моя и ваша. Она умерла о

целомудрии».

Послушание

Добродетель послушания, в отличие от целомудрия, появляется исключительно в христианской монашеской традиции^[157].

В апофтегмах определение монаха начинается с послушания: «Сказал старец: жизнь монаха есть: послушание, размышление, не осуждать, не клеветать, не роптать... Все совершать в рассуждении – в этом монахе»^[158].

Послушание монаха старцу – такое же, как абсолютное послушание ветхозаветных праведников Богу. Жертвоприношение Исаака повторяется в сюжете одной из апофтегм: «Пришел некогда некто из фивейцев к авве Сысою с желанием стать монахом. И спросил его старец, имеет ли он кого-нибудь в мире. Он же ответил: имею одного сына. И говорит ему старец: пойди, брось его в реку и тогда станешь монахом. А когда он отправился бросить его, послал старец брата помешать ему. Говорит брат: остановись, что творишь? Он же сказал: старец сказал мне бросить его. Говорит брат: но снова сказал, не бросай его. И оставив его, пришел старцу и стал послушником-монахом за свое послушание»^[159].

Наиболее близкие добродетели послушанию – смирение, воздержание: именно этими тремя добродетелями покающийся разбойник Давид превзошел всех других монахов, по описанию прп. Иоанна Мосха^[160]. Послушание невозможно без смирения, что подтверждается речением из «Лествицы» о несовместимости гордости, антипода смирения, и послушания: «Кипарис не склоняется, чтобы стелиться по земле, и высокоумный монах не приобретет послушание»^[161].

В идеале послушание – это не только зависимость одного от другого, но и равенство, что нашло отражение в формуле из апофтегм, устанавливающей отношения между человеком и Богом: «Сказал снова: послушание вместо послушания. Если кто слушается Бога, Бог слушается его»^[162].

Прп. Симеон Столпник проповедовал собравшимся вокруг монахам о том, чем монах должен гордиться. Среди 13 тезисов с подчеркиванием той или иной добродетели послушанию отведено третье место: «Гордость монаха – послушание в добрых начинаниях со смиренным сердцем, ибо в нем Господь победил смерть, став послушным даже до смерти, смерти же крестной. Так и мы, братья, умертвим страсти и похоти плоти»^[163].

Данная мысль о доброй гордости в смерти крестной имеет параллели как в учении о целомудрии – первом монашеском обете, так и в учении о нестяжании. Она продолжается и далее. В 10-м тезисе сказано: «Гордость монаха умыть ноги всем братьям и говорит: благослови».

И наконец в поучении о монашеском послушании у свт. Антония III Студита содержится мысль о том, что через послушание и смирение монах восходит на небеса и вступает в беседу с Богом: «Через смирение возвыситься и через благопокорность взойти на небо... и в безмолвии и умом беседовать с Богом»^[164].

Бедность, нестяжание

Нестяжание – одна из главных, исключительно монашеских, добродетелей, синоним бегства и удаления из мира^[165]. Но бегство из мира, как вся жизнь христианина, диалектично. Чем дальше монах бежит от мира, тем большую он получает силу над миром – только не земную, а духовную.

Мысль о том, что нестяжание – это величайшее сокровище и духовное господство над миром, – один из лейтмотивов. Монах, живущий в нестяжании, владеет всем миром. У прп. Феодора Студита, строжайшего борца за строгость монашеских обетов, находим определение монаха как «владеющего миром через нестяжание»^[166]. Также нестяжание – это еще и красота:

«Монах и с детства, и в старости, украшаемый нестяжанием...»^[167]. По словам аввы Иперихия: «Сокровище монаха – добровольное нестяжание. Сокровиществуй, брат, сокровище на небе, ибо бесконечны века упокоения»^[168].

Но, конечно, это богатство не от мира сего. В главах о любви прп. Максим Исповедник среди «достижений монаха» ставит нестяжание на первое место, в то время как «богатство» занимает первое место в жизни мирского человека^[169].

А у прп. Ефрема Сирина находим о том, что нестяжание составляет гордость монаха: «Гордость монаху – терпение в скорбях, гордость монаху – нестяжание, и смиренномудрие, и простота, прославляющие его пред лицом Бога и ангелов»^[170].

Выражение из греческого корпуса прп. Ефрема Сирина: «Бессмертная сила монаха – нестяжание, несущее крест. Страшно для монахов – сребролюбие, закрывающее Царствие Небесное»^[171].

Нестяжание и страх Божий – драгоценное приобретение на пути к Богу: в 22-м послании свт. Василия Великого о монашеском совершенстве: «Подобает приближающемуся к Богу во всем облобызать нестяжание и пригвоздить себя страху Божию»^[172].

Естественно, что в текстах греческих отцов и византийских духовных писателей экзотические законы Льва Мудрого практически не отразились. Однако проблематика монашеской собственности, если она и появлялась, естественно отражалась в вечно нерушимых формулах христианского аскетизма: «Гордость монаха – нестяжание. Если же он что приобрел – как не для самого себя» (Καύχημα μοναχοῦ ἢ ἀκτημοσύνη· εἰ δὲ κέκτηται τι, μὴ ὡς δι' ἑαυτόν)^[173].

Выводы по части II:

Таким образом, можно констатировать следующие общие черты в богословии трех монашеских добродетелей-обетов:

1. Каждая из них является определением монашеской жизни по преимуществу. В это определение входит ключевое понятие отречения.
2. Каждая из этих добродетелей как лишение ценностей мира: жизни по своим удовольствиям, своей воли, богатства и своей собственности – приводит к достижению подлинных благ.
3. Тем самым каждая из трех добродетелей является предметом доброй духовной гордости.
4. Каждая обозначает путь страдания, смерти, распятия по примеру Христа Спасителя.
5. В цепочках добродетелей они имеют как внутреннюю взаимосвязь, так и взаимосвязь с другими наиболее близкими монашеству добродетелями: с одной стороны, с более практическими – смирением и воздержанием, а с другой, – с более созерцательными – размышлением и рассудительностью.

Общие выводы:

1. Хотя три монашеских обета в чистом виде содержатся в литургических чинах Великой и Малой схимы (и иногда в чине рясофора), каноническое право Церкви и богословие (нравственное, догматическое), а также их отблески в агиографии, истории Церкви и других текстах подтверждают их органичность всей церковной монашеской традиции и исключительную ключевую роль как в доинституциональный, так и в институциональный период истории монашества.

2. Конфликт между монахами-нестяжателями и монахами-стяжателями может носить больше иллюзорный, чем реальный характер, если вспомнить пример самого законодателя монашества свт. Василия Великого, который неспешно и рассудительно решал вопрос собственной собственности, или прп. Феодора Студита, который в своем собственном имении на Олимпе устроил первоначально монастырь.

3. Строгое исполнение монашеских обетов является наиболее трудным и одновременно легким путем для монаха.

4. Монашеские обеты правильнее исполнять в сочетании с элементами созерцательного подвижничества, которые особо были свойственны первоначальной монашеской традиции.

5. При вступлении в монашество следовало бы ввести в подготовку кандидата изучение церковного права, богословия и аскетики.

6. Во исполнение этой задачи, а также для более твердого определения места и роли монашества в современном мире следовало бы рассмотреть проект о составлении полного монашеского законодательства на данный момент применительно к современным реалиям русского монашества.

7. И наконец, учебник по истории, литературе и богословию монашества стал бы также важным вспомогательным и эффективным средством для уменьшения разрыва между святоотеческим подходом и церковной каноникой и практической реализацией канонов в повседневной жизни.

Перечисленные задачи в настоящее время трудно исполнимы. Для их реализации следовало бы стремиться и к тому, чтобы правильное систематическое духовное богословское образование было особенностью не только отдельных духовных школ или энтузиастов, но постепенно стало возрождаться внутри монастырей. Подобные начинания возможны лишь при сознательной поддержке монастырского начальства, а также стремлении монахов к тому, чтобы в их жизни, помимо молитвенных, физических и прочих трудов, заняло полноценное место «чтение» – ведь «лик (священных) книг, – по выражению императора Юстиниана, – может исправить душу каждого (монаха)»^[174]. Для древнего монашества чтение (*lectio*, ἀνάγνωσις) и занятия (μελέτη) были не отдыхом или особой привилегией, которой можно было воспользоваться в свободное время, но важнейшим элементом монашеской жизни.

Такое внутреннее наполнение монашества могло бы привести к большему единодушию и к более сознательному исполнению обетов.

Хотя требование о том, чтобы монастыри превратились в университеты, чрезмерно, живой пример святых отцов, наследие которых не исчерпать никакими университетскими штудиями, является призывом к живости мысли, слова, а также особо ответственному отношению к своему служению.

Насколько монахам общежития может не хватать духовного образования, настолько монахам идиоритма, которыми по сути оказываются так называемые академические монахи, преподающие в духовных школах, не хватает строгости принесенных ими монашеских обетов.

В результате восстановления традиции созерцательного и ученого монашества могло бы произойти значительно большее взаимопонимание и подлинное восстановление всегда существовавшего соседства – ὑπακοή и μελέτη.

Литература

Conciliorum Oecumenicorum Decreta / Gen. ed. G. Alberigo. Brepols, 2006.

Πετρακάκης Δ. Οἱ μοναχικοὶ θεσμοὶ ἐν τῇ Ὁρθόξῳ Ἀνατολικῇ Ἐκκλησίᾳ. Τ. Α΄. Ἐν Λεωψία, 1907.

De Meester P. De monachico statu juxta disciplinam byzantinam. Statuta selectis fontibus et commentariis instructa. Typis polyglottis Vaticanis, 1942.

Казанский П.С. История православного монашества на Востоке. 1854 (М., 2000).

Иннокентий (Беляев), архим. Пострижение в монашество. Опыт историко-литургического исследования обрядов и чинопоследований пострижения в монашество в Греческой и Русской церквях до XVII в. включительно. Вильна, 1899 (М., 2013).

После доклада игумен Дионисий (Шлёнов), доцент Московской Духовной Академии, заведующий библиотекой ответил на вопросы участников конференции

В начале обсуждения доклада отца Дионисия игуменья Екатерина (Чайникова) высказала мнение, что вопросы, касающиеся соблюдения монашеских обетов, недостаточно отражены в «Положении о монастырях и монашестве». Игумен Дионисий предложил каждому(ой) игумену или игуменни выразить свое отношение к ситуации с монашескими обетами в современной действительности. В результате такого опроса можно было бы приблизиться к тому, чтобы найти ответы, может быть, не в духе строгого канона, а более в духе любви.

Игуменья София, настоятельница Воскресенского Новодевичьего монастыря, Санкт-Петербург: *могут ли вопросы со ссылками на нормы канонического права решаться локально? В отличие от Западной Церкви, у нас не было кодифицированных норм, но были своды законов, компиляции и т. д. Полномочны мы или нет давать ответы на вопросы, касающиеся канонических норм?*

Игумен Дионисий (Шлёнов): я сам не уполномочен говорить, уполномочены мы или нет давать ответы на эти вопросы, но, может быть, не на всякий вопрос нужно давать ответ. Монашеская жизнь развивается динамично. Сложившаяся норма – это не болезненное отступление от канонов, а живая норма, которая вбирает и отражает в себе каноны. Но, тем не менее, если мы сформулируем эти вопросы, выйдя за пределы благополучия, которое, может быть, царит в нашем монастыре, то поймем, что есть страждущие души, которые стремятся к монашеству, есть страждущие монахи, которые не находят успокоения своей монашеской душе. Если мы просто осознаем эту проблематику как всемонашескую, поймем, что эти проблемы существуют, то, может быть, это осознание – как проявление любви к тем братьям, которые еще не определились на своем монашеском пути – поможет этим братьям. И, войдя даже в несовершенную с точки зрения византийских канонов монашескую общину, они обретут в ней ту полноту монашеского идеала, к которому стремятся их душа.

Вопрос: *что подразумевается под монашеским отпуском?*

Игумен Дионисий (Шлёнов): как говорилось, бывают разные строгости в монастырях. В своде канонического права по восточному монашеству говорится и о том, что, когда в некоторых монастырях на Крите монахам раз в году давалось денежное вспомоществование, то это уже являлось серьезным отступлением от канонов. Но в некоторых монастырях денежное вспомоществование давалось даже чаще, чем раз в год. Бывают бедные монастыри, или обители, которые живут по своим особым законам, бывают монастыри, которые из идиоритма постепенно переходят к общежитию, и, в зависимости от этого, существует разная степень строгости. Бывают монастыри, где монахи имеют свой положенный ежегодный отпуск, чтобы в течение этого отпуска реализовать свою монашескую свободу, посещая святые места и проч. Но далеко не во всех монастырях это практикуется. Монашеский отпуск – это проявление того многообразия монашеской жизни, которое существует в современном мире.

**Иеромонах Валериан (Кузьменко),
главный референт
Синодального отдела
по монастырям и монашеству
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРОЕКТА
«ПОЛОЖЕНИЕ О МОНАСТЫРЯХ
И МОНАШЕСТВЕ»**

Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства, отцы игумены, матушки игумении, братья и сестры!

Разработка «Положения о монастырях и монашестве» началась в 2010 году после первого заседания комиссии Межсоборного присутствия по вопросам организации жизни монастырей и монашества. На нем была поставлена задача подготовки документа, содержащего основные понятия монашества и монашеской жизни, а также отвечающего на практические вопросы современных монастырей и монашествующих. В 2012 году проект был представлен на рассмотрение Святейшему Патриарху.

30 мая 2012 года на интернет-портале «Богослов.ру» был помещен вариант проекта, откорректированный редакционной комиссией. Он вызвал множество откликов, явившихся свидетельством актуальности вопросов, затронутых в «Положении», для современной монашеской жизни.

В связи с этим Архиерейский Собор 2013 г. постановлением № 25 поручил Синодальному отделу по монастырям и монашеству продолжить подготовку проекта «Положения».

В разработке нового проекта принимали участие члены коллегии Синодального отдела по монастырям и монашеству, члены комиссии Межсоборного присутствия по вопросам организации жизни монастырей и монашества, игумены и игумении ставропигиальных и епархиальных монастырей.

Нужно отметить определенное влияние на результат этой работы конференции «Святоотеческая традиция монашеской жизни в современном мире», прошедшей 25 января сего года в Новоспасском монастыре в рамках Рождественских образовательных чтений. В ней участвовали архиереи Русской Православной Церкви, игумены, игумении, более чем 150 монашествующих и 150 мирян из разных стран. В итоговом документе были сформулированы основные подходы к решению наиболее актуальных вопросов как внутренней жизни, так и общественного служения монастырей.

Кроме того, при работе над проектом были приняты во внимание предложения и отзывы, опубликованные на портале «Богослов.ру» и в других СМИ, а также практический опыт

современных монастырей.

Были добавлены по возможности полные канонические и богословские обоснования главных принципов монашества. Всего в проекте насчитывается более ста пятидесяти ссылок на различные источники Церковного права, включая Священное Писание и святоотеческое наследие, постановления Церковных Соборов и труды современных канонистов.

В состав нового проекта «Положения» вошли также документы о статусе иноческого пострига, о церковно-правовых последствиях оставления монастыря насельником и о приеме паломников в монастырях, разработанные Синодальным отделом по монастырям и монашеству для общецерковного использования. В результате общий объем «Положения» увеличился примерно в шесть раз.

«Положение» состоит из 12 разделов, включая введение и заключение, которые отличаются друг от друга по степени подробности изложения материала и полноте сформулированных выводов. Рассмотрим содержание каждого из них.

I. Введение

В данном разделе обозначено место «Положения» в системе церковных документов, его цель и назначение. Основная идея: «Положение о монастырях и монашеству» отражает многовековой опыт монашеской жизни и традиции и вместе с тем современное состояние русского монашества и на этой основе определяет основные правила, которыми монастыри и монашествующие должны руководствоваться в практической жизни.

II. Общие положения о монашеству

Подробно рассмотрены основания монашества, сформулировано определение монашества и цели монашеской жизни: главное «служение, которое монахи призваны совершать в Церкви, – сказано в проекте, – это непрестанное пребывание в Богообщении и молитве за весь мир, непрестанное призывание благодати Божией и помощи Его».

III. Общие положения о православных монастырях

Приводятся определения монастыря как церковного учреждения и как духовной общины. Рассмотрены вопросы канонического подчинения монастыря и полномочия правящего архиерея, которым уделено особое внимание, поскольку они вызвали многочисленные дискуссии в интернет-пространстве после публикации первой редакции проекта. Полномочия епископа определены в соответствии с Уставом Русской Православной Церкви и общецерковными каноническими нормами. При подготовке данной главы были изучены традиции взаимоотношений епископов и монастырей других поместных Церквей и избраны положения, наиболее соответствующие исторической и современной ситуации в Русской Церкви.

В данном разделе изложены также задачи и функции Синодального отдела по монастырям и монашеству – коллегиального органа исполнительной власти Святейшего Патриарха и Священного Синода: «Основной задачей Отдела, – читаем в проекте, – является содействие монастырям Русской Православной Церкви в устроении внутренней монашеской жизни в рамках главы XII Устава Русской Православной Церкви».

IV. Формы организации монашеской жизни в монастыре

Описано, каким образом в современных монастырях могут осуществляться три исторически сложившиеся формы монашеской жизни: общежитие, скитское жительство и отшельничество. При этом подчеркивается, что «в современных условиях в Русской Православной Церкви общепринятой нормой организации монашеской жизни является общежительный монастырь». В данный раздел включены также главы о приписных храмах и часовнях, об открытии, преобразовании и упразднении монастырей.

V. Непосредственное (внутреннее) управление монастырем

Достаточно подробно проработана глава об игумене в связи с большим количеством

откликов в интернет-дискуссии и печатных СМИ, свидетельствовавших об особой актуальности данного вопроса для современной монашеской жизни.

Широкое обсуждение в интернет-пространстве получил вопрос о способе поставления игумена/игумении. В Проекте «Положения» указаны три исторически сложившиеся традиции определения игумена/игумении монастыря и порядок утверждение кандидата: «При поставлении игумена/игумении в монастырь правящий архиерей в соответствии со святоотеческой традицией и практическим опытом Церкви применяет один из трех способов определения кандидатуры:

1. Кандидат, предложенный правящим архиереем, по возможности, из числа насельников/насельниц обители.
2. Преемник/преемница, подготовленный предыдущим игуменом/игуменией.
3. Кандидат, избранный братством/сестричеством монастыря».

VI. Принятие в монастырь

Определяется порядок поступления в монастырь, раскрываются понятия «трудничество» и «послушничество», содержание трех степеней монашества.

Четко определены статус иноческого пострига как первой степени монашества и отличия инока (рясофорного монаха) от рясофорного послушника.

В отношении монашеского пострига подробно рассмотрен вопрос о восприимчивости, а также обстоятельства и условия, при которых возможен постриг вне монастыря.

В главе «Церковно-правовые последствия оставления монастыря насельником или отказа от монашеской жизни» содержится подробный анализ канонических прецедентов, применяемых к монашествующим, покинувшим монастырь. Рассмотрены различные случаи оставления монастыря монашествующими разных степеней, в том числе в священном сане, а также особые случаи оставления монастыря, не связанные с отказом от монашеской жизни. Основные выводы: принятие монашества канонически необратимо; оставление монастыря влечет за собой канонические прецеденты, которые налагаются правящим архиереем на основании церковных правил с учетом особых обстоятельств в каждом конкретном случае. Определяется также порядок возвращения в монастырь и перевода в другую обитель.

VII. Богослужбная жизнь в монастыре

Подчеркивается важность наличия полного уставного суточного круга богослужений в обители для правильного устройства в ней духовной жизни и того, чтобы все монашествующие присутствовали на церковных богослужениях. Подробно описаны особенности священнического служения в мужских и женских монастырях. В отношении женских обителей изложены принципы взаимоотношений священнослужителей с игуменией и сестрами монастыря – также один из часто обсуждаемых в православном интернет-сообществе вопросов.

VIII. Духовное окормление в обители

Основное положение: общее духовное руководство насельниками или насельницами монастыря осуществляет игумен или игумения. В разделе определяются и разделяются понятия исповеди и откровения помыслов, отмечаются некоторые особенности исповеди сестер в женских обителях.

IX. Внутренний уклад монастыря

Описаны практически все основные стороны монастырской жизни. Объясняется смысл и содержание епитимий и других воспитательных мер. Большое внимание уделено молитве как наиболее важному деланию монашествующих, а также правильному исполнению послушаний, которые не должны препятствовать духовному деланию насельников. Рассмотрены особенности попечения о больных и престарелых насельниках монастыря. Глава о духовном образовании включает в себя как образование в специальных учебных заведениях, так и на занятиях,

проводимых игуменом или игуменией, а также при самостоятельном чтении духовной литературы. В качестве следующей главы в «Положение» вошел отдельный документ «Рекомендации по развитию паломнической деятельности монастырей». В главе об отношении к имуществу говорится о недопустимости приобретения или получения монашествующими личного имущества и о том, что все оно должно считаться собственностью монастыря. В главе о выходах из обители подчеркивается важность неотлучного пребывания монашествующих в монастырях для сохранения должного внутреннего устройства.

X. О монастырском имуществе

В данном разделе изложены положения Устава РПЦ о регулировании имущественных отношений монастырей.

XI. Об отношениях монастыря с внешним миром

Раздел начинается с определения: «Основное служение монашества миру – это молитва» и цитаты из писаний преподобного Силуана Афонского, – святого, память которого мы сегодня празднуем: «Благодаря монахам на земле не прекращается молитва; и в этом – польза всего мира». Затем перечисляются основные направления внешней деятельности монастырей – миссионерской, социальной, духовно-просветительской и образовательной.

XII. Заключение

Отмечается, что требования, которые содержит «Положение», относятся к совершенному образу монашеского жития и не подразумевают ограничение существующего многообразия традиций иноческой жизни.

Таким образом, в докладе изложены история подготовки и содержание проекта «Положения о монастырях и монашестве» в связи с тем, что, как сказал при открытии конференции ее Председатель Высокопреосвященнейший владыка Феогност, одной из целей устройства данного форума является возможность обсуждения «Положения» и внесения в него уточнений и дополнений, необходимых для принятия «Положения» в качестве канонического церковного документа.

Итоговую дискуссию на конференции ждали с большим интересом. Однако представленные доклады в совокупности значительно изменили «угол обзора» и, соответственно, взгляд на волнующие проблемы, – когда в качестве единственно верных ориентиров выступили глубинная духовная основа монашества, живой опыт усвоения святоотеческого предания, любовь, снисходящая к человеческой слабости и, одновременно, твердость в следовании простым истинам. Поэтому слова Высокопреосвященного архиепископа Феоноста о том, что мы пока не готовы к ведению дискуссии на таком уровне, – произнесенные в первый день, оказались в значительной степени пророческими. Конечно, нужно принять во внимание и то, что у нас, по сути, еще не было практики проведения подобных обсуждений в большом монашеском собрании. В ходе заключительного заседания в рабочем порядке были внесены конкретные поправки и уточнения в текст проекта «Положения о монастырях и монашестве». Из того же, что непосредственно относилось к сложной проблематике документа, можно выделить несколько моментов.

По одному из самых проблемных – вопросу выборности игумена (игумении) было однозначно сказано, что всё зависит от степени духовной зрелости обители. Определять же эту степень, по рассмотрении всех обстоятельств, должен правящий архиерей. Решение второй острой проблемы – окормления женских обителей белым духовенством также не имеет жесткой регламентации. Главную роль здесь должно играть мнение игумении. Правящий архиерей при выборе священника для женского монастыря (что само по себе нынче зачастую является непростой задачей) выступает как помощник Матушки. При этом справедливо было замечено, что иные представители белого духовенства обладают такой глубиной духовного опыта, что могут являться примером для монашествующих.

В конечном же счете эти и некоторые другие вопросы объединялись в одну большую тему статуса, прав и полномочий игумена (игумении) в монастыре. Практически однозначно исходило из того, что настоятель, настоятельница монастыря – это, прежде всего, восприемники и духовные водители каждого из вверившихся им насельников. Как глава семьи – отец или мать – они должны знать всё о своих чадах, и даже если обитель очень велика, – правом, например, наложения епитимии обладают только они, не передоверяя его никому из помощников. Мнение Духовного собора имеет большое значение, в том числе определяющее при вынесении судьбоносных решений о постриге или исключении насельника, однако последнее слово – и бремя ответственности – всегда остаются за игуменом (игуменией). В отношении обращения Духовного собора к правящему архиерею в обход настоятеля – был дан ответ, что опыта демократии, подобного афонскому, в российских монастырях нет, и в настоящее время кроме смуты и проблем такое начинание ничего не принесет.

В одной из поступивших записок было высказано мнение, что в «Положении» нечетко выражены условия поставления игумена (игумении) во вновь созданном монастыре: когда во главе монастыря ставятся личности, не имеющие опыта монашества, это отражается на внутренней жизни молодой обители. Развернутый ответ Высокопреосвященного владыки Феоноста опирался на живую практику последних десятилетий. Владыка напомнил, что часто положительное решение такого рода принимается для того, чтобы монастырь имел шанс на восстановление, что в течение двадцати с небольшим лет в России образовалось 800 обителей, и в этих уникальных условиях каждый монастырь нужно рассматривать, ориентируясь не на то, с чего он начинается, а на то, как он будет развиваться. Близкая к этому проблема – перевод насельников из одной обители в другую. Основное здесь – степень рассуждения архиереев и настоятелей (настоятельниц): без их обоюдного согласия, без внимания к человеческим

немошам подобные действия совершаться не должны. Но прописать эти моменты в «Положении» практически невозможно и не нужно. Владыка неоднократно в ходе обсуждения напоминал, что «Положение» должно излагать основополагающие принципы отечественного монашества, – это не Устав, и за священноначалием оставляется право поступать в соответствии с требованиями жизни, как и за монастырями – сохранять местные уставы и традиции.

Вопрос о разделении рясофорного послушника и инока был назван одним из самых трудных по причине диаметрально противоположных мнений и различных традиций, сложившихся, например, на Афоне и в Русской Церкви. Решение о разделении понятий было принято для того, чтобы дать игумену (игумении) право выбора: благословить ношение рясы и камилавки (для чего не требуется обращение к архиерею) или постричь в иночество – с благословения правящего архиерея или Патриарха.

Обсуждение также вновь показало необходимость доработать вопросы о выходе из монастыря, причислении инока к другой обители, пребывании его вне монастыря; желательность более четко прописать в проекте «Положения» отношение к «бродячим» монашествующим, согласование переходов из монастыря в монастырь. В связи с этим, в частности, было принято предложение епископа Воскресенского Саввы о том, что справки о пострижении и рукоположении нужно выдавать насельнику на руки с оставлением копий в личном деле (как это и положено в отношении любых документов, свидетельствующих о человеке).

Вернувшись к вопросу о епитимиях, собрание заинтересованно отреагировало на пункт «Положения» о временном запрете на ношение монашеского облачения. Были предложения ограничить эту епитимию только послушниками, при этом вспоминали мнение греческих монахов, что как монашеские обеты остаются с человеком на всю жизнь, так никто не имеет права лишать его и монашеских одежд. Игуменья София (Воскресенский Новодевичий монастырь, Санкт-Петербург) в ответ на это напомнила известную практику свт. Филарета (Дроздова) и его духовника прп. Антония (Медведева) в Лавре, где часто применялась такая епитимья: временное снятие клобука и мантии, подрясник оставался. Мать София сказала, что, по ее мнению, не следует связывать ношение монашеской одежды с обетами. Для падших – одежда снимается до тех пор, пока они не вернуться к прежнему житию, которому соответствует данная одежда.

Вопрос о монашеских одеждах, в том числе допустимости их снятия за пределами монастыря по необходимости, для пребывания в общественных местах, участия в сугубо светских мероприятиях, – вообще неожиданно вызвал бурную и весьма показательную дискуссию. Приводились диаметрально противоположные аргументы: начиная с того, что общество не готово с пониманием и уважением относиться к представителям Церкви, и облачение может провоцировать агрессию, и заканчивая утверждением, что в ношении монашеских одежд нужно видеть исповедничество, это – «кожа» монаха, и именно они часто помогают мирским людям найти того, к кому можно обратиться с духовной проблемой и в результате – обрести путь спасения. В том, нужно ли иметь общецерковное мнение по этому вопросу и вносить соответствующие поправки в «Положение», – согласие не было достигнуто.

Подводя итог, Высокопреосвященный архиепископ Феогност повторил, что данное обсуждение не предполагало принятия окончательных решений. Впереди у «Положения» будет еще много стадий утверждения, в связи с чем остается возможность донести до священноначалия свои суждения и замечания, отправив их на электронный адрес Отдела по монастырям и монашеству.

**Итоговый документ
Международной богословской
научно-практической
конференции
«Монастыри и монашество:
традиции и современность»**

23–24 сентября 2013 года в стенах Свято-Троицкой Сергиевой Лавры по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла проходила конференция «Монастыри и монашество: традиции и современность», посвященная обсуждению актуальных вопросов современной жизни монастырей и монашествующих.

В конференции приняли участие постоянный член Священного Синода Русской Православной Церкви, Председатель Отдела внешних церковных связей Высокопреосвященнейший Иларион, митрополит Волоколамский; Председатель Синодального Отдела по монастырям и монашеству Русской Православной Церкви, наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Высокопреосвященнейший Феогност, архиепископ Сергиево-Посадский; 11 архиереев, 20 наместников и игуменов мужских монастырей, 46 игумений женских обителей, а также 66 братьев и сестер из разных обителей. Среди участников конференции – члены коллегии Синодального отдела по монастырям и монашеству, а также члены комиссии Межсоборного присутствия по вопросам организации жизни монастырей и монашества. В конференции приняли активное участие представители братских Православных Церквей: митрополит Лимассольский Афанасий (Кипрская Православная Церковь); игуменья Феоксения, настоятельница монастыря Хрисопиги, с сестрами обители (Критская Архиепископия Константинопольского Патриархата); игуменья Фотиния, настоятельница монастыря святой Параскевы на о. Корфу, с сестрами обители (Элладская Православная Церковь); игуменья Елена, настоятельница Свято-Спасского монастыря в Жиче, с сестрами обители (Сербская Православная Церковь); игуменья Анастасия, настоятельница монастыря Рождества Пресвятой Богородицы в Белостоке; игуменья Агния из Свято-Успенского монастыря с сестрами обители (Польская Православная Церковь); игуменья Мария из Свято-Елисаветинской обители (г. Мюнхен) Русской Православной Церкви Заграницей, а также представители Святой Горы Афон – монастыря Кутлумуш и келий св. Анны и св. Модеста. Всего было зарегистрировано 143 участника.

Под кровом обители преподобного Сергия собрались для обсуждения современных вопросов и проблем монашеской жизни архиереи, игумены и игумении, а также монашествующие – представители православных обителей Русской и четырех братских Поместных Православных Церквей. Главной темой докладов и продолжительных дискуссий стал проект «Положения о монастырях и монашестве», подготовленный комиссией Межсоборного присутствия по вопросам организации жизни монастырей и монашества.

В результате двух дней работы конференции, проходившей в атмосфере братского общения и живого обмена опытом, были подтверждены основополагающие принципы проекта документа «Положение о монастырях и монашествующих».

Завершая работу конференции, участники постановили:

I. Выразить глубокую сыновнюю благодарность Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу, благословившему проведение данной конференции, что стало еще одним свидетельством постоянной отеческой заботы Предстоятеля Церкви о дальнейшем благоустройстве монашеской жизни.

II. Особую благодарность выразить Его Святейшеству за Первосвятительскую поддержку и постоянное содействие в разработке проекта «Положения о монастырях и монашествующих».

III. Передать молитвенные благодарения Преосвященному Афанасию, митрополиту Лимассольскому, и Афонской братии за глубокосодержательные доклады и комментарии, давшие возможность всем участникам приобщиться к древним духовным святоотеческим традициям и по-новому осмыслить основные положения монашеской жизни.

IV. От лица всех монашествующих выразить глубокое сердечное соболезнование и молитвенное сопереживание монашествующим святым обителей и всем православным христианам, страждущим от гонений в Сирии.

V. Признать представленный проект «Положения о монастырях и монашествующих» достаточно подготовленным для прохождения дальнейших этапов общецерковного обсуждения.

В отношении вопросов, связанных с обсуждением проекта «Положения», подчеркнуть следующее:

– в «Положении о монастырях и монашествующих» сформулированы основополагающие принципы монашества. Целью монашеской жизни является наиболее полное единение с Господом через исполнение заповедей о всецелой любви к Богу и ближнему путем аскетического делания, переданного святыми отцами и осуществляемого благодатью Святого Духа в Церкви. Жизнь монаха основывается на покаянии и выражается в исполнении обетов целомудрия, послушания и нестяжания. Давая обет целомудрия и отказываясь от земного брака, монах обретает таинственный брак души с Небесным Женихом – Христом. В обете нестяжания монах отказывается от надежды на вещественные блага и тем самым всё упование целиком возлагает на Бога, в котором и обретает свое главное сокровище. Истинный монах есть тот, кто ничего в этом мире не имеет, кроме одного Иисуса Христа. В обете послушания, отрекаясь от своей воли, монах стремится подражать Христу в его послушании Богу Отцу и тем самым обретает опытное познание воли Божией. Жизнь внутри монашеской традиции возможна только при присутствии духовного руководства. Дух Святой действует в Церкви, и в ней всегда будут святые, пророки, духовные наставники. Духовное руководство основано прежде всего на добродетелях послушания и веры. Оказывая послушание игумену/игумении, монашествующий оказывает его не человеку, но Богу. Игумен/игумения монастыря в полноте обладает духовной властью в обители и должен/должна быть образом для подражания братии/сестрам своим личным примером монашеской жизни. Как Христос был для Своих учеников Учителем и Отцом, игумен/игумения обители является для братии/сестер прежде всего духовным отцом/духовной матерью, а не только администратором. Для монашествующего губительно не иметь духовной связи со своим игуменом/своей игуменией. Согласно древней монашеской традиции, игумен/игумения должен/должна со многотью рассудительностью заботиться о гармоничном сочетании телесных трудов и келейных молитвенных занятий братии/сестер, а также обо всех их нуждах. Традиционной обязанностью монашествующих является ежедневное участие во всем суточном круге богослужения. Однако молитвенная жизнь монаха не ограничивается временем церковного богослужения и келейного правила, но продолжается в непрестанном призывании Господа в Иисусовой молитве. Каждый монастырь должен иметь свой внутренний устав, который утверждается правящим архиереем.

VI. Признать полезным для развития монашеской жизни регулярное проведение общецерковных конференций по актуальным темам монашеской жизни с участием представителей Поместных Православных Церквей.

VII. Считать целесообразным продолжение обсуждения и обмена опытом по важнейшим богословским и практическим вопросам жизни современных монастырей и монашествующих на Международных Рождественских образовательных чтениях 2014 года.

**Митрополит Волоколамский
Иларион (Алфеев),
председатель Отдела внешних
церковных связей
Русской Православной Церкви
Монашество остается
авангардом Церкви**

В день выступления на международной богословской научно-практической конференции «Монастыри и монашество: традиции и современность» (Троице-Сергиева лавра, 23–24 сентября 2013 года) председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион ответил на вопросы портала «Богослов.Ру».

– Монашество возникло как духовный авангард Церкви, в котором особую роль играли отдельные личности – аскеты, стяжавшие духовные дары. Сегодня мы видим, что монашество – это церковный институт. Изменились ли в связи с этим задачи монашества? Зачем Церкви этот институт сегодня?

– Во-первых, монашество остается авангардом нашей Церкви: это связано с той особой ролью, которую оно играет в Церкви, по крайней мере, с эпохи иконоборчества. Изначально монашество означало уход из мира, и первые несколько поколений монахов состояли из людей, практически никак не связанных с «миром», если не учитывать, что они постоянно молились за мир. Даже священство считалось поначалу несовместимым с монашеством. Так, например, когда преподобный Савва – основатель нескольких монастырей в Святой Земле – был рукоположен в священный сан, это было настолько экстраординарным событием, что его даже назвали Освященным, то есть священником, человеком, получившим хиротонию.

Но со временем монашество стало занимать все более прочные позиции в Церкви, оно вышло из пустыни, точнее, оно осталось и в пустыне, но монахи стали селиться также в городах, монастыри стали превращаться в крупные просветительские и даже политические центры, и в иконоборческую эпоху именно монахи спасли Церковь от ереси.

Сегодня монашество продолжает играть особую роль в Церкви. В последние двадцать пять лет у нас появилось огромное количество монастырей. Я часто общаюсь на Западе с представителями Католической Церкви, протестантских общин, и они жалуются на то, что молодежь в Церковь не идет, что монастыри закрываются. Я часто вижу в этих краях монастыри, которые строились с расчетом на пятьсот или шестьсот братьев, а сейчас в них живет пять или шесть человек или вообще никто. Говорят, сейчас постхристианская эпоха, призвания монашеские оскудели, но у нас именно в эту «постхристианскую эпоху» открылось 800 новых обителей, тысячи людей приняли монашеский постриг. Это можно объяснить как чудо Божие и,

конечно, как ответ людей на Божие призвание.

Монахи трудятся у нас на разных послушаниях и вне монастырей. Одни служат на приходах, другие – преподают в духовных учебных заведениях, и, наконец, монахами являются все наши архиереи.

– *Если говорить о перспективах развития монашества в Русской Православной Церкви, какие кардинальные направления Вы бы обозначили?*

– Прежде всего, хотел бы сказать, что внутреннее содержание монашества невозможно подменить никакими внешними предписаниями. Если мы не будем делать акцент на внутренней жизни и создавать условий для того, чтобы сердца монахов и монахинь горели любовью к Богу, то пламя, которое сейчас горит ярко, будет постепенно затухать, и мы придем к той же ситуации, к которой пришли христианские общины на Западе. Мы должны, прежде всего, заботиться о том, чтобы приоритетным оставалось именно содержание монашеской жизни, чтобы внешние правила не выхолащивали тот внутренний подвиг, который является сердцевинной монашеской жизни.

К сожалению, с этим у нас не все благополучно: на первое место порой ставятся так называемые послушания – причем физические, часто механические. Они отнимают все время и все силы монашествующего, и, когда человек добирается до своей кельи, ему уже ничего не хочется, потому что наутро надо снова рано вставать на братский молебен и полунощницу. Должно быть сочетание трудов физических с участием в богослужении, причем активным участием.

На конференции справедливо говорилось о том, что Причащение должно быть основой духовной жизни монахов. Практически каждый день монахи присутствуют на Божественной литургии – и что, собственно, препятствует им причащаться? Мирянам трудно причащаться каждый день, но для монахов это вполне нормально и естественно, поскольку всю свою жизнь они отдают Богу и каждый день начинают с Евхаристии. Я думаю, акцент на духовной жизни поможет нам сохранить тот огромный потенциал, который мы за последние двадцать пять лет накопили и который не имеем права растерять.

– *Если мы сравним образ жизни монастыря и прихода в России и других Поместных Церквях, то заметим существенную разницу. У нас жизнь прихода, как правило, стремится к монастырскому укладу – и наоборот. В то же время в Элладской Православной Церкви есть существенная разница между уставом и отношением к строгости поста. На Ваш взгляд, имеет ли смысл в Русской Православной Церкви говорить о важности появления – в расширенном понимании – приходского устава?*

– Думаю, что это очень важно. Фактически такой устав уже существует. Та версия богослужения, которая употребляется на приходах, заметно отличается от той версии, которая употребляется в монастырях. Как-то зафиксировать эту практику, наверное, будет сложно, потому что монашеский типикон продолжает оставаться тем ориентиром, которым пользуются и на приходах, – но пользуются именно в качестве невыполнимого ориентира.

В дореволюционное время наши литургисты понимали, что ни в одном приходе, ни в одном монастыре богослужение не совершается в соответствии с уставом. Когда в Киевской духовной академии решили совершить уставную Всенощную, они к этому готовились целый год и служили ее целую ночь – это стало предметом обсуждения в прессе. Настолько это было необычное событие – всенощная была отслужена в соответствии с типиконом.

Конечно, есть весьма существенное расхождение с типиконом, который иной раз лежит на аналое в алтарях наших приходских храмов, и реальной приходской практикой, но это касается не только самого литургического устава. Это касается и тех правил, которые налагаются на прихожан и имеют монашеское происхождение. Изначально они распространялись только на

монахов и лишь впоследствии стали применяться к мирянам.

Более того, есть такие правила, от которых монахи и священники себя считают свободными, а на мирян их возлагают. Например, традиция поститься перед Причастием. Ведь священники, которые совершают Литургию в воскресенье, не постятся по субботам. Почему же миряне, которые хотят причаститься в воскресенье, должны поститься в субботу, в то время как есть установленные Церковью постные дни: среда, пятница, четыре поста, особые дни постов, такие, как, например, Воздвижение Креста Господня, Усекновение главы Иоанна Предтечи? Зачем возлагать на людей бремена неудобноносимые, когда мы, священники, сами не хотим и перстом двинуть, чтобы их исполнять? Если мы такие ревнители, давайте на себя возложим дополнительный пост перед Причастием. Начнем с монахов, архиереев, батюшек, а потом посмотрим: если сами выдержим, то и мирянам добавим постных дней <...>.

Мы не должны создавать искусственных барьеров между человеком и Богом.

Когда люди приходят в храм, они слышат слова Христа, произносимые устами священника и обращенные ко всем находящимся в храме: «Приимите, ядите, Сие есть Тело Мое»; «Пийте от Нея вси, Сия есть Кровь Моя»; «Со страхом Божиим и верою приступите». Многократные призывы ко всем приступить к Чаше – как можно эти призывы совмещать с возбранением приступать ко Святому Причастию? Священник говорит: «Со страхом Божиим и верою приступите», – а потом прихожане слышат от того же священника, что приступать нельзя, потому что день вчера был непостный или по каким-то другим причинам. Мы не должны быть лицемерами – мы должны воплощать в жизнь то, что написано в наших литургических текстах, иначе наша молитва и проповедь станет «медью звенящей и кимвалом звучащим» <...>

Печатается в сокращении

Беседовал протоиерей Павел Великанов

**Архимандрит Алексей (Поликарпов), наместник Данилова
ставропигиального
мужского монастыря г. Москвы
От России ждут духовной защиты**

– 23–24 сентября 2013 в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре прошла международная богословская научно-практическая конференция «Монастыри и монашество: традиции и современность». Поводом для ее проведения послужило обсуждение проекта документа профильной комиссии Межсоборного Присутствия Русской Православной Церкви – «Положения о монастырях и монашестве». Отец Алексей, поделитесь, пожалуйста, своими впечатлениями о конференции.

– Прошедшая в Лавре конференция – замечательное, яркое и важное событие в жизни монашествующих России. Несколько лет назад я был на подобном мероприятии в монастыре Бозе около Милана, духовном центре Италии, и беседовал с архимандритом Иовом из Свято-Сергиевского богословского института в Париже о том, как было бы хорошо устроить подобное мероприятие для православных России. Тогда конференцию возглавлял владыка Дамиан, глава Синайской Церкви, среди докладчиков были и католики, и православные. Мнение по заявленной теме у докладчиков не противоречило святоотеческому, но интересно было посмотреть на поставленную проблему с разных сторон.

И вот теперь наша страна принимает в Троице-Сергиевой Лавре участников конференции, которые собрались для обсуждения проекта важного документа. Преподобный Сергей встретил нас молитвами, которые начались накануне вечером, и Литургией в Троицком соборе утром перед началом конференции. Заседания проходили в Церковно-археологическом кабинете Духовной Академии, среди святынь, икон, патриарших облачений, в атмосфере подлинно духовной.

На конференции, кроме представителей Русской Православной Церкви, Украинского и Белорусского экзархатов, были гости со Святой Горы Афон, из монастырей Греции, Кипра, Сербии, Польши, Болгарии, Германии.

Примеры, которые приводили докладчики в своих выступлениях, исходили из личного опыта людей, живущих монашеской жизнью. Полезно делиться друг с другом добрым, видеть положительные примеры, но и отрицательные – тоже не замалчивались. Вопросы поднимались разные – острые, злободневные, требующие принятия решений. Хочется верить: если что-то будет меняться, то в лучшую сторону. Впрочем, это зависит от нас самих, от того, как мы, монахи, усвоим святоотеческие истины.

Теперь, когда мы регулярно стали обсуждать вопросы монашества в Синодальном отделе, на встречах профильной комиссии Межсоборного Присутствия и даже на конференции, мы отмечаем как недостатки современной монастырской жизни, так и ее

положительные стороны. Можно сказать, что на конференции наши проблемы обсуждались Вселенским Православием, и я весьма признателен председателю Синодального отдела по монастырям и монашеству, архиепископу Феогносту за то, что Его Высокопреосвященство активно трудится, вовлекая и нас в этот процесс.

– На конференции мы стали свидетелями обсуждения тех самых вопросов, которые придали остроту интернет-дискуссии. Архиепископ Лимассольский Афанасий, например, говорил в своем докладе об отношениях архиерея и игумена. Его Высокопреосвященство, будучи одновременно архипастырем, игуменом монастыря и духовником, рассказывал об опыте тех лет, когда он был только игуменом, потом делился опытом Преосвященного. Кажется, собравшихся очень тронули слова Владыки, когда он призвал любить епископов как отцов Церкви. Батюшка, как Вы думаете, насколько опыт других Церквей применим к нашей действительности?

– Я думаю, всё надо воспринимать с рассуждением. У нас вопрос отношений епархиального архиерея и игумена не стоит так остро, хотя бы потому, что у нас нет такого понятия – «отношения», у нас есть принцип послушания. Настоятели монастырей зачастую назначаются архиереем или Патриархом. Священноначалие считает, что именно этот человек может и должен быть именно на этом месте, а человек, в свою очередь, оказывает послушание своему Предстоятелю и Церкви. У нас нет таких монастырей, которые не подчиняется архиерею, как в Греции. Мы благоговейно исполняем благословения священноначалия и молимся о том, чтобы всё было спасительно и правильно.

– Еще одна тема, обсуждаемая в сетевой дискуссии, прозвучала в докладе митрополита Илариона, утешив сторонников выборности игумена...

– Мне кажется странным, что миряне так активно обсуждают этот вопрос в Интернете, ведут дискуссии по этому поводу. Мне кажется, нет смысла так заострять его. Жизнь монаха – послушание и благословение. В Почаевской Лавре был период, когда монахи выбирали себе заместителей, и каждая «партия» – выбирала своих. Одни были «Павловы», другие «Кифовы», и это не было благом для обители. Думаю, архиерей обладает мудростью, благоразумием, опытом, и не назначит человека, который будет заведомо враждебен к обители, поставит того, кто будет трудиться во благо монастыря, к кому хорошо относятся братья и кто сам является послушником.

– Батюшка, Вы тоже принимали участие в обсуждении докладов и спросили владыку Илариона о мирянах, работающих в монастырях, а именно: возможно ли в условиях российской действительности обойтись без их помощи? На конференции неоднократно можно было услышать, что миряне расстраивают дух обители. Каково Ваше отношение к вопросу присутствия мирян в монастырях?

– Миряне расстраивают дух обители, если приносят то, что противно благочестию. Но если они сами, находясь здесь, подчиняются ритму, живут монастырским духом, чем же они мешают? Если бы у современных монастырей была возможность обходиться без помощи мирян, а братья и сестры всё могли бы делать сами – возможно, это был бы идеальный вариант. Но так не получается, мы немощны и слабы во многих отношениях, мы принимаем мирян как трудников, сотрудников и помощников нашему спасению. И если они трудятся благоговейно, со страхом Божиим, тогда всё во благо.

В современных монастырях жилая территория обители иногда делится на две части: одна сугубо монашеская, а на другой могут находиться паломники – там они трудятся на

послушаниях, молятся, общаются друг с другом, там располагается гостиница. Монашеская территория для них закрыта. В древних лаврах мы видим кафоликон (храм), расположенный посередине, а вокруг – келии, но тогда вокруг не было такого скопления народа, если многие приходили, то все равно каждый знал свое место.

Владыка Иларион в своем докладе говорил и о католических орденах, которые, позволю себе употребить это слово, специализируются на каком-то определенном делании. Подобный опыт было бы, наверное, неплохо применить к нашей действительности, только до этого надо дорасти. В дореволюционной России тоже ведь были разные монастыри. Полуразрушенная и закрытая Нило-Сорская пустынь и сегодня является собой уединенную обитель, а уж во времена преподобного Нила там был особый дух созерцания и молитвы. В обители же преподобного Иосифа Волоцкого развивалось просветительское направление, которое, в свою очередь, тоже служило к умножению монашествующих, потому что ведь не каждый мог сразу идти в пустыню. Монахи занимались просвещением народа и паствы. Оба направления одинаково необходимы Церкви. Один монастырь пашет землю, сеет, другой издает книги. В современных монастырях расположены семинарии и духовные училища, и если монашествующие имеют талант учености, они могут приумножить его. У нас на подворье, например, братия занимается издательской деятельностью – переводят и издают труды святых отцов, богослужебные тексты.

Мы знаем также, что в прежних монастырях часто располагались детские приюты: в мужских – для мальчиков, в женских – для девочек. Воспитанники приютов пополняли монастыри, но совсем не обязательно приютские дети должны были становиться монахами. Вопрос «специализации» обителей может и должен обсуждаться, и по благословению со временем это может получить свое развитие.

– Игумен Дионисий (Шлёнов) в своем докладе говорил о духовной жизни в среде ученого монашества в общежительных монастырях. Он отметил, что если монахи только трудятся и не имеют возможности читать святоотеческие творения, то постепенно теряют смысл монашеской жизни.

– Сейчас в России очень вырос уровень духовного образования монашествующих не только мужских, но и женских монастырей. Монахи мужских обителей очень часто учатся – в семинарии или в академии, в богословском институте. Возможность учиться есть и у насельниц женских обителей – сейчас во многих из них организованы курсы духовного просвещения. Нередко инок чувствует, что у него недостаточно знаний и есть к этому тяга, тогда он может продолжить учиться в соответствующем учебном заведении.

– Батюшка, говорят, что сейчас меньше людей стремится к монашеству?

– Действительно несколько меньше, но ведь и монастырей стало больше, и демографическая ситуация изменилась, и состав монастырей заметно обновился. Сейчас больше, чем в прежние годы, молодежи ищет монашеской жизни.

– После конференции осталось ощущение, что монахи разных стран любят Россию и с надеждой смотрят на нас. Батюшка, как Вы думаете, чего ждут от России христиане мира?

– С этим можно согласиться. Ждут, что Россия возрастет духовно, и не только монашество, ведь пополняют монастыри – миряне; и христиане разных стран надеются, что в лучах благодати, идущей от России, получают духовную защиту, что страна наша скажет слово в защиту обиженных и угнетенных. По примеру Сирии мы видим, что

Церковь говорит свое слово. Итоговый документ конференции отразил отношение участников к сирийской проблеме, их равнодушие к участи других людей.

Беседовала Екатерина Орлова

Игумен Антипа, настоятель кельи св. прав. Анны

(Святая Гора Афон)

**Святость – это долг и обязанность
всех нас**

– Дорогой отец Антипа, благодарим Вас за согласие дать интервью нашему portalу. Святая гора Афон всегда была центром духовного окормления не только монашествующих, но и мирян. Об этом сегодня и хотелось бы поговорить. Мы знаем, что психология и различные психологические практики занимают огромное место в жизни современного человека. Является ли такой интерес к психологии следствием неспособности Церкви ответить на запросы души нашего современника, или это исключительно проблема, находящаяся в плоскости «вера и неверие»?

– Подобное явление можно наблюдать и у нас. Некоторые люди обращаются к психологам, но обычно они снова возвращаются в Церковь, к духовникам. Ведь психологи следуют некоей методике, но сами не имеют ясных ответов. У большинства из них, как правило, у самих имеются проблемы, и часто психологи запутывают людей еще больше. Тем, кто участвует в Таинствах, особенно в Таинстве исповеди, и вообще меняет, если использовать морскую терминологию, курс плавания, – удается найти свой путь и без психологов.

*Церковь – настоящая лечебница наших душ. В Церковь мы все приходим, как недужные приходят в больницу. Мы приходим, не чтобы исправить, но чтобы исправиться; не чтобы изменить, но чтобы измениться. И чем дольше мы живем согласно указаниям Церкви, я бы сказал, по закону Божию, поскольку именно Церковь продолжает спасительную миссию Господа, – тем в большей степени разрешаются и наши психологические трудности, число которых, к сожалению, в наше время умножилось именно по той причине, что мы не ищем Христа: как говорят Отцы, *Сокровенного, Который скрывается в заповедях*. Мы почему-то считаем, что святость – это дар, который дается немногим, тем, кто, быть может, вызывает бóльшую симпатию у Бога, а это – ошибка. Святость – дорога, по которой мы все должны идти, потому что никто не может войти в рай, если не пройдет по этой дороге. Святость – долг и обязанность всех нас. На этом пути только Церковь может выступить помощником и настоящим врачом, потому что ее Основатель и Глава (мы знаем, что Церковь – таинственное Тело Христа) – единый Врач душ и телес.*

– Если мы затронем тему психологического здоровья многих верующих людей, то мы с удивлением обнаружим, что здесь далеко не всё так прекрасно, как хотелось бы. У апостола Павла мы читаем, что плоды действия благодати Святого Духа – это любовь, радость, мир, кротость, благодать, то есть все положительные черты состояния души. Но в то же самое время мы часто видим глубочайшее уныние, в котором живут люди, а вовсе не

радость во Христе. Это связано с тем, что не стоит искать в христианстве умиротворения души помимо Христа, либо с тем, что они ищут неправильно?

– То, что некоторые люди даже в Церкви имеют душевную смуту (ведь речь идет именно об этом), связано со многими причинами. Ясно, что имеет место недостаток веры, целенаправленного, скажем так, устремления к святости. В некоторых случаях можно говорить о том, чтобы отсылать людей к хорошим психологам, которые являются верующими людьми и в своем врачебном деле многое черпают из веры.

То, чего не хватает людям, страдающим душевно, и в той или иной степени нам всем, самое трудное на нашем духовном пути – это не что иное, как любовь к Личности Христа. Оттого, что мы не любим Христа как должно, возникает много побочных явлений даже в Церкви, и в каждом из нас лично, и вообще.

Отец Порфирий^[175], с которым мы имели честь быть знакомы (вы, наверное, читали и знаете о нем – это великий старец!), советовал всем здоровым и в еще большей степени тем, кто испытывает психологические трудности, одно единственное лекарство – любовь ко Христу. Я бы еще добавил молитву, этого нам тоже не хватает. Часто мы приходим в Церковь и жалуемся на жизнь (и здоровые тоже): все время о чем-то просим, нам все время что-то нужно, но при этом забываем о славословии. Люди, которые все время славят Бога, имеют внутреннюю полноту, и их душевные раны затягиваются очень быстро.

Замечено, что люди, которым мы давали такой совет – если мне позволительно так сказать – те, кому мы помогаем, насколько возможно, духовно, – эти люди через некоторое время вышли на правильный путь, более здоровый. По меньшей мере, их состояние стало намного лучше того, в котором они жили прежде. На это (любовь ко Христу и молитву) я хотел бы обратить особое внимание, поэтому повторяю еще раз: если мы будем стараться, мы можем освободиться от многих грехов, можем обрести какие-то добродетели, но самое сложное заключается именно в этом. А мы оставляем это где-то в стороне, нас это не очень заботит, хотя, как говорят Отцы (у аввы Исаака Сирина есть много замечательных высказываний о том, что именуется божественной любовью), нужно достигнуть того, чтобы при произнесении только имени Иисуса наши глаза наполнялись слезами как изливанием внутренней радости и веселия, происходящим от любви. Где-то в другом месте авва Исаак Сирин говорит, что даже Иисусова молитва («Господи Иисусе Христе, помилуй мя»), в которой усердно упражняются и многие миряне, пытаюсь научиться непрерывному молитвословию, совершается только для того, чтобы в этой молитве нам открылись причины любви ко Господу. Вот этого сегодня как раз не хватает. Вы видели это и в вашей недавней истории: те, кто горели любовью, сподобились мученического венца.

Отец Софроний в Эссексе^[176], известный и у вас, ваш соотечественник, говорил: даже слезы покаяния не текут, когда нет любви к Личности Христа.

Следовательно те, кто переживают сложные душевные состояния, должны вообще вести интенсивную духовную жизнь, иметь духовника, участвовать в Таинствах, я это повторяю, но и иметь литургическое, я бы так сказал, воспитание. Чтобы они знали, как ценно участие, в первую очередь, в Таинстве Божественной Евхаристии; чтобы они причащались как можно регулярнее, если разрешает духовник. И чтобы они не сомневались, что со временем эти душевные раны заживут. К сожалению, сегодня уже дети с очень раннего возраста душевно изранены. И среди тех, кто приходит в монашество, многие приходят, я бы сказал, усталыми. Поскольку чем раньше человек узнает грех,

усердствует в нем, совершает его, тем больше грех отягощает его душевно. И видишь еще совсем молодых ребят, которые должны были бы в их возрасте буквально летать, а они приходят уже чрезвычайно усталыми с тем, чтобы принять груз, который и так сам по себе тяжел – нелегко жить монашеской жизнью. В свои невинные детские годы они отяготили свою душу чем-то, что нанесло ей раны. Иногда они в этом не виноваты: многие из разведенных семей, из разрушенных семей; но это происходит и из-за греха, который сегодня так щедро предлагается дьяволом через все современные средства.

Думаю, вы тоже встречали старых, более простых людей, которые возвращали внутри себя это пламя божественной любви к Личности Христа. В них не было и малейшей душевной смуты. Они могли быть совсем необразованными или малообразованными, но от своих родителей или какого-нибудь священника они научились любить Христа, и эта любовь для них – всё. Потому что средоточие их жизни не их «я», не человеческие вещи и даже не сама эта жизнь, но – Бог.

– В книге преподобного старца Порфирия есть потрясающее утверждение, что человек, который бьет поклоны в храме, причащается, чувствует некое действие божественной благодати, но внутри него все мгновенно вспыхивает как только, выйдя из храма, он слышит некий укор в свой адрес, – что этот человек – бесноватый.

– Такое дурное состояние возникает и от характера человека, в котором нет послушания воле Божией. Раз уж об этом зашла речь, – христианин и не христианин, любой человек должен эту отраву, именуемую гневом, совершенно изгнать из себя. Нужно бороться с этим. Конечно, это порождение эгоизма, и человек вообще должен бороться со своим эгоизмом, но особенно с гневом. Потому что гнев – это настоящая отравка, вызывающая и телесные болезни, но, что хуже всего, он создает дурную обстановку вокруг этого человека.

Когда в семье есть гневливый человек, из-за него всё в доме переворачивается вверх дном. Как говорит святой Иоанн Лествичник (он говорит о гневливом игумене), – это то же, что лиса в курятнике. Так же в семье. Люди должны быть кроткими и мирными. Конечно, кротость и мир происходят от общего духовного состояния, но всем нам нужно быть особенно внимательными к гневу.

– Но приходится часто встречать в православных семьях, которые, естественно, стараются бороться с гневом, что гнев загоняется глубоко внутрь души и действительно становится источником серьезных, в том числе и телесных заболеваний. Ведь способность к гневу вложена Богом для того, чтобы мы на подсознательном уровне противостояли недолжному, греховному.

Хотелось бы услышать от вас совет, как правильно переориентировать гнев с людей с обстоятельством – на это недолжное.

– Необходимо приложить много усилий. Гнев, как вы сказали, естественное проявление. Но Бог вложил его в нас, как говорят Отцы, чтобы мы обращали его против бесов и против дел, на которые нас подвигают бесы. Прежде всего, человеку нужно бороться всякий раз, когда он чувствует это расположение, это движение к гневу, когда задет его эгоизм. Первое, что ему нужно сделать, это принудить себя изо всех сил подавить его, уйти в этот момент – лучше уйти, чем продолжать беседу или разговор. Некоторые думают, что они могут гневом исправить ближнего или члена своей семьи. Но мы все замечали, что когда мы находимся в состоянии гнева, то из мухи делаем слона. Мы предпочли бы, чтобы нам дали совет или сделали замечание, когда мы будем в спокойном

и мирном состоянии. Тогда нам будет легче воспринять эти слова, замечания или уговоры. Это требует сильного понуждения себя.

Я знаю одного игумена в Греции, который от природы гневлив, и однажды он мне сказал: «я сломал себе зубы, сжимая рот, чтобы промолчать, не наговорить дурного, не высказаться в тот момент, когда меня душил гнев; потому что я всецело предался гневу». Можно привести и более старый пример из Древнего патерика, как в устах одного старца слово оскорбления сделалось кровью, – настолько он сдерживался, боролся с собой, чтобы не ответить брату: он выплюнул кровь, успокоился и забыл оскорбление.

Пророк царь Давид что советует, что говорит? – «По слову уст Твоих, я охранял себя от путей притеснителя».

Это часть общей борьбы, которую мы ведем за то, чтобы созидать себя, чтобы враг был изгнан и победил Христос. Потому что страсти, и страсть гнева тоже, как говорят Отцы, – это *бесы суть*. По слову св. Иоанна Златоуста, в молитве совершается вся брань, чтобы враг был изгнан и победил Христос; но вместе с тем нужно прикладывать все усилия, чтобы отсечь всякий грех, насколько нам это возможно. Хотя Отцы, конечно, не используют такие слова, как «отсечь» или «изъять», а говорят о том, чтобы претворить страсти в то, что свято.

Потому что происходит отклонение от, скажем так, правильного действия страсти... Как с любовью. Любовь – это страсть; но когда она относится к Богу, это божественная любовь, как говорят Отцы. Конечно, мы перенесли это выражение на личные отношения, в первую очередь, на отношения между двумя людьми, которые влекутся друг к другу, особенно мужчина и женщина. По-нашему, тут любовь. Но в наших отношениях с Богом речь идет о божественной любви. Если мы не растим нашу любовь правильно, чтобы она была обращена к Богу как божественная любовь или к человеку – *возлюби ближнего твоего, как самого себя*, – тогда любовь может стать страстной. Стало быть, здесь имеется некоторая путаница, и «претворить», действительно, более правильное слово: мы не можем изъять из себя страсть любви, но мы можем изъять дурную часть любви – страстность.

Так и с гневом, если гнев обращается против страстей, против бесов. Но не в том смысле, что мы их обзываем бранными словами... Прп. Исаак Сирин говорит, что и монаху, и всякому христианину (ведь православная духовность по сути одна, нет разделения на женатого и неженатого), что нам всем нужно подвизаться со тщанием и упорством. Потому что двери в рай – как бы ни хотелось, чтобы они легко отрывались, – не открываются без труда. Мы должны бороться по-настоящему, так, чтобы молитвой очистить себя и любить всех, как говорит прп. Исаак Сирин, чтобы сердце горело за все творение, даже за бесов, чтобы даже им мы желали снова обрести свой путь к Богу, соблюдать Божию волю, чтобы они не потеряли рай.

Мы должны иметь такое помышление, чтобы даже камни не попали в ад, но чтобы все попали в рай. Вот какой у нас должен быть мысленный настрой, и тогда мы сможем помочь себе и другим. «Себя и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим».

– *Хоть вы и упомянули, что нет никакой специфической мирской или монашеской духовности, но все равно есть существенная разница между образом жизни человека в монастыре и семейного – с детьми, с супругой, с родителями живущего в миру.*

И в России мы наблюдали следующую картину: когда люди стали входить в Церковь и читать аскетическую литературу, они пытались применить эти наставления к своей

семейной жизни. Чаще всего это заканчивалось печально.

О чем самом главном должен заботиться семейный человек, стремясь к полноценной духовной жизни в миру?

– Сперва я хотел бы, действительно, пояснить: различия, конечно, есть, но, в общих чертах, евангельская истина – одна для монаха и мирянина. Как я уже говорил, православная духовная жизнь, завещанная нам от Отцов, это жизнь аскетическая, хотим мы того или не хотим.

Аскетический дух был, есть и должен пребыть в Церкви. Церковь не может быть иной, она не может быть обмирщенной. Это искушение.

Поэтому существует и необходимо существовать аскетизму в монастырях, и не только среди нас, в отдалении на Святой Горе, но и повсюду должны быть монастыри, чтобы удерживать, я бы сказал, равновесие в мире. Церковь в миру, где имеется искушение обмирщения, может в большей степени, скажем так, применять икономию, но пусть тут будут и монахи, которые пытаются сохранять точность, евангельскую точность – акривию, чтобы мир, глядя на них, получал пользу.

Конечно же, имеется различие в том, как мы ведем духовную жизнь.

Мы, монахи, должны вести ее в полноте, насколько это возможно, ведь мы тоже люди, «несущие плоть и живущие в мире». Но обязательно и те, кто в миру, пусть в другом ритме, сообразно их времени, профессии, обстановке, в которой они живут, – должны найти такой способ, чтобы сохранять, насколько возможно, православную духовность. Только обязательно с помощью и под руководством духовника.

Даже чтение духовных книг, даже, я бы сказал, обязанность изучать, главным образом, закон Божий, а также святоотеческие тексты (ведь христианская словесность – одна из самых ценных вещей в этом мире!), – даже в этом необходимо руководство. Потому что человек может легко запутаться в некоторых вещах, к которым он еще не готов; он может забежать вперед и вкусить райские плоды, которые ему до времени не дозволены. В этом случае он точно впадет в заблуждение и может разрушить свою семью. В Греции тоже бывало такое. Поэтому необходима большая осмотрительность и неизменное послушание духовному отцу и его руководству.

– Сейчас в Русской Церкви идет активная дискуссия вокруг вопроса частоты причащения.

Хотелось бы услышать от вас как духовника многих мирских людей, какие правила вы предписываете мирянам, желающим часто, еженедельно причащаться, как в отношении объема молитвенного правила, в отношении строгости соблюдения поста, в отношении супружеских отношений, всех тех вопросов, с которыми естественно сталкивается мирской человек.

– Это очень важный вопрос. И ответ на него должен быть совершенно духовным, потому как иначе и быть не может, когда речь идет о Телe и Крови Христовых. Мы должны готовиться так хорошо, как только можем, несмотря на то что Божественное Причастие – дар. И человек, живи он хоть пятьсот лет, готовясь причаститься один только раз, и будь он святой, величайший святой, тем не менее, подходя к Причастию, недостойн именно потому, что Божественное Причастие – дар.

Но, как вы знаете, всё, даже создание мира, произошло для того, чтобы мы могли причащаться Телe и Крови Христовых. Ни по какой иной причине! Божественная природа недостижима, человек не может увидеть Бога, соединиться с Богом иным способом, кроме

того, который избрал Бог. А именно: Он создал этот мир, воплотился, заимствовал плоть у Богородицы. И мы можем понять, какое значение имеет Богородица в жизни Церкви и в личной жизни каждого из нас.

Святой Григорий Палама говорит, что весь мир, все творение было создано, чтобы появилась Богородица.

Всё, и Крестная жертва, и Воскресение были для того, чтобы дать нам возможность причащения. Чтобы Святой Дух нисшел и через священство, дарованное Богом в Своих апостолах нам, жалким и недостойным, мы могли причащаться Тела и Крови Христовых. Таким образом, причащаясь Тела и Крови Христовых, мы всецело соединяемся со Христом-Богочеловеком и в лице Христа – с Троичным Божеством.

Это величайшая вещь! В этом проявляется величие любви Божией. И как говорит св. Василий Великий, Бог велик Сам по Себе; Он велик, потому что Он может стать мельчайшей крупинкой, чтобы Его принял в себя каждый человек, и в этой крупинке – весь Христос. Чтобы человек таким образом жизнью познавал Таинство Святой Троицы, и даже соединился бы со Святой Троицей.

Поэтому от всех нас требуется чистота, насколько это возможно для человеческой природы и доступно нашим усилиям. Потому что, по слову опять же св. Григория Паламы, всемогущий Бог может сделать всё, кроме одной или, пожалуй, двух вещей: соединиться с нечистым человеком и стеснить свободу и сознание человека, Бог уважает их.

Таким образом, всю жизнь должно быть это устремление, это пламенное желание. Что сказал Господь апостолам? – *Очень желал Я есть с вами сию пасху*. Вот это пламенное желание мы и должны растить в себе. И чем глубже духовная жизнь, тем больше это желание. Мы видим в житии прп. Марии, что хотя она буквально летала, перемещаясь из одного места в другое, переживала духовные состояния, непостижимые нашему окаменевшему уму и нашему нерадению, – о чем она попросила прп. Зосиму? «Только причаститься я желаю», – сказала она.

Не говоря уже о других примерах, когда Бог через ангела Своего давал Святое Причастие людям, находившимся вдали от алтаря.

Так что совершенно необходима исповедь духовному отцу, чтобы мы исповедали наши грехи. Ведь мы знаем, что грехи – это стена, так их определяют Отцы: стена между Богом и нами, а значит, и между нами и другими людьми. Грех отделяет человека от Бога, но и от ближнего. И в этом задача духовника: примирять грешника с Богом. Когда человек очистится таким образом, и еще постом, хоть это и не является необходимым условием, но служит ко спасению, ибо помогает личному очищению, человек должен попоститься и очистить себя молитвой, насколько ему возможно, – и вот тогда с усиленной молитвой да приступит к Причастию.

Мы не можем говорить: один, или два, или три раза в неделю. Василий Великий сказал, что христиане обычно причащаются четырежды. Кто-то может и каждый день причащаться, если он действительно желает причаститься. Наверное, каждое воскресенье – самое лучшее для мирян. Они могут подготовиться. Но тот, кто причащается в воскресенье, обязательно должен поститься в среду и пятницу. Если не может без масла, из-за того что работает, – пусть ест масло. В субботу также следует поститься, но с маслом. Потому что, как мы знаем, только в великую субботу не вкушается масло, а во все остальные вкушается. Вечером следует съесть что-нибудь легкое, какой-нибудь фрукт, а на следующий день с чистой совестью... Но этого недостаточно. Нужно получить прощение и

простить, чтобы в человеке не было злопамятности, ведь это худшая из страстей.

Человек может и наесться досыта, и после еды причаститься и иметь такую благодать и такую любовь...

В Греции был один священник, который совершал чудеса. И знаете, что он делал? Он ел перед Причастием. Об этом узнал местный епископ, позвал его как-то и говорит: «Как ты готовишься к Литургии, геронда?» А епископ слышал, что тот творит чудеса. Это было на Эвбее. Так случилось, что Григорием звали и епископа и этого священника. «Как ты, – говорит, – готовишься служить Литургию?» Человек ему со всей простотой отвечает: «Я стараюсь всех простить и чтоб меня все простили. Утром просыпаюсь, умываюсь, ставлю мою попадью готовить – она готовит прекрасную еду на всякий день, и, поев, иду служить». Епископ ему говорит: «Как же ты, батюшка, причащаешься на полный желудок?» – «Не понимаю, – отвечает батюшка со всей простотой, – а как же? Чтоб я делал, как другие, которые сперва причащаются, а потом набивают брюхо всякой едой и напитками, и Христос под всем этим? Я хочу, чтоб Христос был сверху». Епископ удивился его простоте и понял, что по своей простоте он и творит чудеса, и Бог благоволит к этой его простоте.

Так что это не так необходимо; то есть это необходимо, но тогда, когда сопровождается внутренним старанием иметь любовь, иметь смирение. Потому что, если постится гневливый, если постится эгоист или тем паче любящий наслаждения, какая ему польза, даже если он приступит к Таинству Божественной Евхаристии? Итак, все это делается и должно делаться, чтобы преобразился весь человек. Поступая так, он и в святости будет преуспевать с тем, чтобы обрести рай, соединиться с Богом, достичь обожения. Но и в этой жизни он, действительно, может наслаждаться великим даром – Божественной Евхаристией, дарованной нам Богом.

Если у нас есть немного времени, я бы хотел еще вот что сказать. Вам это, наверное, лучше известно, но думаю, вы со мной согласитесь. Если коммунистам не удалось уничтожить Церковь, чего они, конечно, хотели, то им это не удалось, потому что они позволяли – там, где позволяли – служить Божественную литургию, но запрещали проповедь. А если бы они разрешали говорить проповедь, но запрещали бы богослужение, то сегодня верующие в России, я в этом твердо убежден, были бы протестантами со множеством деноминаций, как в Америке, и не были бы верными православными христианами. Нас держит Божественная литургия.

И еще. Наша Церковь жила без Евангелия. Что я имею в виду? В первые годы христианства Евангелия не было, было только святое Предание. Из уст в уста апостолов. Христос как учитель не оставил письменных текстов. Почему? Потому что Он говорил с людскими сердцами. Так же и апостолы. Постепенно из-за того, о чем я раньше говорил, из-за обмирщения и расслабленности решили сесть и записать все это, чтобы люди не забыли. Но без Божественной литургии Церковь не жила ни одного дня. Горе нам, если прекратится Божественная литургия, тогда наступит конец света, это точно.

И те, кто готовят приход Антихриста... Когда-нибудь он придет, когда – мы не знаем, и нас это и не занимает; а занимает нас, как Христу войти в нас, в нашу жизнь, в наши дома, в наши монастыри и повсюду в мире, если возможно, – вот что нас занимает. Но когда этот противник придет, он постарается прекратить Божественную литургию, потому что он не сможет делать свои дела, когда рядом будет раздаваться: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа». Это нарушит его планы. Вы, наверное, слышали про Нью

Эйдж.

Нью-эйджеры первым делом попытаются остановить Божественную литургию.

– *Спасибо большое, отец Антипа, за такую потрясающую по своей глубине и важности для наших верующих людей проповедь. И хочется просить ваших молитв и о тех, кто спасается в монастырях, и о тех, кто пытается обрести Христа в своих семьях.*

– Спасибо вам, что вы дали мне замечательную возможность поговорить об этих вещах. Надеюсь, что я ответил на ваши вопросы и удовлетворил ваше желание услышать, скажем так, слово с Афона. Но поскольку мне в первый раз предоставляется возможность сказать это так, чтобы это услышали многие в Русской Церкви, позвольте мне выразить благодарность за стольких мучеников, которых вы дали Церкви. Ведь Церковь орошается кровью мучеников и не живет без опыта святых. Так будет всегда, и мы видим это сейчас в Сирии и, быть может, в Египте. Православные христиане, миряне и священнослужители, не перестанут проливать Свою кровь за любовь ко Христу.

Еще я хочу сказать спасибо за православную, если можно так выразиться, русскую духовность, которая во многом стала известна благодаря монастырю Параклета^[177]. С детских лет мы очень много читали о русских святых и нам стали дороги те места, где жили эти святые отцы, и тем паче сами святые отцы, которые, на самом деле, помогли и нам здесь. Ведь Церковь одна: нет греческой и русской Церкви. Все мы дети Божии, все мы от одной купели. И Бог, как мы знаем, не считает число миллионов, но Он эти миллионы православных ставит на весы. Будем надеяться, что мы все окажемся в чашечке весов, склоняющейся к Богу, чтобы Он даровал нам Свою милость.

Потому что в этом мы все нуждаемся, и Он даст нам ее, если мы будем верными чадами Православной Церкви.

Интервью порталу Богослов.ru

**Игуменья Викторина (Перминова), настоятельница
Богородице-Рождественского
ставропигиального
женского монастыря**
**Жизнь по любви, или еще раз
о монашеских правилах**
**Размышления
о Международной богословской
научно практической конференции
«Монастыри и монашество:
традиции и современность»**

Конференция «Монастыри и монашество: традиции и современность», прошедшая в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре 23–24 сентября, на мой взгляд, принесла большую пользу ее участникам и всем, кто следил за ее работой и ознакомился с материалами. Председатель Синодального отдела по монастырям и монашеству Архиепископ Сергиево-Посадский Феогност и многие участники обратились к игуменам и игумениям с просьбой высказать свои мысли по поводу конференции и обсуждавшихся на ней вопросов. За послушание, присоединю к общим высказываниям и свои размышления, делюсь впечатлениями и надеюсь внести малую лепту в работу над «Положением о монастырях и монашествe».

Сделанные на конференции доклады были не только содержательными, полезными и затрагивающими самые актуальные вопросы жизни монастырей и монашествующих – они еще раз подтвердили ту истину, что слово от опыта действительно, и что Дух Божий всегда живет и действует в Церкви.

В канонах и правилах Отцы, движимые любовью к людям, разъяснили, как исполнить то, что может быть непонятно не исполняющим или неправильно исполняющим заповеди, и, соответственно, не понимающим их духа и назначения. В данном случае невозможно переоценить значение для каждого из нас добродетели послушания, на которой зиждется монашество, да и духовная жизнь вообще.

Человек не может правильно судить о том, чего не понимает – он может лишь довериться понимающему, тому, кто является для него безусловным авторитетом. Как сказал в своем докладе митрополит Волоколамский Иларион об отношении послушника к духовному наставнику: «Полезность послушания несомненна и освящена многовековой историей монашеской святости. Основа этого послушания – любовь монаха к своему

наставнику и доверие к его духовному опыту». Те же духовные законы действуют в отношении послушания Церкви. Когда в сердце есть хоть небольшая вера в то, что Дух Святой и сегодня продолжает действовать в Церкви, тогда правила Святых Отцов и постановления Священноначалия становятся помощниками на пути спасения. В них раскрывается любовь Божия к человеку и возможность ответно развивать в себе веру и любовь.

Во время дискуссии Высокопреосвященнейший Владыка Афанасий, митрополит Лимассольский, сказал: «Хороши канонические постановления, и они должны быть почитаемыми и уважаемыми. Не бойтесь постановлений: нам Христос дал Евангелие, и каждый день мы предаем Евангелие и не боимся. И Евангелие, которое является Словом Божиим, не могло повлиять на нас! Человеческие постановления наших отцов и братьев – только для того, чтобы нам помочь. Положения боятся люди бесчинные, а истинный монах на все, что бы ему ни сказали, ответит: “Буди благословенно”». Проведенная конференция еще раз подтвердила, что опыт святых отцов оказывается сегодня не менее востребованным, чем в древние века. Глубоким и интересным был доклад игумена Дионисия (Шлёнова), раскрывший богатство канонического и богословского содержания монашеских обетов.

«Положение о монастырях и монашестве» призвано стать общим основанием, на котором всякая обитель, имеющая, несомненно, свои особенности, смогла бы развивать и совершенствовать себя в духовной жизни. Об этом принципе составления «Положения» неоднократно говорил на конференции Владыка Феогност, а один из докладчиков, игумен Антипа, выразил его известными словами: «В существенном – единство, в том, что менее существенно, – свобода, во всем – любовь».

Жизнь всех обителей, как и каждого монастыря, в своем идеале – литургична. Этим словом можно определить не только тесную связь монашеской жизни с Богослужением, но и выразить хождение перед Богом и живой союз с Ним всего братства или сестринства, и, конечно же, каждого насельника. Сердцем обители, которое поддерживает эту жизнь, в том числе и своей молитвой, следит за неформальным, но внимательным и точным исполнением монастырских правил, должен быть игумен или игумения. Об этом прекрасно говорили иеромонах Хризостом из монастыря Кутлумуш и игумения Феоксения (о. Крит). Своим примером, искренней молитвой и любовью, выражаемой в несении тягот вверенных духовных чад, настоятельствующие могут расположить к доверию и сделать многое для спасения душ пасомых.

Митрополит Афанасий Лимассольский, во время обсуждения его доклада, дал такой ответ: «Я считаю, что почтение и благоговение к игумену не является внешним настойчивым приказом, но, как говорится по-гречески, естественно предлагается. Христос сказал, чтобы вы были градом, стоящим наверху горы, который видит весь мир. Имейте добрые дела – дела молитвы, любви, почтения, и постепенно придут те люди, которые захотят к нам приблизиться. Это не происходит насильственным образом, ни с каким бы то ни было применением искусственных средств. Это происходит по совету, с любовью и внутренней добротой, со смирением – и именно здесь ты и приобретешь брата. <...> Мы начинаем сами с себя, и мы признаем перед Богом нашу духовную нищету. Смиренного человека просвещает Дух, что он должен делать. Игумения должна подвизаться в молитве Божией, в молитве Иисусовой. У нас могут быть тысячи экономических проблем, но мы должны молиться. Кто-то написал: “У меня сегодня

много работы, и я не могу молиться”. А кто-то другой написал: “У меня сегодня много работы, и я должен молиться”. Не бойтесь: если мы молимся, Бог будет с нами. Молюсь – это не означает, что я закрываюсь в своей келье. Это значит, где бы я ни находился – в дороге, в кабинете, среди животных, на послушании – я призываю Имя Христово. И пророк Моисей не был только в скинии: у него в голове было попечение о десяти тысячах евреев». Думаю, что и во внутренних отношениях в монастырях, в устройении обителей в духе взаимной любви начальствующих и насельников, искренней молитвы и хождения перед Богом значение «Положения о монастырях и монашествующих» может быть очень велико.

В женских монастырях нередко возникает проблема, связанная с духовным руководством. Об этом вопросе митрополит Афанасий Лимассольский сказал так: «По моему личному мнению, духовник является ничем иным как пресвитером, совершающим Таинство исповеди. Он должен называться исповедником, а не духовным отцом. Духовная мать – это игумения. А исповедающий должен помогать тому, что делает игумения. Ничего не должно происходить тайно от игумении. Никогда духовник не должен оправдывать послушницу и отвергать игумению. Если он не будет соблюдать свои пределы, он уничтожит женский монастырь».

В вопросе об отношении к священноначалию хотелось бы также привести слова митрополита Афанасия: «Хочу, чтобы вы не боялись епископов, а любили их. Епископы – наши отцы. Они несут очень большую тяжесть, сатана очень сильно ополчается на них, также и на монаха. Когда я был монахом, послушником, то видел, как диавол обрушивает свои козни на послушников. Когда я стал игуменом, то увидел, что происходит с игуменом. Брат говорит мне: “Геронда, я имею помыслы против тебя”. А я ему отвечаю: “Ты даже не знаешь, какие я имею помыслы против тебя!” Когда я стал епископом, то увидел воочию, что происходит с епископом, и затрепетал от страха. Потому что враг воюет с Церковью, и это не одно и то же – монастырь или вся Церковь. Поэтому любите их, молитесь за них, смотрите на них, как на своих отцов. Отец, совершающий ошибку, все равно остается отцом. Если бы ваш отец ошибся, вы все равно пустили бы его домой, покрыли бы любовью. И Владыка, чувствуя вашу любовь, смягчится и вам поможет. Поэтому не бойтесь. Апостол говорит, что там, где воцаряется любовь, страх убегает».

По милости Божией, конференция открыла много новых граней и сторон каждой обсуждаемой темы, и многие ее участники пролили свет на самые насущные вопросы. Мне хотелось бы только подчеркнуть, что Бог делает всё для нашего блага и спасения, и любовь, которую несут в себе Божественные установления и правила святых отцов, никогда не оскудеет. Но в наших сердцах, если мы о них вознерадим, может оскудевать и исчезать дух любви и послушания, и мы должны делать всё, от нас зависящее, чтобы не потерять его.

Хотелось бы от всей души поблагодарить Его Святейшество Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, благословившего проведение конференции, и Его Высокопреосвященство Архиепископа Сергиево-Посадского Феогноста, организовавшего конференцию и направившего ее работу в нужное русло.

Игуменья Домника (Коробейникова), настоятельница Александро-Невского Ново-Тихвинского женского монастыря

г. Екатеринбург

**Золотой век русского монашества:
прошлое или будущее?**

В Свято-Троицкой Сергиевой лавре 23–24 сентября прошла международная конференция «Монастыри и монашество: традиции и современность». Это начинание у многих вызвало вопросы: возможен ли в наше время расцвет монашества? Не ушел ли золотой век монашества безвозвратно?

«Сам помер»

«Монашество уже отживает свой век», «настоящему монашеству уже не возродиться», «святоотеческие традиции в наше время восстановить невозможно». Когда приходится слышать такие слова, в особенности обращенные к самим монахам, то невольно вспоминается один курьезный случай, произошедший с владыкой Нестором Камчатским в начале прошлого века. Однажды он, объезжая Камчатский полуостров, сильно простудился в пути и лежал на нартах с температурой под сорок. Его спутники-эвенки, решив, что он точно умрет по дороге, испугались, как бы на них не пало подозрение в убийстве. Посовещавшись, они подошли к владыке со слезной просьбой: «Батюшка большой! Пиши, пожалуйста, записку, что ты сам помер, а то начальник нам не поверит. Пожалуйста, пиши, друг, записку!» Изумленный владыка едва убедил простодушных эвенков не требовать с него, живого, расписку в том, что он «сам помер».

Так и монахам трудно согласиться с тем, что «монашество уже отживает свой век» – они справедливо чувствуют, что монашество живо, что оно, как и прежде, призвано быть опорой Церкви. «Монашество в Церкви – это передовой отряд, принимающий на себя удары миродержителей тьмы века сего и своей молитвой, духовной силой оберегающий всю Церковь»^[178], – сказал в одной из проповедей Святейший Патриарх Кирилл. И потому монашество никогда не станет чем-то подобным запылившемуся музейному экспонату, ибо оно жизненно необходимо Церкви.

На международном монашеском симпозиуме в Сербии в 2011 году было сказано: «Монашество сейчас проходит через многие и большие искушения, но оно переживет это состояние. Всегда будут люди, жаждущие и алчущие истины. Монашество призвано эту жажду удовлетворить. И потому наша эпоха породит многих личностей, которые продолжат жизнь монашества такой, какой она была в прошлом»^[179]. Эти слова вполне применимы и к современному русскому монашеству. В наших монастырях сегодня много действительно ревностных монахов, которые при благоприятных духовных условиях могут принести необыкновенно обильный плод. Что же возможно сделать для того, чтобы стремление монашествующих к идеалу не оставалось лишь бесплодной мечтой?

«Красно поистине и добро житие монашеское, если...»

Конечно, никто не станет спорить с тем, что русское монашество потерпело страшный ущерб во время гонений на Церковь в XX веке и во многом утратило живую монашескую традицию. Но путь возрождения известен. Как писал преподобный Феодор Едесский, «красно поистине и добро житие монашеское – красно поистине и добро, если оно бывает сообразно с теми правилами и законами, которые наложили начальники и основатели оногo, Святым Духом наученные»^[180].

Неизменность устоев – характерная черта православного монашества. И поэтому в соблюдении этих устоев, в точном следовании первоначальному святоотеческому преданию – залог возрождения монашества. Обращение к святоотеческой традиции помогло «восстать из пепла» русским монастырям после потрясений XVIII века, когда было закрыто две трети монастырей и когда многим казалось, что монашество уже не поднимется. Оно поднялось! Расцвела Глинская пустынь, расцвели Оптина и Саров, ставшие, по одному замечательному выражению, «кострами, у которых отогревалась замерзшая Россия»^[181].

То же обращение к древним правилам помогло 40–50 лет назад преодолеть кризис монашества и Элладской Церкви. А кризис был глубочайший. Один из греческих архиереев того времени, митрополит Дионисий Триккский, в своих воспоминаниях пишет, что монастыри в его епархии были в состоянии разложения», нравственность насельников не просто оставляла желать лучшего, а служила постоянным соблазном для паломников. «Я горько плакал и рыдал о таком жутком положении дел, – пишет владыка. – Молился и из глубины сердца призывал Бога на помощь»^[182]. Усилиями владыки жизнь в монастырях изменилась, укрепился дух подвижничества, пришло много молодых монахов.

Конечно, это произошло не в один миг. Переход к строгой монашеской жизни, устроенной согласно древним традициям, невозможно совершить мгновенно. Как рассказывает владыка Дионисий, он сознавал, что после длительного упадка монашеской жизни было бы трудно сразу перейти к чисто исихастскому монашеству, вдохновить его и дать ему выжить. Но тем не менее стремление к идеалу дало свои плоды: многие обители духовно возродились и стали поистине «школами молитвы и божественного служения, духовными ульями, мастерскими святости»^[183]. Подобным образом возрождение монашества происходило и во всей Греции.

Профессия монаха

Но что значит «возвратиться к святоотеческой традиции»? Какие устои соблюдать важнее всего? Ежедневное участие в богослужении, чтение святых отцов, Иисусова молитва – эти основные делания способны возвести духовную жизнь монастыря на должную высоту.

Участие монахов в богослужении преображает и их самих, и жизнь обители в целом, духовную и даже материальную сторону. Одна игуменья рассказывала мне, что, после того как сестры получили возможность каждое утро молиться за Божественной литургией, внешняя, материальная жизнь монастыря быстро пришла в порядок. Человек нецерковный скажет: «Совпадение». А церковный поймет: Господь благословил обитель дарами вещественными за то, что инокини стали приносить Ему дар невещественный и самый драгоценный – молитву.

В монастыре, где всё братство или сестринство участвует в ежедневном богослужении,

вся жизнь иноков становится вдохновенным служением Богу, непрестанной Литургией; предстояние Господу, начинаясь в храме, продолжается и во время повседневных работ, и во время общения с ближними.

И если мы пролистаем жизнеописания тех подвижников благочестия, на долю которых выпало возродить и восстанавливать обители, мы увидим, что начинали они именно с насаждения этого основного монашеского делания: молитвы, церковной службы. Преподобный Филарет Глинский, возобновляя после долгого упадка монашеское житие в Глинской пустыни, первым делом распорядился ежедневно совершать церковное богослужение по афонскому уставу. Игуменья Феофания (Готовцева), полагая начало Санкт-Петербургскому Воскресенскому Новодевичьему монастырю, позаботилась прежде всего о том, чтобы обучить певчих и найти священника, способного ежедневно служить.

Молитва – корень монашеской жизни. Только когда есть крепкий корень, дерево может расти и приносить плоды. Хотим ли мы, чтобы наши монастыри действительно были местом, где исцеляются страсти и возрастают добродетели? Это возможно только тогда, когда в монастырях в основание жизни будет положено молитвенное делание, преимущественно молитва Иисусова, которую святые отцы называют матерью всех добродетелей. Хотят ли игумены и игуменья, чтобы в их обителях между насельниками царила любовь, чтобы в сердцах не угасала ревность по Богу, чтобы послушания исполнялись с усердием и бодростью? Всё это возможно тогда, когда каждый насельник будет ежедневно совершать молитвенное правило. Личное келейное правило, состоящее в основном из Иисусовой молитвы, дает монаху духовные силы, очищает и просвещает его ум, смягчает сердце, вводит инока в настоящую евангельскую жизнь. Не случайно святитель XIX века Патриарх Иерусалимский Кирилл говорил, что «монахи, не держащие келейного правила, – это мертвые монахи». Всё – и настоящее покаяние, и способность исполнять заповеди – монах стяжает прежде всего через Иисусову молитву.

И, наконец, чтение святых отцов раскрывает для монаха духовные горизонты, дает ему правильное понимание монашеской жизни и оберегает от заблуждений. Чтобы жить по святым отцам, надо постоянно напитываться их духом, то есть читать и перечитывать их творения. В боговдохновенных писаниях душам иноков открывается Живой Господь. И когда все насельники имеют возможность читать, это создает здоровую духовную атмосферу в монастыре, помогая братству хранить верность монашеским идеалам. То же можно сказать и о беседах, которые проводит игумен или игуменья. Проводимые раз или два в неделю, они вдохновляют и объединяют братство. Старец Софроний (Сахаров) говорил, что когда братство собирается вместе на беседы, это литургия после Литургии. Потому что в этих общих собраниях царит единство, и через это происходит приобщение ко Христу.

Конечно, для всех этих деланий нужно время, и игумен как любвеобильный пастырь, пекущийся о пользе вверенных ему душ, должен об этом позаботиться, помня, что необходимость трудиться не должна поглощать всех сил и времени монахов, иначе второстепенное заслонит собой основное. Ведь задача игумена состоит не только в том, чтобы заботиться о материальных нуждах братства. Прежде всего, игумен есть тот, кто открывает братьям богатство духовной жизни и ведет их к совершенству единения с Богом.

Молитвенное делание – это собственно и есть самый плодоносный труд. Можно сказать, что молитва – это профессия монаха; без нее монашество теряет свою сущность и

становится институтом неопределенного назначения. Нет более энергичной деятельности, чем непрестанная молитва Иисусова, и эта деятельность, совершающаяся в тишине обителей, есть самое высокое служение, которое могут принести монахи миру. Святитель Николай Сербский писал об этом: «Многие необоснованно спрашивают: “Что монаху делать в пустыне? Не лучше ли ему находиться среди людей, служа им?” Но как будет светить незажженная свеча? В пустыню, в уединение монах несет свою душу, словно незажженную свечу, чтобы возжечь ее постом, молитвенными размышлениями и трудом. И если удастся ему возжечь ее, то свет будет виден всем людям»^[184].

«Се, ныне время благоприятно...»

Наши дни – время в своем роде уникальное; время, когда на наших глазах может совершиться коренное, глубинное возрождение русского монашества. Святейший Патриарх Кирилл в одной из своих проповедей сказал: «Перед нами сегодня стоят особые задачи возрождения монашеской жизни – от внешней красоты к созиданию внутренней духовной силы. Необходимая забота о внешнем благочестии и красоте должна сопровождаться повышенным вниманием к своему духовному состоянию»^[185]. Вот это повышенное внимание к духовному наполнению монашеской жизни и способно поднять наше иночество на должный уровень.

Возможно ли в наше время возродить монашество? По большому счету такого вопроса перед нами даже не должно стоять. Монашество необходимо возрождать, потому что без него Церковь жить не может. А вот как именно его возрождать, как правильно выстроить внутреннюю жизнь обителей – это насущный вопрос, требующий соборного рассмотрения. И хочется надеяться, что грядущая конференция даст реальный импульс возрождению русского монашества во всей его красоте.

Журнал Московской Патриархии, октябрь 2013 г.

Участники конференции

Митрополит Волоколамский Иларион, Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата.

Митрополит Лимассольский Афанасий, Кипрская Православная Церковь.

Епископ Павлодарский и Экибастузский Варнава, член Коллегии Отдела.

Епископ Элистинский и Калмыцкий Зиновий.

Епископ Воскресенский Савва, наместник Новоспасского ставропигиального мужского монастыря, г. Москва, член Коллегии Отдела.

Епископ Дмитровский Феофилакт, наместник Андреевского ставропигиального мужского монастыря, г. Москва.

Епископ Борисовский Вениамин, наместник Свято-Благовещенского Ляденского мужского монастыря, викарий Минской епархии.

Епископ Шуйский и Тейковский Никон.

Епископ Тарский и Тюкалинский Савватий.

Епископ Каннский и Богуславский Филарет.

Архимандрит Хризостом, Кипрская Православная Церковь.

Архимандрит Паисий (Чекан), наместник Вознесенского Ново-Нямецкого Кицканского мужского монастыря, Молдова, член Коллегии Отдела.

Архимандрит Алексей (Поликарпов), наместник ставропигиального Данилова мужского монастыря, г. Москва, член Коллегии Отдела.

Архимандрит Сергей (Воронков), наместник Свято-Успенского Иосифо-Волоцкого ставропигиального мужского монастыря.

Архимандрит Мелхиседек (Артюхин), настоятель Московского подворья Свято-Введенского ставропигиального мужского монастыря Оптина Пустынь.

Архимандрит Тихон (Секретарев), наместник Свято-Успенского Псково-Печерского мужского монастыря, член Коллегии Отдела.

Архимандрит Аркадий (Губанов), настоятель мужского монастыря Нило-Столобенская пустынь, Тверская и Кашинская епархия.

Архимандрит Иннокентий (Руденко), настоятель Рождество-Богородичного Санаксарского мужского монастыря.

Архимандрит Серафим (Гавриков), клирик Тамасосской и Оринийской митрополии, Кипрская Православная Церковь.

Игумен Антипа, настоятель кельи св. прав. Анны, Святая Гора Афон.

Игумен Стефан (Тараканов), насельник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, заместитель председателя Синодального отдела по монастырям и монашеству.

Игумен Варфоломей (Петров), наместник Николо-Угрешского ставропигиального мужского монастыря.

Игумен Парамон (Голубка), наместник Донского ставропигиального мужского монастыря, г. Москва.

Игумен Петр (Еремеев), наместник Высоко-Петровского ставропигиального мужского монастыря, г. Москва.

Игумен Варлаам (Дульский), настоятель Свято-Троицкого Антониево-Сийского мужского монастыря, Архангельская и Холмогорская митрополия.

Игумен Петр (Мажетов), настоятель мужского монастыря Свято-Косьминская пустынь, Екатеринбургская епархия.

Игумен Филипп, настоятель Свято-Николо-Шартомского мужского монастыря, Шуйская

епархия

Игумен Геронтий, настоятель Иоанна Милостивого мужского монастыря, Тернопольская епархия.

Игумен Макарий (Зеленков), настоятель Свято-Донского Старочеркасского мужского монастыря, Ростовская епархия.

Игумен Алипий, насельник Свято-Успенской Почаевской Лавры.

Игумен Тихон, и. о. настоятеля Жадовского мужского монастыря, Барышская епархия.

Игумен Дионисий (Шлёнов), доцент Московской Духовной Академии, заведующий библиотекой.

Игумен Иосиф (Крюков), насельник Спасо-Преображенского Валаамского ставропигиального мужского монастыря.

Иеромонах Авраамий (Орлов), настоятель кельи св. Модеста, подворья монастыря Симонопетра, Святая Гора Афон.

Иеромонах Хризостом, монастырь Кутлумуш, Святая Гора Афон.

Иеромонах Андрей (Василяшка), насельник Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры, секретарь Синодальной комиссии УПЦ по делам монастырей.

Иеромонах Гавриил, насельник Свято-Успенской Почаевской Лавры.

Иеромонах Евстафий, пом. благочинного Свято-Успенского Жировичского ставропигиального мужского монастыря.

Иеромонах Авель, насельник мужского монастыря Свято-Косьминская пустынь, Екатеринбургская епархия.

Иеромонах Феофил, насельник Свято-Троицкого Антониево-Сийского мужского монастыря, Архангельская епархия

Протоиерей Павел Великанов, доцент Московской Духовной Академии, гл. редактор портала «Богослов.Ру».

Иерей Андрей Трегубов, храм свт. Николая на Патриаршем Подворье в Болгарии.

Иеродиакон Евфимий (Лосяков), насельник Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры, помощник зав. канцелярией.

Игуменья Феоксения, настоятельница монастыря в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник» в Хрисопиги, о Крит, Греция.

Игуменья Фотина, настоятельница женского монастыря св. Параскевы, о. Корфу, Греция.

Игуменья Елена, настоятельница Свято-Спасского женского монастыря, Жича, Сербия.

Игуменья Анастасия, настоятельница женского монастыря Рождества Пресвятой Богородицы в Белостоке, Польша.

Игуменья Агния, настоятельница Свято-Успенского монастыря, Польша.

Игуменья Мария, настоятельница Свято-Елизаветинской женской обители, РПЦЗ, Германия.

Игуменья Олимпиада (Баранова), настоятельница Покровского Хотькова ставропигиального женского монастыря.

Игуменья Рафаила (Хильчук), настоятельница Свято-Троицкого Корецкого ставропигиального женского монастыря, Украина, член Коллегии Отдела.

Игуменья Иулиания (Калед), настоятельница Зачатьевского женского монастыря, г. Москва, зам. председателя Синодального отдела по монастырям и монашеству.

Игуменья Афанасия (Грошева), настоятельница Иоанно-Предтеченского ставропигиального женского монастыря, г. Москва.

Игуменья Елисавета (Жегалова), настоятельница Свято-Троицкого Стефано-Махрицкого ставропигиального женского монастыря, Александровская епархия, член Коллегии Отдела.

Игуменья Антония (Корнеева), настоятельница Николо-Вяжищского ставропигиального женского монастыря, г. В. Новгород.

Игуменья Викторина (Перминова), настоятельница Богородице-Рождественского ставропигиального женского монастыря, г. Москва.

Игуменья Феофания (Мискина), настоятельница Покровского ставропигиального женского монастыря, г. Москва.

Игуменья Мария (Солодовникова), настоятельница Борисо-Глебского Аносина ставропигиального женского монастыря.

Игуменья Екатерина (Чайникова), настоятельница Крестовоздвиженского Иерусалимского ставропигиального женского монастыря.

Игуменья Фаина (Кулешова), настоятельница Троице-Одигитриевской Зосимовой пустыни.

Игуменья Евдокия (Левшук), настоятельница Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского монастыря г. Полоцк, Беларусь, член Коллегии Отдела.

Игуменья Домника (Коробейникова), настоятельница Александро-Невского Ново-Тихвинского женского монастыря, г. Екатеринбург.

Игуменья Варвара (Третьяк), настоятельница Свято-Введенского Толгского женского монастыря, член Коллегии Отдела.

Игуменья Маргарита (Феоктистова), настоятельница Богородице-Смоленского Новодевичьего женского монастыря, г. Москва, член Коллегии Отдела.

Игуменья Параскева (Казаку), настоятельница Свято-Параскевинского Хынковского женского монастыря, Молдова, член Коллегии Отдела.

Игуменья Сергия (Конкова), настоятельница Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского женского монастыря, член Коллегии Отдела.

Игуменья Феофила (Лепешинская), настоятельница Богородице-Рождественской девичей пустыни, с. Барятино, Калужская область.

Игуменья София (Силина), настоятельница Воскресенского Новодевичьего монастыря, г. Санкт-Петербург, член Коллегии Отдела.

Игуменья Антония (Шаховцева), настоятельница Свято-Боголюбского женского монастыря, Владимирская епархия.

Игуменья Михаила (Заец), настоятельница Городокского Свято-Николаевского женского монастыря, Ровенская и Острожская епархия.

Игуменья Иоанна (Капитанцева), Самарский Иверский женский монастырь.

Игуменья Николая (Ильина), настоятельница Свято-Никольского Черноостровского женского монастыря, г. Малоярославец.

Игуменья Нина (Схулухия), настоятельница Богородице-Рождественского Ильинского женского монастыря, г. Тюмень.

Игуменья Феодосия (Бессонова), настоятельница Свято-Алексиевского женского монастыря, г. Саратов.

Игуменья Феодосия (Дьячкова), настоятельница Христорожественского женского монастыря, Вятская епархия.

Игуменья Еликонида (Лысенко), настоятельница Свято-Иоанновского женского монастыря в пос. Алексеевка, Саратовская и Вольская епархия.

Игуменья Варвара (Шурыгина), настоятельница Свято-Георгиевского монастыря, г. Ессентуки.

Игуменья Анастасия (Мордмиллович), настоятельница Казанского девичьего монастыря, г. Калуга.

Игуменья Иулиания (Кирси Ритониemi), настоятельница Свято-Екатерининского

монастыря, Тверская и Кашинская епархия.

Игуменья Евпраксия (Инбер), настоятельница Вознесенского Оршина женского монастыря, Тверская и Кашинская епархия.

Игуменья Елисавета (Евдокимова), настоятельница Богородицкого Житенного женского монастыря, Тверская и Кашинская епархия.

Игуменья Илариона (Феоктистова), настоятельница Константино-Еленинского женского монастыря, Санкт-Петербургская епархия.

Игуменья Нектария (Седова), настоятельница Свято-Серафимо-Покровского женского монастыря, Кемеровская и Прокопьевская епархия.

Игуменья Михаила (Файзулина), настоятельница Свято-Успенского женского монастыря, Кемеровская и Прокопьевская епархия.

Игуменья Иоанна (Лихоманова), настоятельница Иоанно-Мариинского женского монастыря, Ставропольская епархия.

Игуменья Анатолия (Баршай), настоятельница Свято-Никольского женского монастыря, Иваново-Вознесенская епархия.

Игуменья Магдалина (Арбузова), настоятельница Свято-Троицкого женского монастыря, Мордовия.

Монахиня Сергия (Щербакова), и. о. настоятельницы Казанской Амвросиевской ставропигиальной женской пустыни, Шамордино.

Монахиня Илария (Болт), и. о. настоятельницы Свято-Успенского женского монастыря, Витебская епархия.

Сестры Алексеевского женского ставропигиального монастыря г. Москвы.

Сестры и братья ставропигиальных и епархиальных монастырей и монастырей братских Поместных Церквей.

МОНАСТЫРИ И МОНАШЕСТВО: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ Международная богословская научно-практическая конференция в Свято-Троицкой Сергиевой лавре

Над печатной версией книги трудились:

Перевод с греческого – Максим Клименко, Алексей Гришин

Редактор-составитель – Екатерина Орлова

Редактор – Елена Володина

Корректоры – Елена Володина, Максим Лапшин

Компьютерная верстка – Ольга Гришина

Фотографы – иеродиакон Нестор (Решетников), Владимир Ходаков

[1] Литература по данному вопросу включает следующие монографии: *Пальмов Н.Н.* Пострижение в монашество: чины пострижения в монашество в греческой Церкви (историко-археологический этюд). Киев, 1914; *Wawkyk M.* *Initiatio monastica in Liturgia byzantina...* R., 1968. (ОСА; 180); *Арранц М.* Византийский монашеский постриг: исторический опыт. М., 2003. Согласно данным этих исследований, изначально существовало только одно чинопоследование монашеского пострига, о котором говорится в Ареопагитском корпусе. В наиболее ранних сохранившихся Евхологиях VIII–XI веков имеется чин единственного монашеского пострига с принесением обетов, а также предварительный чин, не содержащий обетов. Этот предварительный чин называется «первой схимой», или «просхимой». Соответствует он, надо полагать, новициату. В некоторых рукописях просхима называется «малой схимой», в таком случае собственно схима называется «великой». В XI–XIII веках чин просхимы претерпел развитие: он стал включать в себя монашеские обеты и вообще стал очень похож на чин великой схимы. С XIV века появляется чин пострижения в рясофор. Очевидно, он возник из-за того, что на месте просхимы (новициата) возникла пустота, когда сама просхима превратилась в полноценный постриг. Вместе с тем у рясофора есть более ранний прообраз: молитва «на принятие мантии», которая встречается в некоторых ранних рукописях, но которая не подразумевала пострижения волос. Таким образом, с XIV века у греков уже существует система: рясофор – малая схима – великая схима. В самой ранней славянской рукописи – глаголическом Синайском Требнике XI века – есть пара молитв на малую схиму, без обетов, а затем – великая схима. В русских рукописях XIV века уже есть малая и великая схимы, а рясофора еще нет.

[2] *Феодор Студит.* Завещание 12. PG 99, 1820.

[3] См. *Дионисий Ареопагит.* О церковной иерархии. Гл. 6: «Тайнодействие монашеского посвящения».

[4] См. *Свт. Григорий Палама.* Триады в защиту священно-безмолвствующих / Пер., послесловие и комм. В. Вениаминова [= В. Биbihина]. М., 1995. С. 271 «...Что уж говорить о священной молитве или призывании или крестовидном впечатлении в волосах и о прочих символах монашеского усовершенания, без которых мы, послушные законоположениям святых отцов, не признаем монаха! Ведь он не испросил даже святой молитвы при введении в монашеское таинство, но явился самодельным, а отсюда недалеко уже сказать поддельным монахом».

[5] *Свт. Симеон Солунский.* De sacr. Cap. 360 // PG. 155. Col. 673AB. Цит по: *Родионов О.А.* Богословское осмысление монашества в трудах восточных отцов Церкви. // Материалы V Международной богословской конференции Русской Православной Церкви «Православное учение о церковных Таинствах». Том 3. М., 2009. С. 408–409.

[6] Цит по: *Польсков К., свящ.* Монашеский постриг как таинство Церкви. // Материалы V Международной богословской конференции Русской Православной Церкви «Православное учение о церковных таинствах». Том 3. М., 2009. С. 414.

[7] Требник. М., 1884. Л. 73 об.

[8] *Феодор Студит.* Завещание 12. PG 99, 1820. Ср. также Послания I. 10 // PG. 99, 941.

[9] «Рассказывал авва Лот: был я однажды в келье аввы Агафона; тогда пришел к нему брат и сказал: я хочу жить с братьями, – скажи мне, как жить с ними? Старец отвечал ему: как в первый день, когда придешь к ним, так и во все дни твои веди себя пред ними как странник и не будь вольным в обращении». Древний патерик. М., 1997. С. 156–157.

[10] «Понеже присоединяться Богу чрез удаление от молвы житейския весьма спасительно, то мы должны не без испытания безвременно принимать избирающих житие монашеское, но и в

отношении к ним соблюдать переданное нам от отцев постановление: и сего ради должно принимать обет жизни по Богу, как уже твердый и происходящий от ведения и рассуждения, после полного раскрытия разума...»

[11] Отмечу, что в «Положении» говорится о необходимости «добровольного письменного согласия» послушника на пострижение в рясофор, но ничего не говорится о таковом при пострижении в мантию.

[12] «В таком виде изображена нами школа служения Господу, в установлениях которой, надеемся, нет ничего жестокого, ничего тягостного. Но если и покажется что, по требованию закона правды, для исправления пороков и сохранения любви, несколько стеснительным, не поражайся от того страхом и иди путем спасения, которого нельзя начать иначе, как только узким путем (Мф. 7, 13–14)... С продолжением такого рода жизни в вере расширится сердце, и течение путей заповедей Господних пойдет с неизъяснимой сладостью любви; так что, если не оставим сего училища и в обучении его пребудем до смерти, то через терпение сделаемся причастными страданий Христовых, а затем сподобимся наследий Царствия Его». Древние иноческие Уставы. Сост. свт. Феофан Затворник Вышенский. Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. С. 587– 653 (Устав преп. Венедикта).

[13] В проекте «Положения» говорится о двух типах монашеской жизни, но перечисляются три: отшельничество, скитское житие и общежитие. Думается, однако, что скитское житие вполне можно включить в понятие «общежития» в качестве одной из его разновидностей.

[14] Например, у преп. Иоанна Кассиана Римлянина. Восемнадцатое собеседование аввы Пиаммона о трех родах монахов. *Иоанн Кассиан Римлянин*. Писания. Москва: АСТ, Минск: Харвест. 2000.

[15] Древние иноческие уставы. С. 279.

[16] Примеры решений дореволюционного Святейшего Синода. «От 17–22 июня 1911 года за № 4516 постановлено: избранную большинством голосов сестер Спасо-Бородинского женского общежительного монастыря Московской епархии на должность настоятельницы оного монахиню сего же монастыря Ангелину утвердить в означенной должности с возведением в сан игумении. От 13–28 июля 1911 года за № 5177 постановлено: единогласно избранную сестрами Осташковского Знаменского женского монастыря Тверской епархии на должность настоятельницы сего монастыря казначею оного монахиню Маргариту утвердить в означенной должности с возведением в сан игумении. От 1–2 мая 1912 года за № 3750 постановлено: освободив архимандрита Иерона, согласно его просьбе, по преклонности лет и болезненному состоянию от должности настоятеля Ново-Афонского Симоно-Канонитского монастыря на Кавказе, утвердить в должности настоятеля названного монастыря согласно избранию братии нынешнего наместника оного иеромонаха Илариона с возведением его в сан архимандрита. От 29 мая–8 июня 1912 года за № 4690 постановлено: на освободившуюся за смертью игумена Палладия должность настоятеля Троицко-Стефановского общежительного монастыря назначить единогласно избранного братиею обители иеромонаха сего же монастыря Амвросия». См.: <http://www.russian-inok.org/> Библиотека – «Русский инок» (в конце каждого номера опубликованы журналы заседаний Синода).

[17] «После того, как он[предыдущий игумен] согласился, по вашему избранию, поставить меня игуменом, он совершенно воздерживается от всяких приказаний, но следует моей воле». Цит. по: *Преподобный Феодор Студит*. Монастырский устав. Великое оглашение. Часть I. Москва, 2001. С. 215.

[18] *Преп. Иоанн Лествичник*. Лествица V, 6. Лествица, возводящая на небо. Изд. 4-е. М.: Даръ. С. 58.

[19] *Преп. Иоанн Лествичник*. Слово особенное к пастырю V, 6. Лествица, возводящая на

небо. Изд. 4-е. М.: Дарь. С. 454.

[20] «Духовник утверждается в этой должности епархиальным архиереем. В женских монастырях духовник назначается епархиальным архиереем из числа священнослужителей, совершающих богослужения в обители». Проект «Положения о монастырях и монашестве» IV, f.

[21] «Следуя древней церковной традиции, запечатленной в постановлениях многочисленных Соборов, не допускается служение монахов в женских обителях. Согласно определению Юбилейного Архиерейского Собора 2000 года «исключения могут делаться только для пастырей, имеющих богатый духовный опыт и находящихся в преклонных годах» (пункт 14 определения «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви»). Священнослужители, несущие послушание в женских монастырях, определяются епархиальным архиереем». Там же, IV, d.

[22] В этом постановлении, в частности, говорится: «Имея в виду участившиеся жалобы мирян на канонически неоправданные действия отдельных пастырей, указать священникам, несущим духовническое служение, на недопустимость принуждения или склонения пасомых, вопреки их воле, к следующим действиям и решениям: принятию монашества; несению какого-либо церковного послушания; внесению каких-либо пожертвований; вступлению в брак; разводу или отказу от вступления в брак, за исключением случаев, когда брак невозможен по каноническим причинам; отказу от супружеской жизни в браке; отказу от воинского служения; отказу от участия в выборах или от исполнения иных гражданских обязанностей; отказу от получения медицинской помощи; отказу от получения образования; трудоустройству или перемене места работы; изменению местожительства».

[23] Выражение принадлежит архимандриту Киприану (Керну). См. *Архимандрит Киприан (Керн)*. О. Антонин Капустин. Архимандрит и начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме (1817–1894). М., 1997. С. 6.

[24] Цит. по: *Марк (Лозинский), игум.* Отец современного иночества. М., 1996.

[25] В новейшей истории Русской Церкви мне известен лишь один случай рясофорного епископа – это теперь уже бывший епископ Василий (Осборн), которого митрополит Сурожский Антоний по принципиальным соображениям не постригал в мантию перед его архиерейской хиротонией, ограничившись пострижением в рясофор.

[26] См. *Никодим (Милош), еп.* Правила Святой Православной Церкви с толкованиями. Толкование на Правило 12 Трулльского собора. Holy Trinity Orthodox Mission, 2001: «Так это было в конце XIII и в начале XIV веков; с тех пор упомянутая практика все больше и больше утверждается в церкви и стала почти всеобщей за редкими исключениями. В первой половине XV века об этой практике Симеон Солунский пишет: “Высокое это звание (епископское) теперь почти везде вверяется монахам. И если взором окинешь всю церковь, вряд ли найдешь, что епископского звания удостоился кто-либо из живущих в мире (не в монастыре); между тем монахам епископство как бы самой судьбой предназначено. Если же найдешь, что кто-либо епископом стал из мирского духовенства, то знай, что церковь от такого требовала, чтобы он предварительно принял монашеский чин. Так думают все верующие, главным же образом – божественные предстоятели церквей, которые отдают честь божественной схиме ради ее небесного происхождения и завета».

[27] Добротолубие. Т. 2. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. С. 501.

[28] *Ἀσκητικαὶ Διατάξεις* 28, PG 31, 1417 A.

[29] Вл. Ἀγίου Γρηγορίου Νύσσης, *Εἰς τὸν βίον τῆς ὀσίας Μακρίνης*, ВЕП 69, 116, 3 κ.ξξ.

[30] «...ἄνθρωποι ἐκ διαφόρων γενῶν καὶ χωρῶν κινηθέντες», οἱ ὅποιοι «εἰς τοσαύτην ἀκρίβειαν ταυτότητος συνηρμόσθησαν, ὥστε μίαν ψυχὴν ἐν πολλοῖς σώμασι θεωρεῖσθαι καὶ τὰ πολλὰ σώματα μιᾶς γνώμης ὄργανα δεῖκνυσθαι»: Μεγάλου Βασιλείου, *Ἀσκητικαὶ Διατάξεις* 18, 2, PG 31, 1381D-

[31] Ὁ.π.

[32] Ὁ.π.

[33] Festugière, G 95, σελ. 208-209 ἀπό P. Deseille, *Ὁ Παχωμιακός μοναχισμός*, ἐκδ. «Τήνος», Αθήναι 1992, σελ. 19.

[34] *Κώδιξ τῆσδε σεβασμίας Πατριαρχικῆς καὶ Σταυροπηγιακῆς Μονῆς τῆς Θείας καὶ Ζωοδόχου Πηγῆς τοῦ Χαρτοφύλακος* (Χανιά 1843), κεφ. ΙΑ΄.

[35] *Βίος Παχωμίου Α*, 24, ΒΕΠΕΣ 40.

[36] *Ἀποταγή*, ΡG 31, 629C.

[37] *Inst. Coenob.*, IV, 32-43.

[38] *Λόγος Ἀσκητικός Γ΄*, 2, ΕΠΕ, σελ. 153.

[39] *Ὅροι κατὰ πλάτος Β΄*, Ἑρώτησις Λ΄, ΕΠΕ, σελ. 315.

[40] Σύμφωνα μέ τά λόγια τοῦ ὁσίου Γέροντος Πορφυρίου: «Θέλετε νά βρεῖτε τήν χαρά στήν ζωή; Νά διαβάσετε Ἁγία Γραφή. Νά ἐκκλησιαάζεσθε. Νά προσέχετε τίς ἀκολουθίες, ὄρθρο, ὦρες, ἐσπερινό, ἀπόδειπνο κ.λπ., γιατί τά λόγια τους εἶναι γραμμένα ἀπό ἀγίους ... Ὅταν τά μελετᾶς μέ ζῆλο καί ὄρεξη καί θεῖο ἔρωτα, τά ἐνστερνίζεσαι, τά ἐρωτεύεσαι, τ' ἀγαπάεις, τά ζεῖς, γίνεσαι ἐνθεος. Κι ὅταν αὐτό γίνει μέ κάθε ἐπιμέλεια καί συνέπεια, ἀγιαζόμαστε»: *Βίος καί Λόγοι, μν.ἔρ.*, σελ. 527, 532..

[41] *Λόγος Ἀσκητικός Γ΄*, 2, ΕΠΕ, σελ. 153.

[42] *Ἀσκητικαὶ Διατάξεις* 28, ΡG 31, 1417 Α.

[43] Ἁγίου Νεκταρίου, Ἐπισκόπου Πενταπόλεως, *35 Ποιμαντικές Ἐπιστολές*, ἐκδ. «Υπακοή», Αθήνα 1993, σελ. 121-122.

[44] Ὁ.π., σελ. 122.

[45] Ὁ.π., σελ. 74.

[46] Ὁ.π., σελ. 121-122.

[47] Ἁγίου Θεοδώρου Στουδίτου, *Ἐπιστολές πρὸς μοναχές*, Ἰ. Μονή Κοιμήσεως Θεοτόκου Πανόραμα, Θεσσαλονίκη 2003, σελ. 97, 135.

[48] *Βίος καί Λόγοι, μν.ἔρ.*, σελ. 197.

[49] *Vita S. Columbae I*, 30, σελ. 40-41 ἀπό Ἱερομ. Χρυσοστόμου Κουτλουμουσιανοῦ, *Οἱ ἐραστὲς τῆς Βασιλείας*, Ἁγιον Ὄρος 2009, σελ. 195.

[50] *Ἀσκητικαὶ διατάξεις*, ΒΕΠ 57, 60, 16-20.

[51] Ἰωάννου Σιναΐτου, *Κλῆμαξ*, Λόγος ΛΑ΄ 12, 24.

[52] Ὁ.π., σελ. 105-6.

[53] Βλ. S. Tshetverikoff, *Paissi Velitchkovsky*, Réval, 1938, β΄ μέρος, σελ. 49.

[54] *Βίος καί Λόγοι, μν.ἔρ.*, σελ. 344.

[55] *Γέροντας Πορφύριος Καυσοκαλυβίτης Ὁρόσημο ἀγιότητος στό σύγχρονο κόσμο*, Ἱερά Μονή Χρυσοπηγῆς, Χανιά 2008, σελ. 334-335.

[56] *Βίος καί Λόγοι, μν.ἔρ.*, σελ. 343.

[57] Ὁ.π., σελ. 338.

[58] «Ἀκολουθία τοῦ μεγάλου σχήματος», στό *Μέγα Εὐχολόγιον*, ἐκδ. «Ἀστήρ», σ. 208.

[59] *Св. император Юстиниан*. Новелла 123 (P. 669:31670:1).

[60] *Πετρακάκης Δ.* Οἱ μοναχικοὶ θεσμοὶ ἐν τῇ Ὁρθόξῳ Ἀνατολικῇ Ἐκκλησίᾳ. Τ. Α΄. Ἐν Λειψία, 1907; *De Meester P.* De monachico statu juxta disciplinam byzantinam. Statuta selectis fontibus et commentariis instructa. Typis polyglottis Vaticanis, 1942. См. также: *Frazer Ch. A.* Late Roman and Byzantine Legislation on the Monastic Life from the Fourth to the Eighth Centuries // *Church History* 51. 3. 1982. P. 263–279.

[61] Разделение на великую и малую схиму содержится в чине Коптской церкви, который сложился в период вероучительного единства с Византийской (до 451 г.) под влиянием

последней (*De Meester* 1942 [10, 1. P. 82]). В любом случае это разделение точно существовало в VIII в.: оно присутствует в древнейшем кодексе византийского эвхология *Barber. Gr. 336, f. 354–502*. В поздней Византии разделение на велико-и малосхимников обычное. Ср. ответ о том, что малосхимник может постричь великосхимника: «Вопрос: может ли малосхимный духовник постричь великосхимного монаха? Ответ: это допускается, и нет никакого греха. Происходит же повсюду» (*Иоасаф Эфесский*. Ответы на вопросы пресвитера Георгия Драсини, 19).

[62] Хотя в предварительном чине рясофора или просхимы, введенном в кон. X – нач. XI в. (*De Meester* 1942 [10, 1. P. 83]), монашеские обеты в большинстве рукописей и в печатных текстах не приводятся, по мнению Дэ Мээстра, они или подразумевались под имевшими там место обрядами, или прямо произносились.

[63] *Прп. Феодор Студит*. Посл. 10 (= *Прп. Феодор Студит*. Завещание. P. 1820: 35–37).

[64] В сер. XIV в. свт. Григорий Палама в письме к иером. Павлу Асанию (Ἀσάνιον) писал (текст сохранился в рукописи Великой Лавры, цитировался прп. Никодимом Святогорцем): «Сие есть великая и монашеская схима. А малой монашеской схимы отцы не знали и не преподавали. Но некоторые из позднейших решили одно разделить на два, но они не разделили по истине. Ибо ты найдешь те же самые отречения и предписания (τὰς αὐτὰς γὰρ ἀποταγὰς καὶ συνταγὰς εὐρήσεις ἀπ' ἀμφοτέρων σκοπήσας), если посмотришь на оба». И далее ссылка на прп. Феодора Студита (Цит. по: *De Meester* 1942. P. 83). Патриарший собор при Константинопольском патриархе Антонии (1389–1390) постановил: «Собор сказал, что, поскольку эта мысль выводится не вопреки канону, ибо одна была прежде монашеская схима, а не две, нет необходимости следовать экзегетам, но канону» (*Мануил Гедеон* 24. Т. 1. У. 22).

[65] Особо строгое мнение высказывал прп. Никодим Святогорец (кон. XVII – нач. XVIII в.), который, обличая малосхимных монахов, писал в «Руководстве для духовника», что их жизнь оправдана только с учетом стремления принятия совершенной великой схимы. Для прп. Никодима Святогорца пребывание в малой схиме – это повод к духовной теплохладности и безответственности.

[66] Ср. у Евстафия, митр. Фессалоникийского (ЧЙЙ в.), рассуждение о трех монашеских состояниях и первенствующей роли великосхимников: *Евстафий Фессалоникийский*. Об исправлении монашеской жизни. 12:4-16.

[67] В «Повести временных лет» говорится об их введении в Печерской лавре прп. Феодосием.

[68] Принесенные монашеские обеты имели дополнительные ограничения, как, например, неядение мяса и пр.

[69] *Прп. Ефрем Сирий*. Увещание монахам (в алфавитном порядке). P. 345.

[70] В докладе сделана краткая систематизация правил Вселенских и некоторых Поместных Соборов. В разделе рассматриваются только те правила, которые более или менее раскрывают каноническое содержание трех монашеских обетов. В целом можно отметить, что эта большая часть правил, но не все.

[71] Д. Петракакис пишет, что «св. Василий все монашеское житие основывал на отречении от мира» (У. 156).

[72] Третье житие св. Даниила Столпника 38:8-11.

[73] [Conciliorum Oecumenicorum Decreta: 1593–1610]. Ср. в 5 новелле имп. Юстиниана: «И если в прежней жизни им было совершено какое-либо падение (ибо природа человеческая является некоторым образом удобопретконовенной к падениям), но достаточно для среднего очищения и успеха в добродетели свидетельство трехлетнего срока» (Новелла 5. P. 31:7-12).

[74] Трулльский Собор, 40: «Понеже присоединяться Богу чрез удаление от молвы житейския весьма спасительно, то мы должны не без испытания безвременно принимать

избирающих житие монашеское, но и в отношении к ним соблюдать переданное нам от отцев постановление: и сего ради должно принимать обет жизни по Богу (τὴν ὁμολογίαν τοῦ κατὰ Θεὸν βίου), яко уже твердый и происходящий от ведения и рассуждения, после полного раскрытия разума. И тако намеревающийся вступить под иго монашества да будет не менее как десятилетний, но и для такового во власти начальствующаго состоит рассмотрение, не признает ли он за полезнейшее продолжить ему время пред введением в жизнь монашескую и утверждением в оной. ...Сие и мы, совершенно уразумев, сообразно с сим определили: намеревающагося начать подвиги по Богу скоро знаменать знаменем благодати, яко некоею печатью, сим самым споспешествуя ему не коснеть долго, не колебаться, более же поощряя его к избранию добра и ко утверждению в оном» (Conciliorum Oecumenicorum Decreta: 1476-1527).

[75] «Вчиненным единожды в клир и монахам определили мы не вступать ни в воинскую службу, ни в мирский чин: иначе дерзнувших на сие и не возвращающихся с раскаянием к тому, что прежде избрали для Бога, предавать анафеме». (Ап. 6, 20, 81, 83; IV Всел. 3, 16; Трул. 21; VII Всел. 10; Карф. 16; двукрат. 11). (ACO. Concilium universale Chalcedonense anno 451. 2, 1, 2. P. 159:31-33).

[76] Conciliorum Oecumenicorum Decreta: 1529-1572.

[77] Трульский Собор, 24: «Никому из числящихся в священном чине, ни монаху не позволяется ходить на конские ристалища или присутствовать на позорищных играх. И аще кто из клира зван будет на брак, то при появлении игр, служащих к обольщению, да встанет и тотчас да удалится: ибо так повелевает нам учение отцев наших. Аще же кто обличен будет в сем, или да престанет, или да будет извержен». (Conciliorum Oecumenicorum Decreta: 1088-1098).

[78] Великий Софийский Собор, 2 (RallyPotly Т. II. P. 707 и дал.)

[79] Прп. Феодор Студит. Послание 145.

[80] Прп. Неофит Затворник. Книга поучений. 2, 41:68-71.

[81] Никифор Каллист Ксанфопул. Церковная история. 14, 52:35-44.

[82] Свт. Василий Великий. Послание 199, 19:1-8: «Обетов мужей не знаем иных, как разве которые причислили себя к лику монашествующих, которые молчанием показывают, яко приемлют безбрачие. Но и для сих приличным быти мною предварительно, да вопрошаются и да приемлется от них ясный обет (девства) (ἐρωτᾶσθαι αὐτοὺς καὶ λαμβάνεσθαι τὴνπαρ' αὐτῶν ὁμολογίαν ἐναργῆ). И аще совратятся к плотоугодному и сладострастному житию, да подпадут епитимии, положенной для любодействующих».

[83] Свт. Василий Великий. Послание 217, 60:1-5 (Текст цит. по: Правила[Т. 3]. М., 1876. С. 330–331).

[84] ACO Concilium universale Chalcedonense anno 451. 2, 1, 2. P. 161:13-14 (Conciliorum Oecumenicorum Decreta: 680-687).

[85] «Давшие обет девства и нарушившие обет да исполнят епитимию двоебрачных. Девам же, соединяющимся жительством с некими, аки с братьями, мы сие возбранили».

[86] RallyPotly II. P. 256-258.

[87] Трульский Собор 44 (Conciliorum Oecumenicorum Decreta: 1615-1619).

[88] Ср. правила 202, 203, 216 свт. Никифора Константинопольского.

[89] RallyPotly IV. P. 218. Такое же отношение у последующих византийских моралистов и канонистов. Ср. у Пс.Златоуста: «Если соблюдет монах великосхимник, да получит епитимию прелюбодея, а малосхимный монах, если согрешит против свободного лица, принимает епитимию блудника». Свт. Иоанн Златоуст. Епитимии 73 [Sp.]. 3838 (ср. у Никона Черногорца. Типикон. 3. P. 82:19-21).

[90] RallyPotly II. P. 258.

[91] См.: Cod. Theodosianus Tit. IX, XXV, 2 и др.

[92] Conciliorum Oecumenicorum Decreta: 795-813.

[93] VII Вселенский Собор, 20: «Определяем не быть отныне монастырям двойным, потому что сие бывает соблазном и преткновением для многих. Аще же восхотят некие со сродниками отрещися от мира и монашескому житию последовать: то мужам входить в мужской монастырь, а женам входить в женский монастырь; ибо сим благоугождается Бог...» (Conciliorum Oecumenicorum Decreta: 854-886).

[94] VII Вселенский Собор, 22: «...А которых жизнь есть тихая и единообразная, яко давших обет Господу Богу взять на себя иго монашества: те да сядут наедине и умолкнут. Но и священническое житие избравшим не совсем позволительно есть наедине с женами, а разве купно с некоторыми богобоязненными и благоговейными мужами и женами, дабы и сие общение трапезы вело к назиданию духовному. То же соблюдать должно и в рассуждении сродников. Если же случится монаху или мужу священнаго чина в путешествии не иметь потребнаго и по нужде восхочет он препочить в гостинице или в чьем либо доме: разрешается таковому сие творить, поелику нужда требует» (Conciliorum Oecumenicorum Decreta: 901-957).

[95] Апостол (сист. собрание) 14, 8:13.

[96] *Казанский*, 2000. С. 235–236.

[97] *Прп. Иоанн Кассиан*. Установления. 10, 12. Правила прп. Пахомия.

[98] Житие прп. Пахомия (из Афинского кодекса 1015). 28:19-20 ἐτοιμοὺς δὲ πρὸς ὑπακοὴν εἶναι καὶ μὴ ἔχειν θέλημα καρδίας ἐν μηδενί, ἵνα καρποφορήσωσιν τῷ θεῷ.

[99] *Свт. Василий Великий*. Пространные правила. 12 (PG 949:8-9).

[100] *Свт. Василий Великий*. Пространные правила. 41 (PG 1024:24-25).

[101] *Свт. Василий Великий*. Малые правила. 29 (PG 31, 1101:43-46).

[102] *Преп. Феодор Студит*. Большой катехизис. 295:8-12.

[103] *Analecta Hymnica Graeca*, 26 ноября, 42 ode Synaxarium. Полный текст: «В тот же день память преподобного отца нашего Акакия, упоминаемого в Лествице. Он был в некоем монастыре Азии. Будучи в юном возрасте, вступил в подвижническую жизнь. Имел же руководившего им старца, равнодушного и незаботливого, и не только гневу и бесчестию он постоянно его подвергал, но и мучил ударами. Иногда у него был поврежден глаз, иногда шея, иногда ранена голова. Пробыв же вместе с тем старцем девять лет и умерши, он преставился ко Господу. И когда он был погребен на кладбище отцов, пошел надзиратель кладбища к великому старцу и говорит: “Отче! Брат Акакий умер”, – а тот говорит: “Нет”. И тот, не поняв сказанное, говорит: “Прииди и виждь”. Пришли оба в усыпальницу, и, как у живого, честной старец спросил у умершего: “Брат Акакий, ты умер?” А он тотчас ответил: “Как, отче, можно, чтобы умер человек – делатель послушания?”» (Ἦλθον οὖν ἀμφότεροι εἰς τὸ κοιμητήριον καὶ ὡς πρὸς ζῶντα ὁ τίμιος γέρων ἔφησε πρὸς τὸν τελευτήσαντα: “Ἀδελφὲ Ἀκάκιε, ἀπέθανες;” Ὁ δὲ εὐθέως ἀνταπεκρίθη: “Πῶς, πάτερ, ἄνθρωπον ὑπακοῆς ἐργάτην ἀποθανεῖν δυνατόν;”).

[104] «Истинно и искренне проходящие монашеское житие да удостаиваются приличная чести. Но поелику некоторые, для вида употребляя одежду монашескую, разстраивают церкви и гражданские дела, по произволу ходя по градам, и даже монастыри сами для себя составлять покушаются: то рассуждено, чтобы никто нигде не созидал и не основывал монастыря или молитвеннаго дома без соизволения епископа града. Монашествующие же в каждом граде и стране да будут в подчинении у епископа, да соблюдают безмолвие, да прилежат токмо посту и молитве, безотлучно пребывая в тех местах, в которых отреклись от мира, да не вмешиваются ни в церковные, ни в житейские дела и да не приемлют в них участия, оставляя свои монастыри: разве токмо когда будет сие позволено епископом града по необходимой надобности. Да не приемлется также в монастырях в монашество никакой раб без воли господина его. Преступающему же сие наше определение определили мы быть чуждым общения Церковнаго, да

не хулится имя Божие. Впрочем, епископу града надлежит иметь о монастырях должное попечение».

[105] АСО, Concilium universale Chalcedonense anno 451. 2,1,2 P. 159:15-19.

[106] IV Вселенский Собор, 8. «Клирики при богадельнях, монастырях и храмах мученических да пребывают, по преданию святых отец, под властью епископов каждого града и да не исторгаются по дерзости из-под управления своего епископа. А дерзающие нарушать сие постановление, каким бы то ни было образом, и не подчиняющиеся своему епископу, аще будут клирики: да подлежат наказаниям по правилам; аще же монашествующие или миряне: да будут отлучены от общения Церковнаго». (АСО, Concilium universal Chalcedonense anno 451. 2, 1, 2. P. 160:34-39).

[107] IV Вселенский Собор, 18 (АСО, Concilium universale Chalcedonense anno 451. 2, 1, 2 P. 161:25-28 [Conciliorum Oecumenicorum Decreta: 711-721])

[108] Трулльский Собор, 34: «Понеже священное правило ясно возвещает и сие, что преступление соумышления или составления скопища, и внешними законами совершенно воспрещено: много же паче надлежит воспретить, да не бывает сие в Церкви Божией: то и мы тщимся соблюдать, да аще некие клирики или монахи усмотрены будут вступающими в соумышления или скопища или строящими ковы епископам или соклирикам, совсем да низвергаются со своей степени» (Conciliorum Oecumenicorum Decreta: 13411353).

[109] Двукратный Собор, 2 (Правила Поместных соборов [Т. 2]. М., 1880. С. 796–798).

[110] Двукратный Собор, 2 (Правила Поместных соборов [Т. 2]. С. 800–801).

[111] VII Вселенский Собор, 17: «Некоторые из монахов, желая начальствовать, а послушания отменяясь, оставив свои монастыри, предприимлют создавать молитвенные дома, не имея потребнаго к совершению оных. Аще убо кто дерзнет сие творить, да будет ему возбранено от местнаго епископа. Аще же имеет потребное к довершению: то преднамеренное им да приведется к концу. Сие же самое соблюдать и для мирян, и для клириков» (Conciliorum Oecumenicorum Decreta: 779-790).

[112] VII Вселенский Собор, 21: «Не долженствует монах или монахиня оставлять свой монастырь и отходить во иной. Аще же случится сие, то странноприимство явить ему необходимо, а принимать его без воли игумена его не подобает» (Conciliorum Oecumenicorum Decreta: 891-896).

[113] Трулльский Собор, 46. «Избравшие подвижническое житие и определенныя в монастыри отнюдь да не исходят. Аще же неизбежная некая нужда побудит их к сему: да делают сие по благословию и соизволению настоятельницы; но и тогда исходить должны не одне сами по себе, а с некоторыми старицами и с первенствующими в монастыре по повелению игумени. Ночевать же вне монастыря совсем не позволяется им. Такожде и мужи, проходящие житие монашеское, да исходят, когда настает нужда, по благословию того, кому вверено начальство. Посему те, кои преступают сие нами постановленное определение, мужи или жены, да подвергнутся приличным епитимиям» (Conciliorum Oecumenicorum Decreta: 1666-1682).

См. также следующее правило: Трулльский Собор, 47. «Ни жена в мужском монастыре, ни муж в женском да не спит. Ибо верные должны быть чужды всякаго преткновения и соблазна и благоучреждать жизнь свою сообразно с благоприличием и благоприступанием ко Господу. Аще же кто сие учинит, клирик ли, или мирянин: да будет отлучен» (Conciliorum Oecumenicorum Decreta: 1687-1694).

[114] Двукратный собор, 4 (Правила Поместных соборов [Т. 2]. М., 1880. С. 803–805).

[115] Трулльский Собор, 42. «Об именуемых пустынниках, которые в черных одеждах и с отращенными власами обходят грады, обращаясь среди мирских мужей и жен, и безславят обет свой, определяем: аще восхотят, постригши власы, прияти образ прочих монашествующих, то

определять их в монастырь и причислять к братьям. Аще же не пожелают сего, то совсем изгонять их из градов, и жить им в пустынях, от коих и именованье себе составили» (Conciliorum Oecumenicorum Decreta: 1574-1591).

[116] АСО, Concilium universale Chalcedonense anno 451. 2, 1, 2. P. 162:15-23 (Conciliorum Oecumenicorum Decreta: 779-798).

[117] Такого же содержания 213 правило патриарха Никифора Константинопольского.

[118] Одним клириком Эладской церкви была высказана мысль о временном характере послушания, после которого христианин должен обрести полную духовную свободу. Эта точка зрения была опровергнута в специальной брошюре, составленной монахами афонского монастыря Грегориат.

[119] В недавнее время в России велась дискуссия о послушании (между иером. Доримедонтом (Сухининым) и игум. Сергием (Рыбко)).

[120] В ставропигиальных монастырях Константинопольского Патриархата некогда действовало так называемое «византийское право». Если собственностью распоряжается игумен, он может две части своей собственности свободно оставить своим родителям, а третью часть монастырю, которым он руководит. Также он может спокойно назначать себе наследников. В сер. XX в. в Греции половина благ, оставшихся после монахов, становилась достоянием Церкви (Закон 3414, 1909 г., статья 19 и статья 4. Подробнее см. в: De Meester, 1942).

[121] В 89 гомилии «Пандект» Антиоха Монаха излагаются краткие сентенции о нестяжании монаха. (89:1 (Ἡ ἀκτῆμοσύνη εἰλικρινῆ τὴν πολιτείαν τοῦ μοναχοῦ ἀποδείκνυσιν. Ἀκτῆμων μοναχὸς ἀετὸς ὑπάρχει ὑψιπέτης. ...)

[122] В толковании 6 правила Двукратного Собора. RallyPotly II. P. 668.

[123] Правило 81.

[124] Трулльский Собор, 45: «Понеже мы уведали, яко в неких женских монастырях приводящие имеющих сподобиться онаго священнаго образа первее облакают их шелковыми разноцветными одеждами, испещренными златом и драгоценными камнями, и с приступающих таким образом ко алтарю снимают столь великолепное одеяние и в тот же час над ними совершается благословение образа монашескаго и их облакают в черное одеяние, того ради определяем: да отныне сего отнюдь не бывает. Ибо неблагоприлично, чтобы по собственному произволению отложившая уже всякую приятность житейскую, возлюбившая жизнь по Боге, утвердившаяся в оной непреклонными мыслями и тако к монастырю приступившая, чрез таковое тленное и исчезающее украшение возвратилась к воспоминанию о том, что уже предала забвению, и от сего явилась бы колеблющеюся, и возмутилась в душе по подобию волн потопляющих, туда и сюда вращающих, так что, иногда и проливая слезы, не являет она тем сердечнаго сокрушения; но аще, якоже свойственно есть, и упадет малая некая слеза, то и сия видящим возмнится происходящую не толико от усердия к подвигу монашескому, колико от разлучения с миром и с тем, что в мире» (Conciliorum Oecumenicorum Decreta: 1624-1658).

[125] Но монастыри и дары получали, и вступали в наследство. Апофт. 148, 2: в общежитие аввы Геласия «оставлено неким старцем, который был также монахом, келья и поле рядом с ней».

[126] Апофтегма 245, 8.

[127] Свт. Василий. Пространные правила. 16 (PG 31, 960:34-35).

[128] Свт. Василий. Краткие правила. 265 (PG 31, 1264:7-9).

[129] Прп. Феодор Студит. Большой аскетикон (349:1-5) ἡ ὁμοκτημοσύνη, μᾶλλον δὲ τὸ μηδὲν ἔχειν καὶ πάντα κατέχειν, ἡ ἀγαπητικὴ ἐπὶ πᾶσι διάθεσις, ἡ τῶν σαρκικῶν γονέων ἀδελφῶν τε καὶ συγγενῶν πάντων ἀπαλλοτριώσις.

[130] IV Вселенский Собор, 2. См. также VII Вселенский Собор, 5. (Conciliorum

[131] IV Вселенский Собор, 3: «Дошло до святого Собора, что некоторые из принадлежащих к клиру ради гнусного прибытка берут на откуп чужия имения и устрояют мирские дела, о Божием служении небрегут, а по домам мирских людей скитаются и поручения по имениям приемлют из сребролюбия. Посему определил святой и великий Собор, чтобы впредь никто: ни епископ, ни клирик, ни монашествующий – не брал на откуп имений и в распоряжение мирскими делами не вступал (ἢ πραγματῶν ἐλεισάγειν ἑαυτὸν κοσμητικῶς διοικήσει); разве токмо по законам призван будет к неизбежному попечительству над малолетними, или епископ града поручит кому иметь попечение о церковных делах, или о сиротах, и вдовах безпомощных, и о лицах, которым особенно нужно оказать церковную помощь ради страха Божия. Аще же кто впредь дерзнет преступить сие определение: таковой да будет подвергнут церковному наказанию» (ACO, Concilium universale Chalcedonense anno 451. 2,1,2. P. 157:20-159:9 (Conciliorum Oecumenicorum Decreta:457-471).

[132] VII Вселенский Собор, 13 (Conciliorum Oecumenicorum Decreta:660-679).

[133] Сам Юстиниан, после того как в 535 и 538 гг. издал 5-ю и 76-ю новеллы, в 546 г. нормы, содержащиеся в 5-й новелле, восполнил также в новелле 123. Гл. 38 разрешала, чтобы после принятых обетов монах распоряжался имением в пользу своих сыновей, если таковых имел, так, чтобы они получили $\frac{1}{4}$ часть, а остальное – монастырь.

[134] Но сыновьям должна отойти законная часть наследства (1/4 часть). Первый вариант – сразу: новелла V, гл. V. P. 32:26-31. Или потом самим монастырем: новелла V, гл. V. P. 32:31-36.

[135] Юстиниан, император. Новелла 5, гл. V. P. 32:13-19.

[136] Юстиниан, император. Новелла 5, гл. V. P. 32:25-26.

[137] Юстиниан, император. Новелла 123, гл. 1. P. 667:26-28. Ср. Новелла 56. Вступление, где говорится о том, что до вступления в монастырь кандидат в монашество может распорядиться своим имением по своему усмотрению. «Но ребенку или детям отдать или все? или часть своей собственности, или, как захотят, распорядятся своими вещами» (ἀλλὰ τῷ παιδί ἢ τοῖς παισὶ παραλέμειν εἴτε τὸ πᾶν εἴτε καὶ μέρος τῆς οἰκείας περιουσίας, ἢ καὶ ὃν βούλονται τρόπον τὰ οἰκεῖα διατιθέναι πράγματα. P. 380:11-12).

[138] RallyPotly II. P. 667-668. Двукратный Собор, 4 (Правила Поместных соборов [Т. 2]. М., 1880. С. 814–816).

[139] RallyPotly II. P. 668.

[140] В толковании на 19 правило VII Вселенского Собора II. P. 632–633.

[141] Св. Кассиан. Постановления 4, 4.

[142] Монахи после пострига могут приобретать имение и даже устанавливать ему наследников, в то время как до пострига часть своего имения они передавали монастырю. А наследство определяется как $\frac{2}{3}$, в то время как $\frac{1}{3}$ передается монастырю. Тот же, кто собирался вступить в монастырь, не передавал монастырю ничего из своей собственности. Постановления 5 и 6 (Novellae, Διατάξεις). И более того: с того времени монахам стало легче становиться опекунами и кураторами, но только так, чтобы отчасти и на определенных условиях они могли управлять собственностью сирот.

[143] О постриге как о втором крещении пишет свт. Симеон Фессалоникийский, обращаясь к афонским монахам, называя его «вторым крещением и спасительной и ангелообразной схимой» (Послание 5:5-6).

[144] Иоанн Оксит. Слово о монастырях 4:164-168 .

[145] Выражение «отречения и предписания» имеет огромную траекторию в христианской письменности. Ср. «Апостольские постановления» о крещаемом: Апостольские постановления 7, 40:1-3. 40. «И когда оглашенный будет готов ко крещению, да научится отречению от диавола

и сочетанию со Христом». В поздневизантийской письменности эти слова имеют все большее отношение к монашескому постригу, см. особо у прп. Неофита Затворника: *Прп. Неофит Затворник*. Гомилия 5, 46:1-3. И др.

[146] Акты Протата, Хрисовулл и Типикон Мануила II Палеолога (1406 г.). Вступление:18-20. «Прежде монахи должны, насколько возможно, соблюдать отречения. Ибо чин монашеского жителства не только в том, что относится к исполнению добродетелей, но и к приобретению других духовных (даров)».

[147] *Прп. Дорофей*. Душеполезные поучения. 1, 19:5-9.

[148] «Отречение не только от отдельных живых существ, но и от помыслов показывает совершеннейшее любомудрие монахов, осуществляющееся в знании единотворных заповедей» (*Дионисий Ареопагит*. О церковной иерархии Р. 117:24).

[149] *Юстиниан, император*. Новеллы. 675:1-6.

[150] *Прп. Симеон Столпник*. Слово. 4. Р. 52:24-25 περιστερὰ ἀμόλυντος ἀκεραία ἐν στερήσει τέκνων, καὶ μοναχὸς διὰ σωφροσύνην ἀποτάκτης τῶν γηίνων.

[151] *Кирилл Скифопольский*. Житие Евфимия. Р. 18:79.

[152] *Прп. Ефрем Сирий*. Побудительные слова египетским монахам, 47.

[153] *Прп. Ефрем Сирий*. Увещание аскетам. Р. 347:1.

[154] *Прп. Ефрем Сирий*. Увещание аскетам. Р. 351:5-6.

[155] Свт. Геннадий Схоларий писал монахине Софросинии (Целомудренной), что она выбрала целомудрие: Πρὶν ἐμπλακῆναι ταῖς καταγίσι καὶ ταῖς (5) ταραχαῖς τοῦ τῶν πολλῶν βίου, ὄντως σωφροσύνη καὶ γνώσει ἀκεραίωξέξελέξω τὸ κάλλιστον· πᾶσαν ἀπέρριψας τὴν ματαιότητα τῶν προσηλωμένων τῷ βίῳ γυναικῶν· τῷ ἀληθινῷ ἐνυμφεύθης νυμφίῳ Χριστῷ.

[156] *Даниил Скитский*. *Thomais Alexandrina* А:33-42.

[157] См. доклад *иг. Дионисия (Шлёнова)*. Добродетель послушания в греческой святоотеческой традиции (V международная богословская конференция, 2009 г.)

[158] Апофтегмы (анонимное собрание). 225:1-8.

[159] Апофтегмы (алфавитное собрание) 10.

[160] *Иоанн Мосх*. Луг духовный 143. Р. 3005:22-24.

[161] Лествица. 23, 965:29-33.

[162] Апофтегмы (систематическое собрание) (сар. 10–16). 14, 9:1-2.

[163] Житие Симеона Столпника Младшего 27:8-12.

[164] *Св. Антоний III Студит*. Поучение 3:113-117.

[165] В житии св. Андрея Юродивого обличается нерадивый монах: «В этом ли состоит чин монахов и нестяжание и удаление из тщетной жизни?». (32:2064).

[166] *Прп. Феодор Студит*. Послание. 513:46-49.

[167] *Феодор Никейский*. Послание. 43:14.

[168] Апофтегмы (алф. собрание) Р. 429.

[169] *Прп. Максим Исповедник*. Главы о любви. 3, 85:2-6.

[170] *Прп. Ефрем Сирий*. Подвижническое слово. Р. 178:57.

[171] *Прп. Ефрем Сирий*. Увещание монахам Р. 340.

[172] *Свт. Василий Великий*. Послание. 22:52-54 .

[173] Житие Симеона Столпника Младшего. 27:57-58.

[174] *Юстиниан, император*. Новелла 123. Р. 669:10-14 «Ибо многочислен священный лик таковых книг и способен исправить и зажечь душу каждого священными словесами, которые, если будут постоянно читать, никогда не ошиблись бы и не были бы низведены к человеческим заботам».

[175] Преподобный старец Порфирий Кавсокаливит (1906–1991, Греция).

[176] Архимандрит Софроний (Сахаров) (1896 –1993) – богослов, ученик прп. Силуана Афонского, рассказавший миру про его жизнь и учение, основатель монастыря Святого Иоанна Предтечи (Великобритания).

[177] Монастырь в округе Оропос в Аттике, широко известный своей издательской деятельностью.

[178]. Слово к братии Валаамского монастыря 9 июля 2011 г.

[179]. Приветственное слово Святейшего Патриарха Сербского Иринея участникам симпозиума.

[180]. См.: Преподобного и богоносного отца нашего Феодора, великого подвижника и епископа Едесского, сто душеполезнейших глав. Гл. 48 // Добротолюбие. Т. 3.

[181]. *Федотов Г.* Святые Древней Руси. М., 2003. С. 219.

[182]. Σωτήριος Ί. Μπαλατσούκας. Διονύσιος Μητροπολίτης Τρίκκης καί Σταγῶν (1907–1970). Βίος καί πνευματικές παρακαταθήκες. Τρίκαλα, 2012. Σ. 63.

[183]. Σωτήριος Ί. Μπαλατσούκας. Διονύσιος Μητροπολίτης Τρίκκης καί Σταγῶν (1907–1970). Βίος καί πνευματικές παρακαταθήκες. Τρίκαλα, 2012. Σ. 41.

[184]. Беседа в неделю восьмую по Пятидесятнице «Евангелие об Умножившем хлебы в пустом месте».

[185]. Слово к братии Валаамского монастыря 9 июля 2011 г.